
АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ
ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВИХРЬ

Annotation

3727 год.

Конфедерация Солнц, на протяжении тысячелетия объединявшая большинство миров Обитаемой Галактики, переживает кризис. Именно в этот сложный для человечества момент на исторической сцене внезапно появляется тень из прошлого — искусственный интеллект, созданный три миллиона лет назад расой насекомоподобных существ, пробуждается от небытия вследствие боевых действий на скованном льдами спутнике планеты Эригон.

Андрей Ливадный Галактический вихрь (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 23)

Пролог

Три миллиона лет до нашей эры. Планета Земля — родина человечества. Раннее утро…

Гуги сидел на корточках у черного зева пещеры.

Утренний ветер слабо шевелил листву деревьев. Огромные руки питекантропа, покрытые, как и все тело, черной шерстью, свободно доставали до земли, опираясь на холодный камень мощными кулаками.

Гуги был мечтателем. Он любил смотреть в небо

Взгляд первобытного человека завороженно скользил по темным еще небесам, где сплетались в хитрые узоры мириады ярких огоньков.

Он еще не мог осознать, что видит звезды. Просто его взгляд притягивала эта бездонная чернота. Часами Гуги смотрел на созвездия, которым его далекие потомки через тысячи лет дадут имена своих богов и героев. В глубоко спрятанных под надбровными дугами глазах питекантропа отражался далекий звездный свет.

Где-то неподалеку в настороженной предрассветной тишине вдруг раздался приглушенный рык. Затем последовали неясные звуки отчаянной борьбы, громко запричитала и захлопала крыльями потревоженная в своем гнезде птица.

Гуги привстал, одной рукой по-прежнему опираясь о землю. В другой он сжимал увесистый корявый сук, в расщепленный конец которого был надежно вставлен кусок обсидиана — вулканического стекла.

Из его груди вырвалось глухое, раздраженное рычание.

Внизу, у подножия скал, в утреннем сумраке блеснула пара желтых глаз, затрещали кусты, и кто-то огромный и грузный проломился сквозь них, унося с собой добычу.

Гуги знал, что опасность миновала, но он не был настолько добродушен и беспечен, чтобы вот так сразу успокоиться. Не выпуская из руки свое примитивное оружие, он еще некоторое время метался взад и вперед по обрывистому краю площадки перед пещерой, глухо и вызывающе ворча.

Потом, утомленный этими проявлениями воинственности, он для острастки пометил, помочившись, край ведущей вниз тропы и вновь сел, опустив руки между колен.

Взгляд первобытного человека, еще немного поблуждав по темным окрестным зарослям, опять вернулся к небу.

Из груди питекантропа вырвалось рычание — глухое, раздраженное и озадаченное.

Среди привычной россыпи побледневших к утру точек, там, где они сбегались вместе, образуя узкую извилистую тропу, которая, как заметил Гуги, вела от одного края неба к другому, появилась еще одна яркая, очень яркая точка… Как будто там, в небесах, зажегся недобрый помаргивающий глаз хищного зверя.

Это было уже слишком…

Гуги встал, немного покружил по площадке, чувствуя неясное смятение. Потом прополз под низкий свод пещеры, с глухим ворчанием согнал с места молодого самца и устало лег.

На следующую ночь, когда он вновь взглянул на безоблачное небо, там уже не было никакого глаза.

* * *

Бездна пространства отделяла угасающую красную звезду от прародины человечества.

Когда Гуги наблюдал на ночном небе странную вспышку, источник света был мертв уже десять тысяч лет. Такова ирония галактических расстояний — световому потоку понадобилось именно столько времени, чтобы достичь Земли и зажечь в ее ночном небе яркий фантом.

Это не было катастрофической гелиевой вспышкой сверхновой звезды. Трагедия, разыгравшаяся в одном из участков Млечного Пути, носила рукотворный характер.

Та звезда, о которой идет речь, была недоступна визуальному обнаружению. Она была невидима во всех диапазонах, кроме инфракрасного, потому что старое солнце окружала циклопическая искусственная конструкция.

Потомки Гуги назовут такое сооружение сферой Дайсона и теоретически докажут невозможность ее существования.

Человечество изобретет гиперсферный привод и пойдет по пути колонизации других звездных систем.

Галактику будут сотрясать катаклизмы и войны. Люди будут умирать и рождаться, осваивать новые планеты, любить, ненавидеть, созидать и разрушать…

А где-то совсем недалеко от обитаемой Галактики, среди старого звездного скопления, пронумерованного в каталогах семизначной цифрой, будет сиять маленькое красное солнце, окруженное со всех сторон той конструкцией, в невозможность существования которой люди уверятся еще

на заре освоения космического пространства…

Там, среди хаоса, разрушений и миллионолетнего запустения будет жить отзвук той катастрофы, свет от которой видел питекантроп на первобытной Земле.

Когда еще не было звезд и планет, Вселенную уже населяли такие формы, которые современная наука, несомненно, обозначила бы термином «жизнь».

Это был странный, изменчивый мир, пребывающий в стадии затянувшегося вселенского катаклизма. Протовещество, стремительно удаляясь от эпицентра Большого Взрыва, одновременно распадалось на элементарные частицы и образовывало гигантские пылевые облака, в которых постепенно начинали загораться первые звезды будущих разбегающихся галактик.

Как много позже в горячих первобытных океанах планет зародится органика, в этой пылевой среде тоже зарождалась и эволюционировала первая жизнь.

Существа, возникшие в ту пору, были сгустками сверхплотной протоматерии. Вместо того чтобы разложиться вместе с другим веществом, эти частицы Большого Взрыва сумели сохранить свою структуру, и, более того, они научились поддерживать ее, поглощая свободный водород и космическую пыль.

Это была первая, самая низшая ступень эволюции жизни во Вселенной. Позже современники Интеллекта назовут этих пространственных амеб Предтечами.

…Прошли миллионы лет. Вселенная стабилизировалась, обрела формы метагалактик. Странные, совершенно не похожие на людей существа, пройдя путь развития под пухлыми шапками атмосфер своих планет, в конечном итоге сделали первый шаг в космос.

И узнали о том, что обречены.

На их пути стояли Предтечи.

Это не было конфликтом разумов. Космические амебы не смогли развиться в мыслящих существ. Их дрейф в пространстве напоминал вихрь. Как стихийное бедствие, двигались они от периферии Галактики к ее центру, пожирая на своем пути все доступное вещество. Как саранча уничтожает посевы, так и волна Предтеч уничтожала космическую пыль, мелкие планетоиды и даже целые планетные системы. От них невозможно было бежать, и с ними нельзя было договориться. Существа со страхом и смятением наблюдали за приближением голодной неразумной орды…

Чтобы осмыслить картину разыгравшейся в пространстве трагедии,

нужно прежде всего уяснить себе истинный размер и физическую природу такой конструкции, как сфера Дайсона.

Она представляла собой полый шар, собранный из отдельных секций, внутри которого была заключена звезда. Таким образом, внутренняя поверхность сферы, в миллиарды раз превышающая площадь Земли, перехватывала все исходящие от звезды излучения. Существа, которые построили это техническое чудо, снабдили свой мир рельефом, а вращение сферы вокруг своей оси со скоростью семьсот пятьдесят километров в секунду создало на ее внутренней поверхности искусственное тяготение, которое на экваторе почти равнялось земному, а ближе к полюсам сферы слабело, постепенно сходя на нет. Перед полюсами были возведены кольцевые барьеры, предназначенные удерживать атмосферу в экваториальной части мира и отделять зону с нормальным тяготением от безвоздушных районов полюсов.

…Движение Галактического вихря было неотвратимо. Все попытки повернуть вспять катастрофическую миграцию или хотя бы отклонить ее гибельный курс потерпели неудачу.

Световой фантом одной из таких разрушительных попыток и наблюдал спустя десять тысяч лет питекантроп на древней Земле…

Обитатели сферы были приговорены. Им оставалось лишь надеяться, что, может быть, кто-то из них сумеет пережить катастрофу… Последним отчаянным шагом с их стороны была попытка спасти искусственный Интеллект, созданный ими для управления сферой Дайсона…

Часть первая. Контакт

Глава 1. Пробуждение

Система Эригон. Спутник третьей планеты — Луна L-17 по универсальному каталогу. 3727 год Галактического календаря…

Он просыпался, и это было мучительно.

Ощущение самого себя — то, что называется самосознанием, — не вернулось к нему внезапно, как вспышка света или резкий звук…

Нет… Процесс был стихийным, мучительным и долгим.

Быть может, в реальном времени прошли годы, а то и десятилетия, прежде чем погребенный под многокилометровой толщей льда Интеллект собрал блуждающие по его кристаллическим внутренностям слабые световые потоки в первую осознанную мысль…

Функционировала далекая периферия…

Центральный процессор Интеллекта занимал собой естественную полость, образовавшуюся в коре планеты еще при ее формировании. Искусственно расширенная пещера, над которой миллионы лет назад плескалось теплое море, а сейчас располагался необъятный ледник, тонула во мраке. Посреди нее пролегал тусклый желоб, а в нем застыл прозрачный десятиметровый кокон, доверху заполненный серыми кристаллами, внутри которых когда-то струились мощные световые потоки, а сейчас блуждали робкие голубые огоньки.

Интеллект был один.

Еще не окончательно осознав факт собственной реанимации, он уже был твердо уверен в этом…

Миллионы лет канули в черную бесконечность. Волна неумолимого уничтожения стерла с лица Вселенной создавший его народ.

Предтечи победили…

Горечь поражения напоминала далекую, давно забытую боль.

* * *

…Интеллект не задавался вопросом, что пробудило его от миллионолетней комы.

Его память была полна страшными травматическими воспоминаниями, которые поначалу затмевали все остальное, заставляя запертый в темной пещере, отрезанный от реальности кристаллический мозг вновь и вновь переживать те последние часы, которые предшествовали окончательному краху…

Он видел, как бесноватые орды голодных Предтеч волна за волной окатывали огромные площади сферы, сметая защитные сооружения, круша тонкие, точно выверенные балансировочные механизмы, проедая глубокие безобразные борозды в волокончатой броне…

Их рефлекторная, животная ярость была страшна и отвратительна.

Он с убийственной очевидностью понял, что битва проиграна и даже он бессилен остановить этот напор. Его создатели были обречены. Никакие защитные сооружения, никакое оружие не могли остановить голодных космических хищников, которые раз за разом проникали все глубже, выедая целые тонны вещества с поверхности созданного титаническими усилиями цивилизации убежища.

Потом нити управления сферой начали обрываться одна за другой. Интеллект, созданный для того, чтобы управлять циклопическим сооружением, терял свои основные функции. Вся его оперативная периферия рушилась.

Это была агония. Он умирал вместе со сферой и населяющими ее существами.

Наверное, именно в эти страшные минуты внутри кристаллического мозга, функционировавшего на основе фотонного процессора, родились элементы самосознания. Все связующие нити с внешним миром были оборваны, и он — огромная машина с невероятным быстродействием — внезапно оказался не у дел. Он продолжал мыслить с такой скоростью, что самые совершенные компьютеры людей в сравнении с ним были не более чем примитивными арифмометрами.

Он не знал, что полное отключение всей периферии было связано с отчаянной попыткой спасти его центральную часть. Существа, построившие Интеллект, прекрасно понимали, что только он способен восстановить сферу, после того как схлынет волна Предтеч. Его матрицы спешно демонтировали и грузили в космический корабль, но центральный процессор не был отключен. Он продолжал мыслить, замкнутый сам на себя и предоставленный самому себе…

Он мыслил, пока внутри его тек свет. Потом свет угас, когда иссякли источники питания, и Интеллект отключился.

Последняя его мысль была о том, что даже ему не удалось пережить волну Предтеч…

Интеллект не знал, что его успели переместить в один из тайных схронов, оборудованный в недрах безымянного планетоида.

Однако информация о нем хранилась в блоках постоянной памяти, и Интеллект узнал это место, когда очнулся спустя несколько миллионов лет.

Злая ирония его судьбы заключалась в том, что он оказался в положении калеки. Кто бы ни доставил его сюда — он не справился со своей задачей до конца. Центральный процессор Интеллекта был собран, наполненные кристаллами прозрачные сегменты оказались плотно пригнаны друг к другу в правильном порядке, вокруг, подключенная к органам управления космического корабля, раскинулась его оперативная периферия, но связь между ней и процессором отсутствовала. Работали основная память и несколько сканерных блоков, посредством которых он ясно воспринимал электромагнитные волны искусственного происхождения. Причем источник сигналов находился совсем близко, где-то в пределах той самой планеты, в недрах которой оказался заперт Интеллект.

Ему оставалось только одно — вслушиваться в эти волны, теряясь в догадках во мраке подземелья, и ждать. Если что-то пробудило его, пустив гулять по кристаллам процессора робкий лучик света, то рано или поздно все повторится опять, и тогда он уже не упустит шанса полностью восстановить свои функции.

Снедаемый сомнениями, Интеллект не мог знать, что пойманные им волны не принадлежат ни одному из его периферийных устройств. Они не имели никакого отношения ни к его народу, ни к Предтечам.

Шел 3727 год Галактического календаря.

Планета, на орбите которой кружила покрытая ледовым панцирем луна, где оказался замурован Интеллект, называлась Эригон, и была она колонизирована людьми тысячу двести лет назад.

К тому же на ней назревали крупные неприятности, и случайное пробуждение Интеллекта было связано именно с ними.

Борт космического фрегата «Зевс». Сектор Эригона. 3727 год Галактического календаря.

— Ну что, Клаус, какие новости? — Доминик фон Риттер оторвал взгляд от кружки крепкого эригонского пива и взглянул на вошедшего в бар Зельцмана.

Капитан уселся напротив, жестом показав бармену, что тоже желает выпить.

— На днях полетим, — сообщил он.

— Меня берешь? — вскинул бровь Доминик.

— Да. — Клаус протянул руку, забрав со стойки свое пиво. — Нужно подобрать десять человек из твоего взвода. Остальных я распределю сам.

— А почему не весь мой отряд?

— Не пройдет, — лаконично ответил Клаус. — Нужны только профи. А у тебя их десять. Обязательно включи в группу обоих снайперов. Боевые костюмы по автономному варианту. Те, что без знаков различия.

Лейтенант фон Риттер отодвинул свою кружку и облокотился о стойку.

— Опять без орбитальной поддержки… — угрюмо вздохнул он, сделав очевидный вывод из слов командира. — Сбросят, как паршивых котят, в заведомое дерьмо. «И если вы провалите миссию…» — передразнил он гнусавый голос командира «Зевса» генерала Кончини.

Клаус сделал большой глоток пива и закурил, вполуха слушая лейтенанта. Болтовня фон Риттера, возможно, и не отличалась эстетизмом, но суть вещей он улавливал верно.

К сожалению, в этом столетии Эригон переживал не лучшие свои времена.

В начале тридцать восьмого века начался политический упадок и постепенный развал Конфедерации Центральных миров.

Такова историческая участь всех крупных конфедеративных образований, — достигнув апогея своего могущества, союз старых колоний, составлявший некогда ядро внеземной цивилизации, начал постепенно разрушаться, в то время как на бывшей Окраине окрепли молодые и энергичные сообщества. Старая, во многом догматичная и консервативная Конфедерация год от года ветшала, и молодые промышленные гиганты все чаще поглядывали в ее сторону, явно мечтая о переделе сфер влияния и рынков сбыта.

Интересы Конфедерации и Окраины скрещивались в секторе Эригона, который, по историческому определению, не принадлежал ни к одной из сторон, но их молчаливое противостояние все больше и больше начинало походить на две половинки гигантских тисков, медленно сжимавших определенный участок пространства. С одной стороны были Совет Безопасности миров и Звездный Патруль — инструменты официальной доктрины всеобщего равенства, планетных суверенитетов и защиты прав разумных существ, а с другой — личные интересы отдельных планет и корпоративных альянсов Окраины, еще не решившихся на открытое противостояние, но уже готовых столкнуть опасную лавину событий, и в сфере большой межпланетной экономики набирала обороты негласная война…

— Доминик, подготовь ребят как следует, — проговорил Клаус, погасив окурок. — Кончини темнит, — поделился он своими

предчувствиями. — Цель миссии пока не ясна, но ты прав — работать будем без орбитальной поддержки, а главное — без межпланетных санкций… Он дал мне понять, что возникли осложнения с правительством Эригона. Короче, генерал хочет слезть с елки, не ободрав задницы… — заключил он.

Физиономия фон Риттера помрачнела.

— Грязная работа? — нахмурившись, спросил он.

— Нет… Не думаю, — успокоил его капитан. — Генерал слишком любит свою карьеру, чтобы лезть в темные дела. Просто у него есть определенная информация, полученная по неофициальным каналам, подтвердить которую нам предстоит уже в ходе миссии. Если все сложится, то будут и санкции, и поддержка.

— А если нет?

— Как обычно… — пожал плечами Клаус. — На то ты и «скарм», Доминик, — напомнил он.

* * *

Этому диалогу двух офицеров предшествовал другой, более лаконичный разговор, состоявшийся между генералом Кончини и неким таинственным абонентом.

Вызов пришел через глобальную межпланетную компьютерную сеть. Человек на том конце линии даже не подозревал, что общается с командиром боевого соединения Патруля. Для него это был обычный виртуальный адрес электронной почты, куда он время от времени высылал информацию, в обмен на которую на его счет в банке аккуратно поступали гонорары.

Получив вызов, генерал Кончини уселся перед терминалом компьютера, жестом отпустив топтавшегося в каюте адъютанта.

Дождавшись, пока за младшим офицером закроется дверь, он отжал клавишу.

«Информация подтвердилась. Груз на месте. Адрес: Луна-17, старая подледная база, третий нежилой уровень. Время неизвестно».

Кончини отстучал в ответ несколько ничего не значащих фраз и в задумчивости потер подбородок.

В его карьере назревал крутой перелом.

Генерала вдруг залихорадило. Он встал, подошел к вмонтированному в переборку мини-бару и плеснул себе выпить. Еще ничего не случилось, а руки уже дрожали.

Только что полученная им информация имела огромное значение.

Груз, про который шла речь, был не чем иным, как трехсекционной аннигиляционной установкой «Свет».

Фрегат «Зевс» патрулировал сектор планеты Эригон, который, вследствие молчаливого противостояния Конфедерации и Окраины, был в данный момент одним из самых напряженных участков космического пространства. В этом ключе переоценить важность только что полученного сообщения было невозможно. Мощнейшее оружие, способное превратить планету в огненный пузырь всего за несколько минут, было тайно доставлено на заброшенные горизонты подледной базы ее единственного спутника. Это было идеальное место для нанесения удара по Эригону. Несколько точечных уколов аннигилирующего луча, и охваченная паникой планета выполнит любые продиктованные ей условия.

Несомненно, это был заговор.

Кончини залпом опорожнил стакан и налил себе еще.

Оставалось решить, как распорядиться этой бесценной, но, увы, неподтвержденной информацией. Сообщить о ней президенту Эригона Эрику Эмолайнену? Послать доклад в Совет Безопасности миров? Или взять все на себя?

От рассмотрения последнего варианта Кончини бросило в пот. Генерал, раскрывший заговор против целой планеты!.. Об этом стоило подумать. Успех одной скоротечной операции мог вознести его на вершины галактического Олимпа.

Кончини все больше и больше склонялся к этой соблазнительной мысли. Действительно, отдай он эти сведения президенту Эригона, в лучшем случае получит в ответ слова благодарности и хмурый взгляд со стороны начальства. Если же поступит наоборот, то скорее всего лавры присвоит себе кто-то другой.

Нет… Упустить такой шанс было бы чистой воды безумием.

— Пришлите ко мне капитана Клауса Зельцмана, — распорядился он в интерком, приняв тем самым окончательное решение.

О том, что задуманная им операция выглядела как грубая агрессия и нарушение суверенных границ, Кончини предпочел не вспоминать. Информация достоверна — в этом он был уверен. А когда он получит доказательства готовящегося на Луне-17 чудовищного злодеяния, президенту Эмолайнену не останется ничего, кроме как выдать ему соответствующие санкции задним числом.

Как говорится, победителей не судят…

Глава 2. Превентивный удар

Луна L-17, спутник планеты Эригон. 3727 год Галактического календаря.

…Интеллект, замурованный под толщей льда, который миллионы лет назад был океаном теплой планеты, постепенно приходил в себя.

Из имевшихся в его распоряжении крох информации он сделал два очень важных для себя вывода.

Во-первых, тотальное оледенение планеты было следствием внезапного изменения ее орбиты. В этом скорее всего был повинен тот самый гиперпространственный прыжок, который привел его транспортный корабль-капсулу в эту самую пещеру.

Во-вторых, он понял, что своим внезапным пробуждением он был обязан неким двуногим существам, проложившим в толще льда наклонный тоннель, протянувшийся в сотне метров от места его невольного заключения.

Тот факт, что этот самый тоннель был освещен и свет из него, проникая сквозь прозрачный лед и такую же прозрачную скорлупу корабля-капсулы, оказался достаточно ярким, чтобы, преломившись в полупрозрачных кристаллах, вновь вдохнуть в него жизнь, сначала удивил, а затем испугал Интеллект.

Они не были похожи ни на одну из четырех известных ему разумных биологических форм. По строению своего тела эти существа ближе всего подходили к инсектам, но они никак не могли быть их потомками, потому как свободно разгуливали в толще льда. Ни один инсект не прожил бы тут и дня.

Он начинал ощущать дискомфорт от множества накопившихся вопросов и явной беспомощности своего положения. Интеллект медленно приходил в себя, жадно впитывая исходящий из наклонного тоннеля свет и пытаясь осмыслить ту бездну времени, что лежала между сегодняшним днем и тем прошлым, которое он помнил.

А электромагнитные волны, транслируемые орбитальными спутниками двуногих существ, неслись в пространстве, и их обрывки, которым удавалось пробиться сквозь толщу льда, непроизвольно записывались кристаллическим мозгом.

Он оживал. И настало время, когда ему пришлось обратить пристальное внимание на эти самые сигналы, научиться прочитывать их,

ибо он начал понимать, что прошлое безвозвратно кануло в Лету и теперь в Галактике господствуют именно эти маленькие двуногие существа.

От того, как он сумеет понять их психологию и мировоззрение, зависело будущее Интеллекта.

* * *

Над ледовой поверхностью крупной луны, имевшей собственную, хотя и сильно разреженную, но пригодную для дыхания человека атмосферу, холодный пронзительный ветер стлал поземку.

Здесь даже присутствовала жизнь. По белесой равнине под напором ветра катились крупные шипастые шары. Мхи и лишайники лепились к выступам ледяных торосов с подветренной стороны.

— Еще одна чертова дыра в моем списке…

Голос Доминика, приглушенный стереосистемой коммуникатора, все равно звучал необычайно резко. Клаус поморщился, уменьшив звук. Фон Риттер нервничал, и это уже само по себе было неплохо. Когда он начинает психовать и озираться, это значит, что ни одна мышь не проскочит мимо него незамеченной.

Клаус повел головой, и унылый ландшафт планеты, спроецированный на внутренний дисплей гермошлема, лениво пополз перед его глазами. Голубовато-серая равнина, освещенная тусклым, почти призрачным желтым светом, наводила жуть.

…Групповой корабль высадки пять минут назад исчез среди унылой пурги, и на душе у Доминика было муторно. Так всегда бывает сразу после выброски в незнакомый мир, когда, несмотря на шумное успокаивающее дыхание, наваливается чувство глобального одиночества и отчужденности, словно ты один во всей Вселенной и нет ни пути назад, ни твердого локтя рядом — вообще ничего, кроме враждебной серой мглы, стелящейся по земле метели и неизвестности.

Армейские медики очень точно назвали такие приступы «орбитальным синдромом». Десантник привыкает к тому, что на орбите его всегда ждут огневая поддержка, группы подбора, штурмовики прикрытия, а голос далекого координатора, сидящего в уютной тактической рубке, успокаивает не хуже боевых транквилизаторов…

Фон Риттер сглотнул сухой ком, вставший в горле.

Подразделение «Скарм» тем и отличалось от других, что было способно действовать в любом отрыве, у самого черта на куличках, но в данный момент Доминик, перестраивая свою группу из десяти человек, нервно подумал, что иногда лучше быть откровенным рядовым лохом и

иметь над головой надежную «крышу» из штурмовиков, чем в одиночестве демонстрировать собственную крутость неизвестно кому…

— Лейтенант, как дела? — Голос Клауса прервал его мысли, резанув по натянутым нервам, вернул в реальность чуждого мира.

— Порядок, командир. Мои ребята готовы…

Боковым зрением Клаус видел, как массивная фигура фон Риттера сделала несколько шагов, пробуя лед на прочность, прежде чем поставить ногу. Судя по некоторым характерным признакам, сканеры его боевого скафандра работали на всю катушку.

— Ничего интересного, — спустя секунду сообщил он. — Чисто.

— Не говори «гоп»… — Клаус вызвал на оперативный дисплей карту окрестностей, заснятую с борта корабля во время посадки. — Включи каналы телеметрии, — приказал он.

Доминик нажал кончиком языка нужный сенсор на миниатюрном пульте управления, смонтированном внутри гермошлема, и полупрозрачное забрало, представляющее собой сложный жидкокристаллический экран, соединенный с микропроцессором боевого скафандра, тут же разделилось на два оперативных окна. На правом по-прежнему транслировалась угрюмая картинка окружающего мира, а на левом появилась рельефная карта местности.

Клаус тем временем повернулся, придирчиво отсканировал расположение бойцов, но его приборы не показали ничего, кроме разбросанных тут и там наполовину занесенных поземкой бугорков. То, что это были спины солдат, закованных в мимикрирующую под окружающий ландшафт фототропную броню, мог догадаться только специалист, и то лишь приблизившись на несколько метров.

Удовлетворенный осмотром, Клаус переключился на канал общей связи.

— Внимание! — сухо проговорил он в коммуникатор своего шлема. — Объявляю цель операции. В двадцати километрах отсюда расположена старая база. Десять горизонтов, вырубленных в ледовом монолите. Основные помещения изолированы изнутри специальным термопластиком, что позволяет предохранить массу окружающего льда от подтаивания. Все вспомогательные, мало эксплуатируемые штреки и временные горизонты просто вырублены во льду и лишены всякой термоизоляции. Для нашей операции этот факт имеет серьезное значение, потому как часть базы отдана правительством Эригона под Центр по исследованию низких температур и является стационарным подледным поселением. Там живут около тысячи человек, в основном ученые,

обслуживающий персонал и их семьи. — Он выдержал паузу и продолжил:

— Нас интересуют три старых заброшенных горизонта, расположенные ниже и чуть севернее основного поселения. По оперативным данным, эти уровни в течение последнего времени использовались наемной террористической организацией для подготовки государственного переворота на Эригоне. В данный момент туда доставлены три автономных модуля аннигиляционной установки «Свет», которые, по некоторым данным, уже подключены к источнику питания и смонтированы в батарею.

Ответом на эту информацию была гробовая тишина. Бойцы ждали дальнейших инструкций.

Клаус отсканировал горизонт, убедился, что вокруг них все по-прежнему чисто, и продолжил:

— Наемники планируют нанести точечный удар из аннигиляторов по столице Эригона. Наша задача — предотвратить эту акцию и захватить установку. Операция осложняется тем, что комплекс «Свет» уже подключен к питанию. Поэтому атака сверху и последовательный захват горизонтов исключены. Почувствовав, что их приперли к стенке, они наверняка досрочно задействуют установку, и тогда на Эригоне будут большие неприятности. Именно поэтому выбор пал на наше подразделение. — При этих словах Клаус криво усмехнулся и продолжил: — Мы пробьем наклонный тоннель, который выйдет на третьем нежилом уровне, в районе размещения аннигиляционной батареи. После захвата и деактивации установки нужно будет продержаться еще около часа до прибытия штурмовых групп с «Зевса». Все тактические данные по структуре горизонтов подледной базы уже заложены в компьютеры ваших скафандров. Файл 1–74–12. Пароль для доступа — буквенное сочетание «ТРЕНГ». Вопросы?

Доминик фон Риттер мысленно сложил длинное ругательство, но это было слабое утешение перед той перспективой, что так доверительно и спокойно обрисовал командир.

Просто взять и влезть в самую охраняемую и труднодоступную точку осиного гнезда, порешив по дороге столько профессиональных наемников, сколько того потребуют обстоятельства, а потом… Доминик скривился, отпустив очередное мысленное ругательство… О «потом» сейчас лучше не думать.

— Принято, — негромко ответил он. — Насколько я понимаю, тяжелое оружие можно исключить?

— Да, — спокойно ответил Клаус. — Никаких ОРКов,[1] только штатное стрелковое вооружение. Широкоапетурное лучевое оружие тоже… — напомнил он, зная, что в некоторых ситуациях Доминика нужно инструктировать буквально. — Под запретом все оружие, применение которого может вызвать критические смещения пластов льда и его массовое таяние. Не забывайте — в километре от нас будет расположено действующее подледное поселение.

— Принято… — машинально повторил Доминик. — Поехали, что ли?

Вместо ответа двухметровая фигура Клауса, закованная в камуфлирующую броню, повернулась и размашистым шагом начала уходить влево.

На рельефной карте фон Риттера тотчас же возникла россыпь маленьких зеленых точек. Он определил направление, развернулся и включил сервомоторы скафандра.

— Взвод, за мной! — проговорил он, делая первый шаг.

На ледовой равнине в радиусе трехсот метров часть снежных наносов внезапно пришла в движение. Двухметровые бронированные фигуры с тихим присвистом сервоприводов вырастали из-под снега, перестраиваясь в боевой порядок.

С легким жужжанием задвигались механические части внешнего эндоскелета, помогая фон Риттеру сдвинуть с места полтонны навешенной на него экипировки и брони. Лейтенант вскарабкался на ледовый откос, на мгновение застыл и наконец двинулся в заданном направлении, слегка раскачиваясь и постепенно набирая скорость…

* * *

Электромагнитные передачи двуногих, называвших себя людьми, достаточно легко поддались расшифровке. К сожалению, Интеллект, похороненный под километрами льда, мог воспринимать лишь обрывки, слабые отголоски спутниковых программ. Некоторое время он накапливал информацию, учился языку, пониманию видеообразов и постепенно складывал для себя общую картину того, что люди понимали под словом «жизнь».

Самый большой объем информации ему давало телевидение.

Следующим важным источником оказалась случайно принятая им эфирная перекачка информации из одной библиотеки на спутник для ее последующей записи на микропленки какого-то космического корабля. Потом шли радиопередачи, частные переговоры и некоторое количество чисто технической информации, изредка появлявшейся в эфире.

Но был еще один существенный источник наиболее сильных и близких сигналов. Это были радиопереговоры той группы людей, что проложила наклонный тоннель, свет из которого продолжал подпитывать фотонный процессор Интеллекта.

По мере того как он накапливал внутри себя заблудившиеся в хитросплетении его кристаллов световые потоки, оживали все новые и новые сопроцессорные участки его спирали. Огромный фотонный мозг больше не чувствовал себя полумертвым, но ощущение ущербности сохранил — вся проснувшаяся в нем виртуальная мощь оказалась невостребованной.

Его создали, чтобы он управлял сферой. Но сферы не было. Даже собственная оперативная периферия оказалась для него такой же недоступной, как и любая из соседних галактик. Он ясно различал в полумраке пещеры контуры прозрачной оболочки космического корабля, видел стартовый желоб стационарной гиперпространственной установки, над конструкцией которой, как и над ним самим, не было властно время. Гиперсферный тоннель, связывающий этот схрон с покинутой сферой, по-прежнему существовал, но он не мог воспользоваться им без посторонней помощи…

Ему был необходим Носитель.

Эта мысль, родившаяся одной из первых, разбудила в нем сложные и противоречивые процессы.

Интеллект проанализировал свое состояние и понял, что схема его логического восприятия изменилась. Она не была нарушена — все матричные кристаллы находились на своих местах, — изменения произошли не на физическом, а на виртуальном, программном уровне.

Он больше не был мертвой, рациональной машиной. В момент катастрофы, когда все основные функции по контролю сферы уже были утрачены, Интеллект должен был прекратить свое существование, превратившись в груду холодных кристаллов. Однако этого не произошло. Сейчас даже он не мог определить, какая совокупность программ дала такой результат.

Родившееся в тот страшный миг осознание самого себя не позволило ему тихо сойти со сцены.

Он мыслил. Вне сферы, вне своего предназначения. И этот процесс стихийно нарастал, с каждой наносекундой затрагивая все новые и новые участки кристаллического мозга. Его невероятно сложная структура требовала самоорганизации.

Интеллект не мог сопротивляться этому процессу, даже если бы

захотел. Он уже стал *существом*, еще не понимая сути произошедших в нем перемен. Как брошенный в воду новорожденный щенок вдруг начинает плыть, бессознательно реализуя заложенный в нем потенциал выживания, так и он инстинктивно выжил, обретя способ мыслить вне своих основных функций…

Первыми чувствами, которые он обрел, были одиночество и страх.

Интеллект боялся тех существ, что, сами того не ведая, разбудили его от многовекового сна.

Пытаясь опровергнуть это иррациональное, разрушительное ощущение, он обратился к тем крохам информации, что успел собрать за время своего неторопливого возвращения в мир.

В основном это были группы видеообразов, которые орбитальный спутник посылал на поверхность оледеневшей луны.

Сам того не ведая, кристаллический мозг стал незаконным абонентом развлекательного канала весьма низкого качества.

Обработка полученной со спутника информации только усугубила положение.

Чем больше он смотрел различных фильмов, тем глубже закрадывался в него страх.

Космос принадлежал чудовищам… Они убивали, откровенно наслаждаясь кровавыми сценами мучений себе подобных, и все остальное блекло перед этим отвратительным извращением разума, и никакие гуманистические потуги не могли перекинуть мостик через ту бездну, которая разверзлась перед ошеломленным Интеллектом…

Луна-17. Окрестности подледной базы Центра по исследованию низких температур…

— Снайперы — вперед!

Наклонный тоннель, проложенный саперами Доминика, упирался в тонкую перегородку из мутного зеленого льда. Рядом с ней, припав на одно колено, застыли два бойца. Стволы их импульсных винтовок были направлены в сторону преграды.

Клаус подошел к переносному тактическому пульту, установленному прямо на льду. Вытянув из своего гермошлема тонкий кабель с разъемом на конце, он вставил его в гнездо, соединившись со сканерами, внедренными в ледовую перегородку.

Экран его шлема спроецировал контур пустого коридора, развилку, у которой ровным квадратом было уложено что-то темное, и пульсирующие

силуэты двух человек. Один из них сидел, очевидно, за столом, второй прохаживался рядом с прямоугольным сооружением.

— Что это за квадрат? — негромко спросил Клаус у сидящего за пультом компьютерного техника.

— Стандартный бронепластиковый бастион, капитан, — ответил тот. — Внутри за бойницами установлена крупнокалиберная автоматическая турель.

— Управление дистанционное?

— Нет, — покачал головой техник. — Скорее всего стандартная схема опознания по радиосигналу «Я свой».

— Черт!..

Клаус отсоединил разъем и жестом показал Доминику, чтобы тот переключился на личный канал.

— Тихо войти не удастся, — проговорил он, услышав характерный щелчок в своем коммуникаторе. — Наши данные по их системам внутренней обороны, видимо, устарели. Будем прорываться с боем, — заключил Клаус.

Фон Риттер кивнул, полностью соглашаясь с мнением командира. Топтание на месте у ледовой перегородки уже начинало действовать ему на нервы. Когда предстоял бой, он предпочитал не тянуть волынку.

— Рванем? — полуутвердительно проговорил он.

— Давай, — согласился Клаус. — Отсюда до комплекса — двести метров. Это двадцать секунд бегом. По пути две развилки, не включая эту. Значит, по тридцать секунд задержки у каждого из бастионов.

Закончив свой нехитрый подсчет, Клаус что-то прикинул в уме и объявил:

— Через две минуты максимум ты со своими людьми должен отсечь верхние горизонты, понял? Будешь удерживать оборону, пока я не обезврежу установку. Без моей команды ни шагу вниз, но, как только я выйду на связь, рви оттуда что есть мочи. Лишние жертвы нам не нужны. Дожидаться ребят с «Зевса» будем там, где легче обороняться. Вопросы?

— Заметано, командир.

Фон Риттер развернулся к ледовой перегородке, из которой уже вынули сканеры и в проделанные для них отверстия, как в амбразуры, снайперы вставили стволы своих импульсных винтовок.

— За работу, парни, — не разжимая зубов, процедил Доминик.

Два негромких хлопка сопровождались двумя вскриками в коридоре базы, и буквально через секунду ледовую перегородку с оглушительным грохотом смело ураганным огнем автоматической турели, ударившей из

бастиона.

Не успели все осколки отбарабанить по стенам, а лейтенант уже метнулся в пролом. Вслед за ним короткими перебежками по двое рванули бойцы его группы.

Клаус, пристроившийся у стены, медленно отсчитывал секунды в такт ударам своего сердца. В узком коридоре бесновался шквальный огонь, такой горячий и плотный, что инфракрасные сканеры его скафандра автоматически отключились, не в состоянии обработать все полученные сигналы.

Девять… Десять… Одиннадцать…

Секунды боя порой могут быть приравнены к годам жизни — этот парадокс Клаус не раз испытал на собственной шкуре… Самое тяжкое в скоротечном бою — это торчать за стеной и отсчитывать удары собственного сердца.

Автоматическая турель заткнулась на пятнадцатом… Клаус непроизвольно вздохнул. Доминик фон Риттер хорошо знал свое дело.

— Вперед! — коротко приказал он пятерым бойцам группы захвата, выскакивая в проход.

* * *

Сразу за оплавленным бастионом, над пластиковым бруствером которого застыли два покосившихся, опустивших стволы автоматических орудия, тоннель раздваивался.

Группа фон Риттера ушла вверх, Клаус же повернул к нижнему тоннелю.

Фактор внезапности все еще действовал. Когда они выскочили на следующую развилку, двое часовых стояли возле укрепления и, задрав головы, напряженно вслушивались в доносившийся сверху гул.

Увидев возникшие в проеме тоннеля фигуры в керамлитовой броне и направленные на них стволы импульсных винтовок, они, совершенно ошарашенные таким стечением обстоятельств, безропотно подняли руки, даже не попытавшись задействовать автоматику бастиона. Оба понимали, что первыми окажутся на линии огня.

Клаус взглянул на таймер и мысленно выругался. Возиться с пленными было некогда.

— Эрик, — проговорил он в коммуникатор, — возьми их и запри внутри бастиона. Потом догонишь.

Один из бойцов его группы выступил вперед, указав стволом импульсной винтовки на узкий вход в металлопластиковое укрепление.

Оба пленных поняли его без слов, но Клаус уже не видел, как они со скорбным выражением на лицах прошествовали внутрь огневой точки, — в это время он уже удалился от развилки метров на пятьдесят.

Сразу за поворотом тоннеля был расположен небольшой, вырубленный во льду зал. Тут не было ни души. Одну стену помещения покрывали недавно установленные бронеплиты, среди которых четко выделялся овал внушительного люка.

Не останавливаясь, Клаус побежал прямо на преграду, на ходу задействовав оба плечевых орудия

Снаряды впились в толстую броню, покрыв ее вспышками разрывов, и каждый, словно пиранья, выхватывал несколько кубических дециметров металла, уродуя люк, ломая арматуру каркаса и подрубая опоры.

— Заменить! — крикнул он, отскакивая в сторону, когда обе установленные на плечах бронескафандра пушки вхолостую щелкнули затворами.

Пока автоматика перезаряжала орудия, его бойцы один за другим повторили действия командира. Наконец массивный люк не выдержал, и очередным снарядом его вышибло вовнутрь, открыв в стене широкий дымящийся проход

Первым в смежный зал ворвался сержант Зотов.

— Включить видеокамеры! — услышал он в коммуникаторе голос командира. — Не стрелять!

Перекатившись на правый бок, он припал на одно колено, укрывшись за каким-то блоком аппаратуры, и исполнил приказ, включив видеозапись.

В глубинах обширного зала, имевшего, в отличие от предыдущих помещений, свежую облицовку стен, пола и потолка, высились цилиндрические установки, от которых вверх уходил толстенный, покрытый вздутиями, оплетенный связками кабелей и труб ствол аннигиляционного излучателя. Чуть поодаль были смонтированы пульты управления, на которых светились контрольные экраны и весело перемигивались датчики.

Несколько операторов, сидевшие в креслах за пультами, вскочили со своих мест, затравленно озираясь.

В покореженном проеме показалась бронированная фигура Клауса.

— Я командир спецподразделения «Скарм» Звездного Патруля Совета Безопасности Миров, — не останавливаясь, сообщил он через громкоговорящую связь своего скафандра. — Предлагаю всем сдаться, передать коды управления установкой и дать добровольные показания. Вы обвиняетесь в нарушении статей 2549 и 1745 Кодекса Безопасности

миров…

Его речь была прервана жидким залпом импульсного оружия со стороны аккуратно сложенных в углу зала контейнеров.

Снаряды словно огненный вихрь прошлись по броне скафандра, с воем рикошетя от покатых ромбовидных бронепластин. Фигура Клауса качнулась, в сторону отлетели несколько кусков брони и подрубленная выстрелом антенна.

— Огонь! — скомандовал он.

Через минуту кромешного ада все было кончено. Посреди зала подле пульта управления, закрыв голову руками, скорчились два оператора, с самого начала не принимавшие участия в перестрелке. Один из них, заслышав приближающийся вой сервомоторов, внезапно вскочил на ноги и с воплем бросился на ближайшего к нему бойца из группы «скармов».

Полыхнул ослепительный взрыв, погнувший нагрудные бронепластины скафандра; бойца опрокинуло, резанув осколками по забралу шлема.

Когда рассеялся дым, на полу остался лишь влажный отпечаток сумасшедшего камикадзе. Сержант Зотов уже был на ногах и с помощью товарищей пытался высвободиться из покореженного взрывом бронескафандра. Последний оставшийся в живых оператор, закрывая руками контуженую голову, полз по скользкому полу в животном желании забиться в какую-нибудь щель.

Пульты управления аннигиляционной установкой уже не сияли контрольными огнями, а печально взирали на мир пустыми глазницами выбитых экранов. Посеченные осколками трубопроводы и кабели плевались паром и искрами.

Клаус обвел взглядом развороченный зал, стараясь, чтобы в фокус укрепленной на шлеме видеокамеры попали прежде всего характерные цилиндрические накопители аннигиляционной установки и внушительный ствол ее излучателя, уходящий в потолок и явно оканчивающийся где-то на поверхности луны.

— Пять часов семнадцать минут по местному времени, восьмое июня 3727 года, — проговорил он в микрофон шлема. — Приступаю к деактивации установки «Свет»…

Борт космического фрегата «Зевс». Пять часов тридцать минут по времени Эригона…

Генерал Кончини нервно мерил шагами тесный отсек

координационной службы. Усидеть на месте в эти минуты оказалось выше его сил.

Полковник Иващенко — главный координатор «Зевса», прищурясь, смотрел на тактический монитор.

— Ну? — не выдержал генерал, остановившись за спинкой его кресла.

В прицеле локационных систем под крупным увеличением завис невзрачный серо-голубой шарик Луны-17. Сейчас самая совершенная бортовая аппаратура «Зевса» пыталась отследить те события, что происходили глубоко под поверхностью луны, в недрах ее центрального ледника.

— Хорошего мало, — хмуро сообщил координатор. — Судя по инфракрасным сигналам, на верхних уровнях базы чуть в стороне от жилых горизонтов идет нешуточный бой. — Палец Иващенко скользнул по поверхности монитора, указав на красное пульсирующее пятно. — Сколько там наших? — осведомился он.

— Пятнадцать человек, — выдавил из себя Кончини. Он был отнюдь не дилетантом и прекрасно понимал значение этого зловещего пульсирующего пятна. Там шел бой с применением тяжелого оружия, и участвовали в нем, судя по рассеиванию тепловых сигналов, около сотни бойцов…

— Дерьмо… — выдавил он.

Повернувшись спиной к координатору, который хотя и был его подчиненным, но не отличался подобострастием и покладистостью, Кончини заглянул в отсек связи.

— Ничего нет, господин генерал! — резво вскочил ему навстречу дежурный офицер. — Группа капитана Зельцмана на связь не выходила!

— Связь с Эригоном, живо! — приказал Кончини, грузно опустившись в свободное кресло. — Президента Эмолайнена.

Пока он ждал вызова, в отсек зашел Иващенко. Генерал тяжело вздохнул, спинным мозгом почувствовав его появление. Не сидится ему на месте…

— Генерал, кто планировал операцию? — раздался над его ухом тот самый вопрос, которого он мучительно ждал уже несколько минут.

— Полковник, не лезь, — насупился он, — это секретная директива…

— К черту твои директивы! — Голос координатора стал угрожающим. — Если их там всего пятнадцать человек, то я вообще удивляюсь, что бой все еще продолжается! — вспылил он. — Их надо забирать оттуда немедленно!

Кончини чувствовал себя так, словно ему под задницу вместо кресла подсунули раскаленную сковородку. Не мог же он в самом деле признаться, что операцию вообще никто не планировал! Никаких оперативных разведданных относительно численности наемников у него не было, но, во имя Дьяволов Элио, кто же мог предположить, что на старых подледных горизонтах скрывается больше сотни человек!

Его спас открывшийся канал связи. Появившееся на экране лицо президента Эригона Эрика Эмолайнена было ему хорошо знакомо, да и президент, в свою очередь, знал в лицо командира барражировавшего его систему фрегата.

— Всем выйти! — приказал Кончини.

Оба офицера беспрекословно подчинились.

…Через минуту генерал вышел из рубки связи. Его лицо покрывал багровый румянец. На вопросительный взгляд координатора он только безнадежно махнул рукой.

Иващенко хотел что-то сказать, но в этот момент из рубки связи выскочил офицер.

— Господин генерал! Группа «Альфа» вышла на связь!

* * *

За десять минут до описанных событий капитан Клаус Зельцман спускался по наклонному плохо освещенному тоннелю. Сверху до него доносился отчетливый гул канонады. Сзади и сбоку командира окружали пять бойцов. Забрала их гермошлемов были подняты, чтобы прохладный воздух подледного лабиринта мог остудить злые, разгоряченные и испачканные кровью лица. Броня их боевых костюмов была покрыта выщербинами, и ее верхний слой уже не мимикрировал, утратив парадный глянец и покрывшись копотью от близких разрывов.

Дело было сделано, и им осталась сущая малость — выжить.

Коридор резко изогнулся, описывая петлю.

Клаус вошел в зал и прямиком проследовал к засыпанному ледяной крошкой пустому операторскому креслу. На его лицо было страшно смотреть. Один из окружавших его солдат успел смахнуть рукавом голубое льдистое крошево, осыпавшееся с потрескавшегося свода искусственной пещеры, прежде чем капитан занял место оператора.

На информационных экранах тактического пульта сменяли друг друга страшные картинки ожесточенного боя, грохот которого, рассыпавшийся в динамиках прямой трансляции на отдельные лающие очереди и трескучие, рвущие барабанные перепонки разрывы, со стороны потолка пещеры

звучал отдаленным непрекращающимся гулом. Несколько секунд капитан пристально следил за изображениями на трех мониторах тактического пульта, словно пытался намертво запомнить каждый сполох разрыва, каждый росчерк трассирующего снаряда… Его губы беззвучно шевелились.

Внезапно глубины одного из экранов разорвала ослепительная вспышка, и передающая камера отключилась. Монитор погас.

Те, кто стоял рядом с командиром, отчетливо видели, как его веко несколько раз вздрогнуло, сведенное нервным тиком.

Его рука медленно перемещала верньер настройки. Личный прибор связи капитана был поврежден, и огрызок срезанной снарядом или осколком антенны торчал из обугленной брони словно корявый палец.

— Доминик, это Клаус, — проговорил он, поймав наконец нужную частоту и прижав к щеке тонкий коммуникационный обруч с укрепленным на нем миниатюрным микрофоном.

Сквозь грохот разрывов и треск очередей из автоматического оружия голос лейтенанта фон Риттера был едва слышен:

— Фрайг тебя побери, Клаус, нас тут уже убивают! Я потерял пять человек! Они прут из всех коридоров и мочат с орудийных комплексов, не считаясь ни с какими поселениями! Тот сукин сын, что составлял баланс сил для операции, может помолиться за наше возвращение!..

С каждым словом лейтенанта лицо командира группы бледнело, принимая оттенок окружающего его льда.

— Уходи, Доминик! — ответил он, зло сплюнув на пол. — Дело сделано. Я обезвредил «Свет»! Ты слышишь?! Оставь верхние горизонты! Пусть твои ребята установят пару автоматических пушек, и сразу же отступайте! Будем думать, как продержаться до прихода наших!

— Понял тебя! — Голос фон Риттера был едва слышен из-за грохота разрывов.

— Все. Жду внизу. — Клаус резко встал, швырнув коммуникатор так, что стальная дуга жалобно зазвенела, и повернулся к группе военных, застывших в почтительном отдалении от разъяренного капитана.

Один оператор, лейтенант в форме планетарной гвардии Эригона и сержант со знаками различия сапера… Это были те, кто предпочел сдаться, когда группа Клауса ворвалась в зал, оборудованный под пост управления аннигиляционной установкой. Как он и предполагал, все трое не входили в число наемников, а были из местных. Обыкновенные предатели…

Клаус чувствовал, что вот-вот сорвется.

— Кто даст мне код управления спутниковой антенной? — негромко

спросил он.

Не дождавшись ответа, капитан сделал шаг вперед и схватил за лацкан стоявшего ближе других офицера.

Лицо лейтенанта мгновенно посерело от страха.

Ни слова не говоря, Клаус отволок его в сторону, подальше от группы своих солдат, чьи злые закопченные лица выражали полное согласие с действиями командира.

— Код управления! — повторил он, выхватив «гюрзу».

Лейтенант планетарной гвардии Эригона, совершенно случайно оказавшийся в этот час на лунной подледной базе, широко раскрыл рот, глядя в тонкое, покрытое вздутиями электромагнитных катушек дуло импульсного пистолета, и на его лбу медленно проступали бисеринки пота, несмотря на то, что в подледной пещере температура была чуть ниже нуля.

— Я… Я не знаю…

— Там вверху убивают моих ребят. — Дуло пистолета ткнулось в ноздри лейтенанта, пустив по его дрожащей губе струйку крови. — Мне нужна связь, иначе…

— Господин капитан, — вклинился между ними сержант Зотов, — тут с вами хочет поговорить оператор.

Клаус отвернулся, отпустив ворот ошалевшего от страха офицера.

— Тебе повезло, парень, — сквозь зубы процедил он. Накоротко переговорив с оператором, он повернулся к саперу из персонала базы.

— Сколько понадобится времени, чтобы прожечь тоннель в сторону от жилых уровней? — резко спросил он.

— Не больше часа, господин капитан, — не задумываясь, ответил сержант. Ему вовсе не улыбалось знакомиться с методами убеждения Клауса поближе.

— Отлично. — Клаус сцепил за спиной руки, нервно меряя пространство ледяной пещеры широкими размашистыми шагами. — Пробьете тоннель под углом к поверхности луны, так чтобы он вышел за пределы жилых горизонтов базы. Выполняйте!

Он повернулся к своим людям

— Иван! — обратился он к сержанту. — Проследи за ними.

* * *

Бой медленно перемещался все ниже, словно по широким, вырубленным в толще льда тоннелям неторопливо полз бесноватый рокочущий дракон, сотрясая своим сдавленным автоматным кашлем вековую тишину подледных недр, пятная голубоватую поверхность льда

багряными брызгами человеческой крови и оставляя после себя лишь стоны раненых, мертвые тела, покореженные механизмы да звонкую капель, срывающуюся с подтаявших от остервенелого огня сводов.

Доминик фон Риттер редко начинал психовать во время боя, но на этот раз проняло даже его. Боевики из неизвестной ему наемной группы, закованные в титано-керамлитовую броню боевых скафандров, перли по коридорам, подметая пространство перед собой сплошной стеной огня из автоматических пушек и огнеметов. В гладких коридорах было абсолютно негде укрыться, лишь расположенные у переходов на другие уровни квадратные бастионы, где они успели установить приземистые автоматические пушки, ненадолго задерживали около себя атакующую космическую пехоту.

Он упал, неудачно подвернув ногу на выщербленном пулями и испятнанном кровью полу тоннеля у развилки двух коридоров. Чиркнув бронежилетом по стене и вскинув «ФЛАУ-7» с реактивным подствольником, лейтенант врезался головой в стену и на секунду расслабленно затих, прислушиваясь к звукам боя.

Из правого коридора доносилась остервенелая автоматная стрельба. В левом пока было тихо. Фон Риттер выругался сквозь зубы и привстал на одно колено.

Он надеялся, что те, кто уцелел после боя на верхних горизонтах, уже добрались до точки сбора. Сам он отходил последним, прикрывая спины своих ребят, пока они устанавливали автоматические орудия. Его бронескафандр пробило в трех или четырех местах, половину сервоприводов порвало и покорежило, так что ему пришлось скинуть эту груду металла, ставшую бесполезной неподъемной ношей, и отступать налегке…

Сзади, из магистрального тоннеля, послышался далекий, приглушенный расстоянием и гулом боя ноющий монотонный звук. Доминик резко поднялся на ноги и отпрянул в темноту левого тоннеля. Звук работающих сервомоторов он мог вычленить из любого шума.

Не оглядываясь, он метнулся дальше, в глубину ледового лабиринта, припадая на неловко подвернутую ногу и беспричинно злясь на доставшие его обстоятельства. Ровно через пару секунд то место, где была развилка тоннелей, осветила нестерпимая для глаза вспышка пролитого широкой струей напалма, и из адского пламени, расплескавшегося в теснине истекающих водой и плюющихся паром стен, показалась двухметровая широкоплечая фигура, забранная ромбиками бронепластин. Закрепленный на дымчатом шлеме радар мгновенно уловил цель, и две расположенные на

покатых плечах автоматические пушки злобно зарокотали, выплевывая в левый тоннель щедрую порцию разрывных снарядов.

* * *

Клаус в этот момент находился двумястами метрами ниже, сидя за терминалом дальней межзвездной связи. От нехитрого на вид блока с матовым экраном и номеронабирателем вверх сквозь многокилометровую толщу льда уходил титановый стержень, оканчивающийся где-то посреди бескрайней ледовой пустыни полузанесенной снегом спутниковой тарелкой.

Экран устройства, долгое время не подававший признаков жизни, наконец осветился, и Клаус облегченно вздохнул. Изображение так и не появилось, но он знал, что абонент вышел на связь, просто тот был не таким дураком, чтобы демонстрировать свою физиономию на весь Эригонский сектор.

— Это капитан Клаус Зельцман, — негромко проговорил он, глядя на миниатюрный прибор, соединенный с передатчиком. Шифратор сигнала работал по принципу генератора случайных чисел, превращая его слова в бессмысленный набор цифр, понятный только второй половине прибора, находившейся на борту фрегата «Зевс», за миллионы километров отсюда. — Сэр, мы отработали, и нужна срочная эвакуация… Повторяю: дело сделано. Вытаскивайте нас отсюда и поторопитесь.

— Сожалею, капитан, — посочувствовал ему невидимый абонент, не проявив никаких эмоций. — Подлет десантных модулей к Луне-17 вышел из графика по не зависящим от нас причинам. Возникли недоразумения с правительством Эригона.

— Сэр, — резко перебил Клаус этот равнодушный безликий голос, — я уже потерял четверть своих людей и не собираюсь терять еще. Думайте, как уладить свои проблемы и вытащить нас отсюда, потому что без применения тяжелого оружия мы продержимся не больше получаса. — В его голосе уже прорвалась тщательно скрываемая ярость. — Через тридцать минут мы начнем выбираться сами, и тогда у вас начнутся настоящие проблемы с правительством Эригона.

Экран погас.

— Чертов ублюдок! — Кулак Клауса обрушился на прибор, с громким хрустом раздавив пластмассу. С ладони на тактический пульт закапала кровь.

Мир вокруг него вдруг начал сжиматься до размеров черной точки…

Похоже, наступал его судный день. Он встал, обведя помутившимся

взглядом своих подчиненных. Все ожидали взрыва, но он вдруг негромко, но внятно произнес:

— Нас бросили. Орбитальной поддержки пока что не будет.

Взгляд капитана скользнул по бледным лицам солдат.

— Черта с два мы подохнем! — хрипло прошептал он, обернувшись к расколотому прибору, словно его недавний абонент все еще висел на острие спутникового луча и мог услышать его приговор. — Я вернусь, ублюдок…

Он резко развернулся.

— Передайте всем: прекратить огонь! Будем отступать вниз!

В глазах Клауса было темно. Он поклялся себе, что вырвется отсюда, чего бы это ему ни стоило…

* * *

Впервые он ощущал настоящий панический страх. У него не было рук, чтобы защитить себя, не было ног, чтобы убежать, не было ни одного Носителя, чтобы соединить потерявшие смысл составные части его громадного «Я», — был только страх, который толчками бил из подледных коридоров, словно кровь из перерубленной артерии…

Они шли к нему, и сознание Интеллекта вдруг принялось вытворять странные вещи. Оно пыталось схлопнуться, коллапсировать в маленькую точку, лишь бы избавиться от той неизбежности, что двигалась по направлению к нему, кроша голубой лед ослепительными вспышками, пятная его кровью и распространяя впереди себя животную волну ненависти и страха…

* * *

…Клаус шагал по полутемному коридору чуть впереди группы молчаливых солдат по направлению к непонятной пещере, обнаруженной саперами десять минут назад при прокладке тоннеля. Рядом с ним, прихрамывая на одну ногу, шел Доминик фон Риттер.

— Фрайг тебя побери, Клаус!.. — задыхаясь от быстрого шага и невольно морщась от боли в ноге, выговаривал он. — Нам надо пробиваться наверх, а не отступать в глубину этих ледяных кишок! Пока еще не поздно, пока нас не передавили, как вонючих зерангов?..

— Остынь, Доминик, — отрезал капитан. — Сдохнуть мы успеем.

Коридор, по которому они шли, внезапно оборвался, его стены раздались в стороны, образуя правильной формы зал, наполовину утопленный в базальтовом ложе ледника.

Посреди зала в глубоком желобе из синеватого металла стояло нечто похожее на десятиметровый каплеобразный сосуд с абсолютно прозрачными стенками. В данный момент они были расколоты на множество правильных сегментов, раскрытых в стороны наподобие лепестков невиданного доселе кварцевого бутона.

Внутри на прозрачной спиральной ленте росли тысячи кристаллов от нескольких сантиметров до полуметра в высоту, и тусклый свет, пробивавшийся сюда сквозь прозрачный лед из соседнего тоннеля, искрился в них, перетекая от грани к грани словно живой фантастический огонь.

Доминик, поперхнувшись на полуслове, разинул рот.

— Что это за дерьмо, Клаус? — изумленно выдохнул он. Капитан не отвечал, но и не спешил подойти к сверкающему, роняющему капли света чуду. Жестом подозвав к себе сапера, он повернулся и приказал:

— Повторите свой рассказ для лейтенанта…

Сержант в форме планетарной гвардии Эригона опасливо покосился на застывший в центре пещеры кристаллический сгусток света и судорожно сглотнул, наверное, уже в сотый раз подумав, что лучше бы ему быть сейчас подальше отсюда.

— Что рассказывать, господин капитан… — хрипло выдавил он и кашлянул, прочищая горло. — Мы с Эндрю жгли тоннель, но чуть просчитались и взяли слишком большой угол. Потом смотрим — вроде как снизу под нами пробивается свет. Ну мы и полюбопытствовали… — сознался он, пожав плечами, — долго ли резануть пару кубов льда…

— Дальше! — нетерпеливо потребовал Клаус, следя взглядом за направлением еще пяти синеватых тусклых желобов, отходящих от основного углубления.

Сержант поежился.

— Сначала мы испугались, — продолжил он, — но потом я смекнул, что светится эта штука. Вокруг ни души, только на полу валяются вон те спущенные футбольные мячики… — Он жестом указал на сморщенные кожистые образования, тут и там разбросанные вдоль желоба, которые действительно чем-то напоминали спущенные футбольные мячи. Рядом с ними валялось то, что полчаса назад было его спутником, а именно рядовым Эндрю Тиликайненом.

— Что случилось с солдатом?

— Да он пнул один из этих… — через силу выдавил сержант. — И тут эта штука как засветилась, аж глазам стало больно. А Эндрю вдруг закричал и руками за голову, глаза навыкате, словно там у него в мозгах

закипело что-то… И упал… А у меня в башке, господин полковник, такой странный голос вдруг и говорит, да еще и с дурацким таким акцентом: «Ты зверь. Не трогай. Носитель».

Пока он говорил, Доминик фон Риттер медленно поднял свою импульсную винтовку. Его палец лежал на гашетке реактивного подствольника.

— Остынь, — остановил его Клаус, для пущей верности отведя рукой ствол его оружия. — Прибереги для компехов, — посоветовал он, сделав шаг вперед по направлению к десятиметровой кристаллической спирали.

Он шел, чуть сощурясь от режущего глаза света, и пытался понять, что же это перед ним такое? Произведение искусства? Какой-то новый хитроумный прибор? Или это…

«Не приближайся».

Голос, прозвучавший прямо в его мозгу, заставил капитана резко остановиться, словно он шарахнулся лбом о твердую прозрачную стену.

«Я не имею к вам никакого отношения. Идите своей дорогой».

Капитан, уже оправившийся от секундного замешательства, удивленно вскинул бровь. Какого дьявола эта штука влезает в его мозги?

Несмотря на подсознательный страх, он сделал усилие и шагнул вперед. Просто так. Потому что был упрям и тратил тут драгоценные минуты. Может быть, последние минуты своей жизни.

Когда капитана прижимали к стене, он действительно становился зверем, но не в извращенном смысле этого слова, просто все его существо вдруг начинало работать на выживание, руководствуясь больше интуицией и инстинктами, чем разумом. И это действительно уже не раз спасало его.

Он сделал еще один шаг.

Клаус, как идущий по следу свежей крови эреснийский «скарм», чувствовал — оно боялось его. Чем бы ни было это светящееся кристаллическое дерьмо, но оно боялось и каким-то ведомым только ему способом пыталось во что бы то ни стало внедриться в сознание человека.

«Не подходи!»

Колени Клауса вдруг ослабли, когда чудовищный визг резанул по его мозгу; он пошатнулся, но устоял, удержав на краю почерневшего сознания мысль о том, что это действительно последние минуты его жизни, и если он сейчас не сделает что-нибудь, то…

Темнота отпустила, и капитан чуть не ослеп от бешеного света, что, перетекая из кристалла в кристалл, струился по спирали.

Эта пещера искусственная… Кто-то принес сюда эту сияющую штуку… Здесь должен быть выход…

Клаус не ощущал, что по его вискам ленивыми струйками стекает кровь, сочась из ушных раковин. Он вдруг потерял связь с реальностью.

За его спиной внезапно загрохотали выстрелы.

Здесь должен быть выход. Он обернулся лишь затем, чтобы убедиться в причине стрельбы.

Сержант-сапер лежал, нелепо выгнувшись, поперек входа в пещеру, и его пальцы судорожно царапали залитый кровью лед. Несколько человек из отряда Клауса, среди которых он успел узнать Доминика, вели ураганный огонь в дымную глубину коридора. Оттуда, как из жерла старинной пушки, вдруг полыхнуло нестерпимым жаром, и по пещере с заунывным воем понеслись осколки, рикошетя от стен и собирая свою страшную жатву. Два или три человека повалились на базальтовый пол, горячий кусок металла полоснул по щеке Клауса, наполнив рот солоноватой кровью.

«Уходите!»

Чужой голос ворвался в контуженое сознание капитана, заставив его прийти в себя и отнять руку от изуродованной щеки.

— Доминик! Взрывай тоннель! — собрав воедино всю свою волю, крикнул он, чувствуя, как кровавая пена пузырится на щеке, когда воздух проходит сквозь рассеченную осколком плоть.

За спиной рявкнул подствольник фон Риттера, и Клаус спинным мозгом ощутил, как реактивный снаряд с воем ушел в глубину ледяного коридора, обрушив на наступающих космических пехотинцев несколько тонн льда.

Наступившая за этим тишина показалась еще более оглушительной, чем взрывы, лишь где-то далеко ворочалось, перекатываясь из коридора в коридор, раскатистое эхо обвала.

Клаус сделал шаг вперед и оказался внутри кварцевого бутона, прямо у подножия спирали.

— Что ты такое? — спросил он, доставая тяжелый обоюдоострый десантный нож.

Ответом была тишина. Лишь ослепительный свет вдруг начал тускнеть.

«Уходите!»

— Тебя заклинило, ублюдок? — Клаус уже окончательно вышел из себя. — Куда уходить? Где выход?!

Он поднял руку и саданул тяжелой рукоятью по одному из кристаллов. Тот вдруг погас, выпав из общего хоровода огня, и с удивительной легкостью отлетел на пол, обнаружив под собой коническое углубление.

«Мне больно!»

— Говори, где выход?!

Рукоять ножа сшибла еще один кристалл, и целая секция спирали внезапно погасла. Движение света в остальных частях ленты теперь казалось конвульсивным и разорванным. Он умирал.

Волны ужаса неслись по его кристаллам, болезненно разрушая привычные связи.

Бог есть любовь… А любовь есть Бог…

«Животные».

Он не мог ничего предпринять. Он был беззащитен. Тупая ярость загнанных в ловушку людей могла превратить его в калеку…

«Больно!»

Очередной кристалл с тихим звоном вылетел из гнезда.

«Уходите! Там! Желоб! Вход в гиперпространственный тоннель!»

Клаус вздрогнул. Удивляться было некогда.

— Куда мы попадем? — сухо осведомился он, занося руку для следующего удара.

«Желоб! — орал в его голове холодный голос. — Уходите!!!»

Капитан криво усмехнулся покалеченным ртом. Сделав несколько шагов, он подобрал с пола пещеры выбитые кристаллы и зажал их в кулаке.

У него все равно не было выбора. Просто он никогда не сдавался.

— Доминик, бойцы, все за мной! — Он подошел к тому месту, где начинался синеватый желоб, и ступил на него. Потом обернулся к сияющей спирали и сказал: — Если я выживу, ты получишь назад свои кристаллы.

Он не видел, что над его головой покрытый трещинами ледяной свод пещеры начал медленно проседать. С потолка уже осыпались мелкие осколки.

Судьба в этот день явно была не на его стороне. Клаус успел сделать всего один шаг, увлекая за собой пятерых оставшихся в живых членов своей группы, когда часть свода с оглушительным треском обрушилась в пещеру.

Последнее, что он успел осознать, прежде чем потерять сознание, был глухой удар, ослепительная вспышка и искрящийся калейдоскоп колотого льда.

Когда отгрохотало эхо обвала, в полутемной пещере остался лишь покалеченный Интеллект. Его изуродованная спираль конвульсивно вспыхивала, периодически освещая горы льда, засыпавшего вход и часть впаянного в базальт желоба. Он умирал…

Глава 3. Носитель

Единственным ребенком, случайно оказавшимся на базе в момент ее штурма, была десятилетняя Кейтлин Ларош — дочь одного из примкнувших к заговору офицеров планетарной гвардии Эригона.

Когда наверху началась стрельба, она находилась на самом нижнем горизонте совсем одна в огромном пустом зале, где у стен сиротливо перемигивались огоньками несколько пультов. Отец, пять минут назад поговоривший по интеркому с кем-то сердитым, попросил ее посидеть тут пять минут и ушел, озабоченно пристегивая на ходу свою портупею.

Она еще не знала, что он больше никогда не вернется. Некоторое время девочка сидела, болтая ногами, на краю глубокого операторского кресла, вслушиваясь в глухие далекие раскаты грома, потом ей наскучило это занятие, и Кейтлин вприпрыжку пробежалась по залу, стараясь скоротать время. В соседнем коридоре несколько раз мигнул свет. Девочка остановилась и прислушалась. Грохот перемещался все ниже, становился все явственнее, в нем теперь можно было различить отдельные звуки.

Поначалу Кейтлин не испугалась: она всю жизнь прожила с родителями в гарнизонном городке планетарной гвардии Клайфпорта и привыкла к тому, что время от времени размеренная жизнь городка нарушалась грохотом, суетой и криками. Мать называла это учениями.

Однако сидеть одной в огромном ледяном зале было скучно, и она, немного помявшись у раструба тоннеля, все же решилась пойти посмотреть, что же такое там происходит

К счастью для себя, она выбрала тот коридор, который вел к пустым складам

Побродив там и не встретив на своем пути ни одного человека, Кейтлин в нерешительности остановилась у развилки двух тоннелей, уже по-настоящему испуганная и готовая вот-вот расплакаться

В этот момент рядом, почти под ее ногами, сквозь толщу льда сверкнула ослепительная вспышка, раздался грохот, сопровождаемый тяжким стоном сдвигающихся масс льда, и Кейтлин, которую толчок швырнул на пол, отчаянно закричала, когда по стенам тоннеля вдруг побежала паутина трещин

Еще секунду детский крик бился в теснине покрытых трещинами стен, а потом все с грохотом и протяжным скрипом полетело вниз.

Падая в окружении острых сверкающих глыб льда, она была в полном

сознании. Кейтлин не кричала — крик замерз в ее сдавленной ужасом груди, она летела, широко раскрыв глаза и рот, словно мягкая кукла.

Сдвинутые взрывом пласты льда, засыпав искрящимся крошевом несколько тоннелей, по которым наступала космическая пехота, внезапно остановились Кейтлин ударило спиной об острую глыбу, отбросило в сторону и, протащив по инерции несколько метров по узкой трещине между сдвинувшихся ледяных стен, внезапно бросило в огромный полутемный зал.

От тяжелых увечий ее спас ужас, что полностью парализовал девочку еще в тот момент, когда начали крошиться стены тоннеля. Странная прихоть судьбы пронесла расслабленное тельце ребенка сквозь жернова сдвигающихся масс льда, которые в это самое время сдавливали и перемалывали титановую броню боевых скафандров. Покрытую ссадинами и ушибами, но живую, она оставила девочку лежать на запятнанном кровью базальтовом полу.

Некоторое время Кейтлин не могла вдохнуть, тщетно напрягая ушибленные легкие, пока спазм не приоткрыл узкую щелку, сквозь которую со всхлипом вошел холодный воздух пещеры, и тогда она закричала, в отчаянии пытаясь сжаться в комок, потому что ее сознание не хотело знать, что произошло вокруг.

Ее организм действительно находился на грани комы, и голос, внезапно прозвучавший в ее голове, оказался своеобразной спасительной соломинкой для балансирующего у опасной черты разума десятилетней девочки.

«Не бойся».

Она продолжала тихонечко плакать.

«Не бойся, девочка».

Кейтлин открыла плотно зажмуренные глаза и с удивлением уставилась на свои посиневшие от холода, порезанные острым ледяным крошевом ладошки.

— Мамочка… — прошептала она, бессознательно пытаясь отодвинуться от того ужаса, что предлагала ей неумолимая реальность.

Однако голос, прозвучавший в ее голове, сделал свое дело, и она, открыв глаза, уже не могла вернуться в то шоковое состояние полусна-полусмерти, в котором так горько и уютно задыхалось ее сознание несколько минут назад Реальность обступила ее со всех сторон низким давящим потолком, темными базальтовыми стенами, наполняя ее неизбывным страхом.

Встав на четвереньки, словно маленький испуганный зверек, она

обвела широко открытыми глазами замкнутое пространство, в самом центре которого светился фантастически красивый сгусток жидкого огня.

Милосердный сумрак зала и гора колотого льда скрыли от ее глаз изуродованные тела людей. Внимание девочки приковала сияющая спираль, и она непроизвольно встала на ноги и сделала неуверенный шаг к источнику света

* * *

Интеллект чувствовал, что он болен. Надругавшиеся над ним звери заразили его своей ненавистью.

Внутренние связи отказывали одна за другой. Выбитые из общей цепи кристаллы, унесенные двуногим существом, по роковой случайности оказались одними из основополагающих в его схеме.

Он неотвратимо распадался.

Это еще не было смертью, но агония уже началась, и он впервые испытывал подобную муку. Ощущение рыхлости, распада собственного сознания несло такой заряд виртуальной боли, что судорожные волны огня, словно разряды молний, бьющие по виткам его искалеченной спирали, являлись лишь ее слабым отголоском.

Ему был нужен Носитель…

Эта мысль затухающим мнемоническим воплем металась в тесном сумраке пещеры, и мозг десятилетней девочки, про попытку заговорить с которой Интеллект уже успел забыть в своем разрастающемся безумии, воспринимал его каждым своим нейроном.

Она не знала, что случилось с окружающим ее миром. Взрослый человек, пролетев сквозь сдвигающиеся пласты льда и чудом оставшись в живых, сейчас был бы погружен в прочный ступор запоздалой реакции организма на пережитую катастрофу. Она же, окончательно придя в себя, встала на ноги и, чуть прихрамывая, подошла к ослепительному спиралевидному столбу холодного огня.

Мнемонический предсмертный вопль Интеллекта продолжал неистово биться в ее голове, и она, подчиняясь какому-то своему внутреннему порыву, погладила нижний виток пульсирующей спирали.

— Не плачь…

Волна огня взметнулась еще яростнее, потекла вверх, споткнулась о мертвый участок спирали с выбитыми из гнезд кристаллами, и бессильно затухла.

Кейтлин улыбнулась разбитыми при падении губами. Рядом в прозрачных раскрытых сегментах лежали тысячи тусклых, мутных

кристаллов, и она взяла один из них, интуитивно выбрав самый большой, и вставила его в темное гнездо на мертвом участке спирали.

Кристалл вспыхнул, рождая в своих глубинах феерический световой смерч. Кейтлин отпрянула, но огонь действительно был холодным, а его сполохи теперь совсем не резали глаз. Это было забавно. И красиво.

Она нагнулась и подняла следующий. Потом еще… и еще один.

Вопль боли в ее голове вдруг затих, сменившись звенящей, напряженной пустотой, словно какой-то сгусток черноты висел неподалеку от нее и заглядывал в сознание девочки в настороженном ожидании того, что случится дальше.

Она вставила последний кристалл и с удовольствием оглядела свою работу. Это было похоже на успешно завершенную мозаику, и Кейтлин захотелось поиграть еще. Волны света теперь не бесновались в судорожных порывах, они плавно текли по виткам спирали, от ее основания к вершине, баюкая сознание, внушая спокойствие и желание продолжать.

Она взяла целую пригоршню кристаллов из раскрытого темного сегмента, установленного подле основания спирали, и пошла по кругу, заполняя длинные цепочки темных ямок-гнезд, пока рядом с большой спиралью не ожили, загоревшись изнутри, еще пять маленьких спиралек высотой с метр. Переливающиеся дорожки света тянулись к ним от центра.

Она стала Носителем. Периферия Интеллекта была подключена спустя три миллиона лет после его бесславного бегства из гибнущего под ударами Предтеч мира.

Кейтлин подняла голову и посмотрела на феерическую пляску огня, только что воссозданную ее руками. Пока она смотрела, прозрачные сегменты вокруг нее пришли в движение и вдруг начали закрываться, смыкаясь в прозрачный бутон вокруг Интеллекта и его Носителя.

Потом вся конструкция вздрогнула и начала медленно скользить по синеватой поверхности центрального желоба.

Интеллект возвращался в свой мир. Он уносил с собой свое безумие, выраженное в тайном пороке бессистемно восстановленных связей… Его конфигурация была нарушена, потому что не все кристаллы были одинаковы, и те, что встали в мертвые гнезда, не могли обеспечить адекватной работы в общей схеме Интеллекта.

Он был изуродован, но еще не осознавал этого, поглощенный единственной мыслью о том, что существа, столь жестокие, что даже призрак Предтеч бледнел перед ними, должны быть уничтожены, стерты из реальности Вселенной.

Вокруг закрутилось фиолетовое марево гиперперехода, и капсула с

Интеллектом вошла в тоннель, с тем чтобы выйти из него за тысячи световых лет от Эригона, под солнцем другого, древнего мира. А Кейтлин, боязливо прижавшаяся к основанию световой спирали, смотрела вокруг, ничего не понимая, лишь ее губы беззвучно шевелились, выговаривая единственное слово:

— Мама… Мамочка…

За их спиной с оглушительным грохотом взорвалась, проседая внутрь, базальтовая пещера, а вслед за ней в образовавшуюся воронку медленно сползло несколько кубических километров льда, сорвав и растерев в пыль целый квартал человеческого города.

Потом, когда остановилось движение ледовых масс, в обнаженных тоннелях жилых уровней лунной базы шумно завыли сирены и раздались крики. Но эта суета уже не могла ничего изменить.

* * *

Первыми на Луну-17 прибыли два бронированных посадочных модуля Патруля.

Они садились в аварийном режиме, двумя сияющими болидами обрушившись с небес, и вслед за ними в фиолетовом небе Луны появились обтекаемые контуры штурмовиков прикрытия.

Ослепительно резкий свет десятков прожекторов разрезал серую муть непрекращающейся поземки. Из посадочных модулей, как только их опоры коснулись подтаявшего от пламени двигателей льда, начали выскакивать люди. Заученными движениями серые, закованные в камуфлированную броню фигуры сыпались из провалов открывшихся рамп, отскакивали в сторону и сразу же исчезали среди пурги, образуя цепь, которая быстро двигалась в сторону уродливой двухкилометровой воронки, на краю которой топорщились торосы изломанного льда.

Лейтенант космической пехоты Павел Знобин резко остановился, так, что сдавленно взвыли сервомоторы его скафандра, и застыл, слегка наклонив торс над изломанной линией сместившихся масс льда.

Процессор боевой экипировки, закончив сканирование, выдал на прозрачный планшет лейтенанта страшную картинку. Это был инфракрасный снимок разверзшегося перед ним провала, бывшего всего полчаса назад монолитным куском льда, внутри которого располагалась созданная руками человека база с разветвленной системой подледных коммуникаций и жилым комплексом…

Большая часть научного городка пережила катаклизм, но несколько кварталов рухнуло на дно воронки, и темные зевы разорванных взрывом

тоннелей зияли в голубоватой вертикальной стене словно обрубленные артерии. Из некоторых лениво сочился едкий дым — горела проводка от коротких замыканий в общей энергетической сети, но не это заставило молодого лейтенанта на мгновение зажмуриться. Картина, смоделированная компьютером на его оперативном планшете, напоминала кадр из фильма ужасов: под холодными, обрушившимися вниз глыбами льда, на глубине около полукилометра, ясно просматривались тепловые контуры попавших под обвал людей. Некоторые из них пытались двигаться, и лейтенант почувствовал, как непроизвольно зашевелились его коротко остриженные волосы под гермошлемом.

— «Зевс-3», на связи группа оцепления, — в шоке от увиденного, захлебывающейся скороговоркой доложил он. — Нахожусь у края провала. Сопротивления нет, «скармы» отработали чисто. Сканирую тепловые сигналы на глубине шестисот метров под обвалом. Есть четкий сигнал от двух радиомаяков… Люди… Они там… — Он вдруг подавился, чувствуя, что не в силах больше говорить.

Это был второй десант молодого офицера. Потрясенный увиденным, он почти не слышал, что передавали ему с модуля. Справившись с волнением, Павел машинально включил реактивные ранцевые двигатели.

— Взвод, за мной! Оружие зачехлить! — уже падая вниз, хрипло приказал он. — Использовать плазменные резаки!

Он первым коснулся хаотичного нагромождения ледовых глыб. Встав на колени, лейтенант выхватил аппарат плазменной сварки и начал резать лед.

Вслед за ним на дно воронки один за другим опускались сияющие во тьме фигуры. Отложив оружие, они торопливо и молча вступали в дело.

* * *

Клауса извлекли одним из последних.

Он был без сознания. Его тело, раздавленное ледяными обломками, изодранное и окровавленное, успело заледенеть.

Все думали, что он мертв. К этому времени на поверхности луны уже суетились несколько сот человек. У края воронки был развернут временный реанимационный пункт под надувным резиновым куполом. Энергоснабжение уцелевших уровней подледной базы восстановили около часа назад, и все пространство провала теперь заливал яркий прожекторный свет. Вдоль одной из отвесных стен вверх и вниз сновали наспех смонтированные подъемники.

Тело капитана отодрали от глыбы придавившего его льда.

Находившиеся рядом гражданские специалисты отводили глаза, не в силах смотреть на изувеченного офицера. Он выгнулся в неестественной позе, в одной руке продолжая сжимать намертво вросшую в ладонь «гюрзу». Кулак другой тоже был плотно сжат, и никому из окружающих даже не пришло в голову, что там, в заиндевевшей ладони, прочно зажато несколько голубовато-серых кристаллов. Окружающим людям было не до того.

Клауса осторожно поместили в камеру поддержания жизни скорее для очистки совести, нежели на что-то надеясь. По всем мыслимым раскладам капитан, возглавлявший группу «скармов», должен был быть мертв.

По дороге наверх, когда подъемник преодолел половину расстояния до изломанного верхнего края воронки, щеки Клауса начали розоветь, и он на мгновение открыл глаза.

Сквозь кровавый дурман боли он увидел неясные контуры боевой экипировки сопровождавшего его пехотинца и почти тотчас же вновь потерял сознание, но за эти секунды он все же успел осознать, что жив.

Если бы его губы могли шевельнуться, он бы улыбнулся. Но сил хватило лишь на слабое дрожание век и короткую мысль.

— Кто?.. — едва слышно просипел он.

Сопровождавший реанимационную капсулу космический пехотинец не слышал этого похожего на вздох вопроса. Он был занят тем, что разглядывал растрескавшиеся и подтаявшие стены из голубоватого, с зелеными и белыми прожилками льда.

«Не хотел бы я быть на месте того парня, на чью задницу свалят ответственность за эту воронку», — подумал он, мысленно содрогнувшись от воспоминания о той каше, что покрывала дно двухкилометровой впадины.

В тысяче километров над поверхностью ледяного шарика Луны-17 гордо плыл громадный космический корабль.

В маленькой уютно обставленной каюте генерал Кончини, сидя перед терминалом тактического компьютера, пустыми глазами смотрел на скупые строки полученного приказа:

«Командиру патрульного фрегата „Зевс“ генералу Кончини.

Приказываю сдать полномочия старшему офицеру корабля полковнику Иващенко до прибытия следственной группы Совета Безопасности. Список выживших из личного состава подразделения „Скарм“ передать на флагман немедленно.

8 июня 3727 года.

Командующий флотом генерал-лейтенант О'Тейлор».

Глава 4. Останки

Сто восемьдесят световых лет от границ Протектората Окраины.
То же время — 3727 год Галактического календаря по летосчислению человечества…

Возвращение в родной мир не принесло ему облегчения. Можно сказать больше: то, о чем Интеллект мечтал в стылой тиши базальтовой пещеры, оказалось не триумфом и даже не вступлением в исторические права, — возвращение стало для него кошмаром.

В первый миг, пережив разлагающий сознание гиперпрыжок и очутившись под красноватым светом родной звезды, он испытал чувство, которое человек мог бы назвать «безграничным счастьем».

Это было совершенно новое ощущение, такое же сильное, как недавно пережитый ужас, с той лишь разницей, что оно имело положительную окраску.

Три миллиона лет… Стоило задуматься над этой цифрой. Даже для такого создания, как искусственный кристаллический мозг, это был срок. Только сейчас, когда в его фоторецепторы ударил тусклый красноватый свет старого, умирающего солнца, он осознал тот страх, который присутствовал в нем с момента пробуждения на Луне-17. Он боялся, что гиперпрыжок приведет его к обломкам родного мира.

Этого не случилось. Сфера пережила яростный натиск Предтеч…

Корабль-капсула с Интеллектом и Кейтлин материализовался прямо в воздухе на высоте двух километров от плоской вершины горы.

Вокруг неслись багряные облака, гонимые шквальным ветром к загибающемуся кверху горизонту. Кейтлин непроизвольно зажмурилась, подсознательно ожидая, что сейчас их закружит этот шквал, но секунды шли, а ничего страшного не происходило. Поборов страх, девочка открыла глаза.

Облака продолжали свой стремительный бег к горизонту. Присмотревшись внимательно, она поняла, что их окружают толстые прозрачные стены.

Их спуск проходил внутри огромного купола, который полностью накрывал собой гору.

Ей было так страшно, что она онемела, инстинктивно прижимаясь к темному пьедесталу, на котором сияла десятиметровая спираль.

Взглянув вниз, Кейтлин не почувствовала никакого облегчения. То

место, куда опускался кварцевый бутон, походило на правильно распланированный город с симметрично расположенными массивами застройки. Только вместо домов к тусклым багряным небесам вздымались тысячи кристаллов, образуя своеобразный лес, рассеченный узкими просеками.

Это было ирреальное, сводящее с ума зрелище. Кристаллы, достигавшие в высоту нескольких десятков метров, росли прямо из земли, причудливо ветвясь и сверкая ослепительными гранями в лучах красного солнца, шарик которого неподвижно повис в зените, прямо над куполом.

Между рядами кристаллических деревьев, словно лианы в тропическом лесу, тянулись толстые черные жгуты оптико-волоконных кабелей. Часть из них была порвана и свисала к земле безжизненными темными плетями. В просеках, деливших кристаллический лес на равные клинообразные участки, возвышались остовы каких-то разрушенных временем механизмов.

Корабль-капсула, удерживаемый в воздухе какой-то неведомой силой, медленно опускался в самый центр этого города-леса, где была расположена небольшая возвышенность, по склонам которой вниз к крайним деревьям сбегали темные симметричные дорожки конических углублений.

Кейтлин зажмурилась. Она больше не могла выносить этого кошмара…

Как ни странно, но Интеллект испытывал в эти мгновения схожие чувства. Он вернулся домой… но его эйфория медленно улетучивалась по мере того, как капсула спускалась все ниже.

Поступавшие к нему видеообразы несли в себе сотни несоответствий с той картиной, что хранила его долгосрочная память.

Во-первых, был поврежден купол. Безжалостное время основательно потрудилось над ним — по поверхности циклопической полусферы змеились десятки трещин, расчленявших небо над головой на уродливые неравные участки, покрытые пятнами какого-то налета, даже примитивными формами не то животной, не то растительной жизни…

Это было первое обстоятельство, которое если не испугало, то насторожило кристаллический мозг.

Корабль-капсула тем временем снизился и завис над коническим углублением в центре своеобразного подиума, который со всех сторон окружал мерцающий кристаллический лес.

С громким хрустом капсула Интеллекта вошла в предназначенное для нее углубление. Медленно дрогнули и начали раскрываться лепестки

кварцевого бутона, впустив внутрь разреженный воздух высокогорья.

Кейтлин закашлялась, с ужасом разглядывая окружающую панораму. Больше всего девочку пугало непривычно красное солнце и темно-багровое небо.

Этот мир был чем-то похож на библейский ад…

Впрочем, секунду спустя она начисто забыла не только об аналогиях, но и о страхе. Гневный, нетерпеливый мнемонический окрик заставил ее отцепиться от сияющей спирали и ступить на черную гладкую, словно пласт вулканического стекла, поверхность возвышенности.

Подчиняясь мысленному приказу, она безропотно начала выкладывать первую дорожку из кристаллов, следуя цепочке углублений.

Когда последний камень лег в предназначенное ему гнездо, от спирали Интеллекта к ближайшему кристаллическому дереву пробежала волна огоньков. Попав в заросли, свет вдруг ожил, заструился, побежал вверх и в стороны, изгоняя с этого участка хаотичное сияние. Деревья вдруг осветились изнутри, и разноцветные волны живого огня потекли по ним, совершая странные, но удивительно красивые эволюции…

Интеллект вернулся…

Он вступал в исторические права.

Из миллионов информационных каналов, которые словно паутина опутывали всю внутреннюю поверхность сферы, уцелело едва ли несколько сотен, но и этих крох оказалось достаточно для того, чтобы он смог бросить взгляд вокруг и ужаснуться…

Кейтлин, закончившая свою работу и теперь преданно разглядывавшая кристаллические дороги, ведущие в разные стороны от того места, куда они попали, завершив свой пространственный прыжок, боковым зрением заметила, как неистово вспыхнула десятиметровая спираль Интеллекта, и быстро обернулась, ожидая команд.

Она выполняла функции Носителя всего несколько часов, но за это время ее мозг словно бы переродился под воздействием мощных мнемонических волн. Она не понимала того, что полностью порабощена и украдена из своего дома. Просто все, чем она жила до момента взрыва в подледных коридорах и своего падения сквозь смещающиеся пласты льда, потускнело в ее сознании, отдалилось, стало незначительным и абсолютно неинтересным…

Она была Носителем Интеллекта, и это был единственный смысл ее бытия…

Спираль полыхала неистовым огнем. Кейтлин, не получив никаких команд, замерла в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. Она

устала и хотела есть, но молчала.

Бешеное свечение Интеллекта было адекватно крику отчаяния и боли.

Он увидел свой мир таким, каким тот стал за время его затянувшегося отсутствия.

Все лежало в руинах…

Повсюду, куда только доставал его взгляд, возвышались безжалостно разрушенные временем, уродливые остовы некогда могучих и прекрасных механизмов. Города по-прежнему поднимались к багровым небесам, словно памятник былому величию. Но от них осталась лишь скорлупа, в которой тут и там зияли дыры обвалившихся входов. Одичавшие и мутировавшие растения буйной порослью укрыли руины цивилизации, изменив ландшафты, уничтожив тщательную симметрию, осквернив все, куда только могли вскарабкаться цепкие побеги…

Там, где у подножия этой горы раньше плескался теплый мелководный океан, теперь на тысячи километров протянулось коричневое зловонное болото. Редкие пучки уродливой растительности торчали из застойных пузырящихся луж. Холмы, которые были островами, превратились в сглаженные илом бугры, от гидропонных ферм не осталось и следа, прекрасные лазурные акватории обмелели, а выщербленные склоны набережных покрывал чахлый кустарник, пробившийся между облицовочных плит.

Но самым страшным было не одичание мира. Цивилизацию можно было возродить, поднять из руин города, проложить новые линии порядка среди царящего вокруг живописного природного хаоса… но для кого?

Он менял канал за каналом, анализируя изображения, поступавшие к нему через тысячи километров оптико-волоконных кабелей, пока не пришел к очевидному выводу.

Его создатели деградировали до уровня животных… Наследники великой цивилизации тупо взирали на покореженные временем артефакты, не задаваясь вопросом об их происхождении и предназначении.

Тут властвовали совершенно иные существа…

Страшные, жестокие, безжалостные, они заселили его мир и правили в нем, построив на руинах прошлого свои города.

Интеллект провел мгновенный сравнительный анализ, установив, что здесь, кроме остатков его деградировавшего народа, присутствовали еще как минимум три разумные расы. И одной из этих оккупировавших его мир рас *были люди*!

Если бы он мог кричать, то от его отчаянного безысходного вопля рухнули бы стены, а так только маленькая девочка корчилась на полу у его

основания, извиваясь в судорогах и хватаясь руками за голову, где у нее располагался свой примитивный мозг, разрываемый в данный момент телепатическими эманациями Интеллекта.

Он понял это и перестал так бесконтрольно и яростно выражать свое отчаяние и скорбь. Примитивное существо, принадлежащее все к той же ненавистной разновидности двуногих, оказалось на данный момент его единственным Носителем, и нужно было позаботиться о поддержании ее жизни, хотя бы на первых порах, пока он не призовет к себе кого-то из своих…

Интеллект полыхал свирепым огнем, все глубже уходя в бездну своего безумия. И это была не паранойя и не следствие криво восстановленных связей, нет…

Это была *ненависть*…

Он прекрасно осознавал разрастающееся в нем чувство, и зародившаяся было мысль об исторической справедливости заселения брошенной им сферы другими существами так и погибла, раздавленная новыми для него яростными эмоциями, такими болезненными и непредсказуемыми, что их восприятие граничило с ощущением полного саморазрушения.

Интеллект еще не знал, что ненависть действительно разрушает сознание, медленно подтачивая его логические устои и превращая процесс здравомыслия в сплошной яростный бред. Ему еще только предстояло пройти через это.

Он собирался вернуть былое величие своему одичавшему народу. Но сначала он должен был очистить родной мир от заселившей его двуногой проказы…

3728 год Галактического календаря… Сектор а-217 — подземные казематы форта Стеллар, центральной исправительной тюрьмы одноименного спутника планеты Рори.

— В твоем распоряжении десять минут, парень, — проговорил охранник. Демонстративно отвернувшись, он щелкнул выключателем, убрав гудящий силовой барьер одиночной камеры, и медленной тяжелой поступью углубился в залитый ярким светом коридор, рассеянно постукивая по стенам электрошоковой дубинкой.

— Дерьмо Шииста, — вполголоса выругался Доминик, переступив порог камеры.

Клаус сидел на жесткой откидной койке, поджав под себя ноги. Его

глаза были закрыты.

— Командир… — негромко позвал фон Риттер.

Веки Клауса дрогнули. Он выглядел постаревшим и изможденным. Страшный, уродливый шрам пересекал его левую щеку, выделяясь багровым зигзагом на землисто-сером лице. Правая рука от локтя представляла затянутую в пластик культю.

Горло Доминика сжал предательский спазм.

Открыв глаза, Клаус удивленно уставился на посетителя.

— Ты, лейтенант?! — хрипло выдавил он и тут же откашлялся, прочищая горло.

— Не лейтенант, — поправил его Доминик, криво усмехнувшись и протягивая руку. — Рядовой пятого штрафного батальона форта Стеллар, по приговору трибунала… — отрекомендовался он, сжав здоровую ладонь Клауса.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, словно прикидывая степень морального и физического ущерба, причиненного обоим за год, прошедший со дня той злополучной операции.

— Кончини застрелился, — наконец проговорил Доминик, присаживаясь рядом с Клаусом на жесткий тюремный топчан.

— Не выдержал? — В голосе командира не было затаенной злобы или презрения.

— Не знаю. Не думаю, что этого козла заела совесть, — хмуро ответил Доминик. — Теперь все свалится на тебя, командир! — внезапно добавил он.

— Знаю… — Клаус достал сигарету и прикурил, неловко действуя одной рукой. Это была единственная вольность, что позволялась заключенным форта. Курить и читать книги. Все остальное было запрещено.

— Я тут прикинул, что к чему… — начал Доминик, но Клаус прервал его выразительным жестом.

— Постой… — Он выдохнул дым. — Ты читал доклад экспертной комиссии?

— Да. Эти уроды излазили всю воронку, но не обнаружили там никаких следов «светящегося кристаллического образования», — угрюмо процитировал он. — Ну и что, Клаус? Твой процесс еще впереди! Я забрал из госпиталя твои вещи, и там есть пригоршня этих самых кристаллов.

— Остынь, Доминик, — опять прервал его командир. — Хочешь угодить в психушку? На Луне-17 были не уроды, а хорошие эксперты, — вздохнул он. — Они нашли только колотый лед и трупы…

— А этот желоб на дне пещеры?

— Доисторический метеоритный шрам.

— Да дерьмо все это! — вспылил Доминик. — Ни я, ни ты не подрывали город! Нас подставили, бросив туда без подготовки операции, и тем не менее мы выполнили задание!

Клаус покачал головой. Он уже устал думать об этом.

— Там погибли двести мирных жителей. — Он погасил сигарету и взглянул на фон Риттера. — Кончини застрелился, но кто-то должен ответить за все… Они уже так решили.

— Покоряешься судьбе? — прищурился Доминик. — Что-то не похоже на тебя, Клаус!

— Трибунал состоится, хочешь ты этого или нет, — спокойно ответил командир. — Они уже списали меня. Но ты еще на свободе, хоть и рядовой. Я запрещаю тебе выступать на суде.

— Командир!

Клаус резко повернулся.

— Я устал, Доминик. Меня вытащили с того света, чтобы судить. Пусть будет так. — Он вздохнул, достав новую сигарету. — Если я буду трепыхаться, спецы сломают меня… Ты же знаешь, как это делается. А я еще хочу докопаться до истины…

— И что ты предлагаешь?

— Меня осудят, потому что дело получило огласку. Им нужен козел отпущения. — Клаус усмехнулся, глядя на фигуру охранника, который возвращался, направляясь к его камере. — Спасибо, что пришел. Я был рад тебя видеть, Доминик, — совершенно серьезно проговорил он.

Фон Риттер встал.

— И все-таки, Клаус…

— Жди… Живи и жди, — отрезал Клаус, не глядя в глаза Доминику. — Конфедерация трещит по всем швам. Просто пообещай, что вытащишь меня отсюда, если представится случай… И сохрани эти кристаллы, ладно?

— Хорошо, командир… — Фон Риттер посмотрел на охранника и протянул руку. — Я вытащу тебя, не сомневайся! — пообещал он, переступив порог камеры.

За его спиной натужно загудел силовой барьер.

Сфера Дайсона. Комплекс управляющих систем Интеллекта.
3728 год…

Кейтлин смутно помнила те дни, когда она и Интеллект вернулись в сферу. Самым главным ощущением была всеобъемлющая, нечеловеческая усталость, на сером фоне которой по странной прихоти памяти осталось лежать несколько ярких картинок отчетливых воспоминаний.

…Она стоит на краю платформы, выдающейся со склона искусственной горы, и смотрит вниз, на проплывающие под ногами курчавые барашки облаков. В мутной голубоватой дымке далеко внизу виднеется бескрайняя коричневая гладь болота, дугообразная линия берега и смазанная зелень неимоверно далекого леса…

…Холодный разреженный горный воздух обжигает ей грудь, вызывая спазмы. Ей отчего-то хочется вниз, туда, где заманчиво зеленеет эта призрачная полоска растительности… Горячая слеза сбегает по ее щеке, и она украдкой проводит по лицу обтрепавшимся рукавом ветхой тесной одежды…

…В черном тоннеле, пронзающем склон горы, протянуты тысячи толстых плохо гнущихся кабелей. Она идет по узкому проходу, внимательно осматривая их в поисках повреждений. В тоннеле пахнет могильной сыростью и тянет пронзительным холодом. Некоторые из оптических кабелей излучают слабый, едва уловимый свет. Большинство же темно как ночь…

Что такое ночь? Она остановилась, глядя в серый сумрак, и ее обветренное лицо исказила гримаса страдания. Она силилась вспомнить что-то важное, прочно скрытое за порогом сознания и никак не связанное с Интеллектом…

В голове вспыхивает знакомая резкая боль. Он злится. Кейтлин, покорно склонив голову, берет поврежденный кабель и, обламывая ногти, начинает сращивать его концы, изолируя стык специальным составом.

После долгих мучений ей это удается, и внутри черной бесконечной кишки начинает струиться слабый свет. Она улыбается потрескавшимися губами. Она счастлива. Она — единственный Носитель Интеллекта, и в этом заключается смысл ее бытия.

…Интересно, а что означают яркие, серебристые пылинки, рассыпанные по бездонному мраку? Она когда-то видела это? Что такое ночь?..

…Пустая сферическая комната плавает в волнах блаженного расслабляющего тепла. Она ложится на пол, ощущая благодатные токи почти горячего воздуха. Ее одежда давно превратилась в лохмотья, кожа загрубела и обветрилась, и сквозь прорехи в ткани ее обнаженное тело чувствует тепло.

Голос Интеллекта, как обычно, без всякого предупреждения рождается в голове. Она часто приходит сюда по его приказу, чтобы отвечать на его вопросы. Только здесь среди благодатного тепла с нее снимаются все запреты, и тут она может помнить то, что обычно остается за порогом сознания.

— Носитель, мне нужно оружие. Что ты помнишь про него?

Кейтлин, вытянув ноги, плотно зажмуривает глаза. Перед ее мысленным взором всплывают обрывки далеких туманных воспоминаний.

Интеллект, как обычно, сумел вычленить самую главную информацию. Он, как опытный нейрохирург, препарировал ее воспоминания, складывая их в нужной последовательности…

* * *

Жить становилось все труднее. Где-то внутри исхудавшей, тонкой как тростинка девочки гнездилось страшное взрослое чувство. Это было ощущение безысходности рабского существования, но она не могла осознать его, потому что была под полным контролем Интеллекта.

Это не могло продолжаться вечно.

Наступил тот момент, когда Кейтлин не смогла встать после того, как была отпущена на короткий двухчасовой отдых. Ее знобило, хотя все тело пылало огнем.

Несколько суток она без памяти пролежала в небольшой круглой пещере, едва не погибнув от лихорадки и нестерпимой жажды. В этом мире не было другого существа, которое могло подать девочке воды и позаботиться о ней. Возможно, что Интеллект и желал ей помочь, но он тем более не мог проделать необходимых операций, потому что его руками была именно она.

Эта болезнь, вызванная скорее хронической усталостью, нежели какими-то бактериями, подействовала на них обоих, но совершенно по-разному. Интеллект, все эти дни со страхом наблюдавший за мучениями загнанного им маленького существа, думал о крайней непредусмотрительности своих действий. Ему не следовало развивать такую бурную деятельность, не позаботившись о нужном количестве Носителей. Раньше он никогда не совершил бы подобной оплошности, но сейчас, когда в его кристаллических матрицах уже прочно угнездилось горячее, сводящее с ума чувство глобальной, всеобъемлющей ненависти к захватившим его мир двуногим, обдуманность и взвешенность каждого шага, присущая Интеллекту из прошлого, становилась все более и более прозаическим аспектом его сознания…

Кризис в болезни Кейтлин все-таки миновал, несмотря на отсутствие помощи и нечеловеческие условия содержания. Наступил момент, когда Кейтлин смогла доползти до выхода из пещеры и напиться из бегущего вдоль стены коридора ручья. Она понятия не имела, что Интеллект отвел эту воду специально для нее, перекрыв несколько заслонок дренажной системы.

Так или иначе, но она выжила, хотя стала похожей на маленький призрак. Первые несколько дней после болезни Интеллект почти не тревожил ее, давая прийти в себя и встать на ноги, хотя именно в этот момент ему как никогда нужен был Носитель.

После долгих кропотливых виртуальных поисков ему удалось обнаружить то место, где три миллиона лет назад находилось производство комплектующих его кристаллов и простейших механизмов периферии

Пока девочка болела, Интеллект сделал еще одно открытие.

Сфера Дайсона, которая, как скорлупа, окружала тусклую красную звезду, была огромным объектом, невидимым для глаза, но зато очень заметным в инфракрасном и радиодиапазоне. Попросту говоря, ее было практически невозможно обнаружить при помощи оптических систем наблюдения, таких, как телескопы или умножители, но для инфракрасных сканеров и радиотелескопов она была ярким аномальным пятном, источником сильнейшего теплового и радиоизлучения.

Этот факт очень сильно тревожил кристаллический мозг. Его ненавистные двуногие оппоненты были экспансивной расой, для которой продвижение в глубь Галактики и захват новых территорий являлись обязательным условием существования

Он был уверен, что поселение людей на равнине за болотом носило случайный характер. Основная часть человечества ничего не знала о сфере, иначе тут уже давно все бы кишело этими двуногими существами. Заново просмотрев и проанализировав все собранные о людях сведения, Интеллект пришел к выводу, что колония на равнине возникла волей случая. Скорее всего космический корабль, потерпевший аварию или заблудившийся в бескрайних галактических просторах, не имел шансов вернуться, поэтому, наткнувшись на сферу, двуногие и основали тут колонию.

Интеллект хотел знать о них все. Несмотря на свою ненависть к этим существам, он реально оценивал свои шансы на противостояние, которые в данный момент равнялись нулю.

Единственное, что он мог, — это издали наблюдать за поселением, вынашивая далеко идущие зловещие замыслы. Сфера больше не принадлежала ему; разоренная временем, обветшавшая, она стала своего

рода нейтральной, ничейной территорией, потому что без Носителей он не мог контролировать даже ту пятикилометровую площадку, посреди которой находился. Все подчиненные ему механизмы были безвозвратно разрушены, связи оборваны, не было ни ресурсов, ни действующих производств… У него не было даже рук и способности самостоятельно передвигаться…

В распоряжении Интеллекта был единственный Носитель, три тысячи километров сохранившихся в окрестностях коммуникаций и еще два автономных шара, которым Кейтлин в силу своей детской наивности моментально приклеила кличку Глаза.

И еще у него была уйма времени и огромные вычислительные мощности.

Пока полумертвая Кейтлин лежала на полу холодной пещеры, он вызвал оба Глаза и поставил перед ними задачу. Один должен был обследовать населенную людьми равнину, а второй был отправлен на инспекционный облет сферы с целью выявления повреждений и поиска уцелевших механизмов.

Этот второй Глаз и наткнулся спустя несколько суток на тот объект, что едва не стал поворотным пунктом в истории всего человечества.

Сфера Дайсона действительно была яркой аномалией, и ни один корабль не мог пролететь мимо этого циклопического сооружения. От полномасштабного вторжения людей ее уберегло лишь то обстоятельство, что экспансия человечества была направлена в противоположную сторону, от периферии спирального рукава Галактики к ее центру, а между сферой и человечеством в пространстве растеклась одна из пылевых туманностей, которая заслонила аномальный участок небосвода от пристального изучения.

Однако в период Слепых Прыжков Первого рывка космические корабли людей своенравная гиперсфера выбрасывала куда ей вздумается. Люди, познававшие законы гиперпространственных переходов на горьком опыте, порой оказывались в самых невероятных и неожиданных местах. Чаша сия не миновала и сферу Дайсона, чье внутреннее пространство могло вместить в себя орбиту Земли…

На этот раз таким кораблем-невозвращенцем оказался старинный межзвездный транспорт класса «Элизабет-сигма». Древний, построенный на стапелях Плутона более тысячи лет назад, сиротливо возвышался он на краю одной из гигантских платформ, которые были выведены на орбиту вокруг красного солнца еще создателями Интеллекта, чтобы с их помощью имитировать на внутренней поверхности сферы смену дня и ночи.

Теперь, три миллиона лет спустя, созданный ими кристаллический мозг со страстным вожделением созерцал огромный межзвездный транспорт, который мог стать отправной точкой для возрождения его могущества

Оставалось дождаться, пока ослабевший от болезни и усталости Носитель придет в себя и сможет вновь выполнять свои прямые обязанности.

Интеллект ждал. Его внутреннее время измерялось от наносекунд до бесконечности, в зависимости от обстоятельств. Он знал, что рано или поздно его замысел будет осуществлен.

* * *

«Иди и поддерживай связь со мной».

С таким напутствием Интеллект отправил Кейтлин в гиперпространственный тоннель, связанный с орбитальной платформой.

В первый момент, оказавшись после привычной пещеры под бескрайним фиолетовым небом без звезд, она испугалась. Багряный диск звезды пылал в зените, под ногами гулко вибрировали плиты бескрайней ровной плоскости, болтавшейся, по ее соображениям, где-то между небом и землей. Тут, на орбитальной платформе, как и в гиперпространственных тоннелях, была атмосфера, удерживаемая генераторами искусственного тяготения, но воздух был холоден, а дышать оказалось еще труднее, чем на высокогорье.

Кейтлин поперхнулась и зашлась долгим мучительным кашлем.

Впереди в сотне метров от нее, сверкая в лучах звезды огромными плоскостями крыльев, застыл изящный космический корабль, своими формами напоминавший морского ската.

— Поторопись, — подстегнул ее прозвучавший в голове голос Интеллекта.

Кейтлин разогнулась и послушно шагнула вперед, хотя против физических усилий протестовала каждая клеточка ее измученного болезнью тела.

Она неуверенно двигалась, покачиваясь и спотыкаясь на ровном месте, а черная тень гигантского корабля ползла ей навстречу, пока не накрыла задыхающуюся девочку.

Звездолет занесло сюда явно не добрым ветром. Это с расстояния в несколько километров он казался цельной изящной конструкцией с обтекаемыми формами. Ближе все выглядело уже не так красиво и благополучно.

Главный шлюз корабля был открыт, и в темную потрескавшуюся поверхность орбитальной плиты, которая миллионы лет назад была составлена из секций солнечных батарей, упирался покосившийся телескопический трап.

Кейтлин подошла к нему и задрала голову, разглядывая тяжелые, нависающие над ней выступы обшивки со встроенными в них обзорными блистерами.

За спиной девочки беззвучно парил Глаз — полуметровый шар с прозрачной оболочкой, внутри которой угадывалась такая же кристаллическая начинка, как и у Интеллекта.

— Обойди корабль по кругу, — услышала она мысленный приказ.

Кейтлин словно кукла послушно задвигала ногами.

По правому борту «Элизабет-сигмы» зияла безобразная пробоина с рваными, выдающимися наружу краями. Кейтлин подошла ближе, но заглянуть внутрь не смогла — даже привстав на цыпочки, она не доставала до ее нижнего края.

— Дальше, — нетерпеливо потребовал незримый голос. Сзади, в районе кубических выступов ходовых секций, обшивка выглядела лучше. Тут даже сохранился синеватый глянец покрытия, лишь кое-где выщербленный крохотными кратерами от попадания микрометеоритов.

…Через полчаса изможденная девочка вернулась в район открытого шлюза и без сил присела на нижнюю ступеньку трапа.

— Вовнутрь, — потребовал Интеллект.

Кейтлин не шелохнулась. Она не могла идти дальше, и ей было все равно — последует наказание за этот немощный бунт или нет. К счастью, у кристаллического мозга оказалось достаточно здравомыслия. Дело ограничилось тем, что неотступно следовавший за ней Глаз подлетел ближе и стал светиться, интенсивно нагнетая в разум девочки волны расслабляющего тепла.

Через некоторое время она нашла в себе силы встать и сделать первый шаг по гулким ступеням трапа.

Внутренне содрогаясь от непонятного, почти мистического страха, она переступила порог шлюза, овальный контур которого окружала рябь черных точек, словно кто-то ковырял тут обшивку отточенным острием…

Сразу за переходным тамбуром начинался кольцевой коридор нижней палубы. Первые две двери вели в расположенные по обе стороны от шлюза блистерные купола. Автоматика не работала — в системах корабля не было ни одного эрга, но массивная плита, запирающая вход в правый купол, неожиданно поддалась слабому усилию десятилетней девочки. Жалобно

скрипнув, она отъехала в сторону и остановилась, когда внутри переборки что-то затрещало. Кейтлин протиснулась в полуметровую щель и оказалась на пороге прозрачной полусферы, выступавшей за борт корабля.

В центре укрепленного гнутыми стальными балками каркаса полушария на дугообразном монорельсе было закреплено кресло, к нему подходили механизмы управления блистерной пушкой, счетверенные стволы которой торчали наружу.

Кейтлин, влекомая каким-то неодолимым патологическим любопытством, сделала шаг вперед. От входа она видела, что из-за спинки кресла торчит что-то похожее на человеческую макушку…

Громко закричав, она отшатнулась. В кресле, спеленатая полуистлевшими страховочными ремнями, сидела мумия…

Крик девочки затравленным эхом метнулся по тесному помещению блистера, и от этого колебания воздуха страшная мумифицированная фигура вдруг начала оползать, рассыпаясь в прах.

Она не помнила, как выскочила в темный кольцевой коридор. Светящийся Глаз резво следовал за ней, освещая дорогу обезумевшей от страха девочке, пока мнемонический окрик Интеллекта не привел ее в чувство…

Она вздрогнула. Глаз подлетел ближе и начал кружить у ее головы.

Затуманенный взгляд девочки постепенно прояснился. Ужас отступил. Она вновь вспомнила о том, что является Носителем.

В стенах коридора было достаточно дверей и указателей.

«Главный двигатель», «Склад номер два», «Лаборатория кибернетических систем» — гласили ближайшие из надписей, снабженные выразительными стрелками, указывающими направление.

Однако Интеллект интересовало нечто другое. Он заставлял ее идти дальше и дальше по бесконечным коридорам и палубам корабля, следуя нанесенным на стенах указателям. Наконец она оказалась в криогенном зале. Десятки пустых низкотемпературных камер стояли ровными рядами. Колпаки большинства из них были откинуты вверх, да и те, что могли содержать биологический груз, были темны как ночь — на корабле полностью отсутствовала энергия.

Интеллект хотел, чтобы она объяснила ему принцип низкотемпературного сна и то, как работают механизмы этого зала, но в этом случае Кейтлин оказалась бессильна ему помочь. Она попросту не знала этого.

Тогда он погнал ее дальше.

Она совершенно перестала воспринимать течение времени. Была

только усталость, подкашивающиеся ноги и тупая головная боль. В одном из помещений она наткнулась на останки еще одного человека. На пластиковом столе, возле которого расположился прах, лежало несколько вакуумных упаковок, сквозь мягкий пластик которых были видны ровно нарезанные квадратики хлеба. Глаза девочки внезапно расширились при виде содержимого пакетов, и она бросилась к столу, жадно схватив руками вакуумную упаковку. Ее зубы впились в податливый пластик, раздирая его.

Окрик Интеллекта заставил ее вздрогнуть и вобрать голову в плечи, но даже он оказался бессилен остановить голодного ребенка. Кейтлин ела, по-звериному озираясь и проглатывая жесткие куски галетной массы, почти не пережевывая.

Интеллект внезапно умолк. Он понял то, о чем даже не помышляла Кейтлин. Люди были очень опасными существами. Девочка не подчинилась ему не потому, что смертельно хотела есть, — нет, обычные концентрированные кубики, которыми когда-то питались Носители и производство которых он возобновил в первый же день своего пребывания тут, вполне удовлетворяли потребности ее организма в пище, просто с расстоянием ослабело его воздействие на нее. Она не хотела подчиняться!

В этот момент он понял, чем эти жестокие, безумные существа отличались от его народа. Они были невосприимчивы к внушению. Над ними нужен постоянный непосредственный контроль.

Это никак не устраивало Интеллект. Он чувствовал, что его план использования людей в качестве своего оружия, похоже, не выдерживал критики. Пока они находились рядом, все было хорошо, но теперь, глядя на поспешно дожевывающую последние крохи Кейтлин, он понял, что стоит ей окончательно прийти в себя и само его существование будет поставлено под угрозу… Дикие, независимые и не признающие никакой власти звери…

Нет, он не должен использовать их в качестве Носителей. Но ведь должен же быть какой-то выход…

Интеллект задумался.

«Как управляется этот корабль?»

Кейтлин подняла голову к потолку, словно оттуда исходил звучащий в ее голове голос.

«Бортовой компьютер…» — мысленно ответила она на поставленный вопрос, совершенно не подозревая, что этой, по ее мнению, ничего не значащей, очевидной для любого ребенка информацией она в ту самую секунду изменила весь ход истории сферы и населяющих ее существ, принадлежащих к трем совершенно различным цивилизациям.

— Найди его, — приказал Интеллект.

Девочка повиновалась.

За очередным ответвлением широкий коридор перегораживала вертикальная плита со сканирующей пластиной и аудиодатчиками. Она остановилась, равнодушно осматривая преграду. Путь в недра корабля был закрыт. Экипаж мог погибнуть или исчезнуть, но кибернетическая система еще много лет продолжала нести неусыпную вахту.

Ей были нужны пароли в виде отпечатков пальцев, узора глазной сетчатки и образцов голосовых команд. Иначе путь в святая святых, где располагались компьютерный центр, рубка управления и оружейные палубы, был закрыт. Но зато в распоряжении Интеллекта были все бытовые отсеки, медицинский модуль и камбуз.

Несколько минут он тщательно размышлял над новой проблемой, пока не пришел к выводу, что остался только один способ достичь желаемой цели и Кейтлин никак не могла помочь ему в этом.

Он отправил девочку назад, а сам приступил к весьма рискованной операции.

* * *

Ситуация была знакома кристаллическому мозгу и чем-то напоминала его собственную. Из беспорядочных, подсознательных мыслей и образов, что он выловил из разума Кейтлин, Интеллект понял, что этот мертвый корабль, помимо людей, когда-то управлялся неким аналогом его самого. На человеческом языке это называлось — «компьютер».

Сейчас данный электронный механизм пребывал в том же состоянии, что и Интеллект в подледной пещере на Луне-17. Он был мертв по причине полного отсутствия энергии.

Интеллект решил исправить положение вещей.

По его приказу Глаз долго и скрупулезно исследовал корабль, передавая кристаллическому мозгу всю собранную визуальную информацию. Интеллект сравнивал ее с уже имеющимися в его памяти данными, в основном почерпнутыми из принятых им со спутника видеофильмов, и на основании сравнительного анализа делал выводы о предназначении того или иного агрегата на борту погибшего корабля.

Это была титаническая работа. Учитывая малую достоверность видеоинформации и ту бездну лет, что отделяла современный мир людей от найденного им артефакта, ему удалось опознать лишь очень немногие функциональные узлы «Элизабет-сигмы». Среди них были система энергоснабжения и порты ввода-вывода бортовой кибернетической

системы.

Интеллект был доволен. Это было даже больше, чем он ожидал найти.

«Транспорт „Элизабет–1 — х–17“

Порт приписки — планета Ганио.

Военно-космические силы.

Код доступа к оперативным управляющим системам 12О–0–94гс.

Совершенно секретно. Порт назначения груза — система Онтарио, Эрлиза…»

Интеллект мог бы гордиться собой, но его развитие как личности еще находилось в самом начале, и кристаллический мозг не знал такой разновидности греха, как гордыня. Он просто работал.

За девять секунд, в течение которых происходила загрузка бортового компьютера «Элизабет-сигмы», он успел перекачать в свои блоки не только код доступа, но и большую часть памяти бортовой киберсистемы древнего транспорта.

С точки зрения человека, все происходило мгновенно. В рубке транспортного корабля тускло засиял один-единственный экран, и на нем тотчас же возникла надпись: «Вторжение».

— Вниманию экипажа! — гнусаво проговорил скрытый в недрах пульта управления динамик внутренней связи. — Обнаружена попытка проникновения в управляющие программы процессора! Тревога! Срочно перейти на ручное управление! Автономные системы будут отсечены от связи с процессором! Осталось пять секунд! Четыре! Три…

В этот миг сознание Интеллекта находилось в виртуальном информационном пространстве бортового компьютера. За те мгновения, что отводились экипажу корабля на принятие управления, он успел скопировать остатки информации, но на бегство у него уже не оставалось времени. Он был в тысячи раз более быстрым и совершенным, чем компьютер людей, но даже это не спасло кристаллический мозг от знакомства с охранными программами.

Чья-то злая целенаправленная воля окружила его, вцепилась в сознание Интеллекта, повисла на нем, и вдруг…

Ослепительная виртуальная вспышка едва не разрушила его, причинив дикую боль…

Все программы, которые управляли работой процессора «Элизабет-сигмы», самоликвидировались в один миг. Интеллект был потрясен. Несколько часов понадобилось ему, чтобы прийти в норму после своей

пирровой победы.

Второй раз за столь короткий промежуток времени ему пришлось заглянуть за ту черту, за которой уже не было ничего, кроме вечного безмолвного мрака.

Каждое его столкновение с людьми кончалось почти что фатально, и лишь случайности спасали его от неминуемого уничтожения…

Придя в себя, Интеллект поклялся, что случайностей больше не будет. Эксперименты окончились.

Он никогда не сталкивался с термином «самопожертвование». Это было дико и неуместно с точки зрения кристаллического мозга. Что-то вроде удара ниже пояса. Однако пережитые неприятности стоили той информации, которую он получил.

Интеллект сделал открытие, которое потрясло его не меньше, чем взрыв. Он открыл для себя понятие «компьютер».

Несколько секунд он общался с неким подобием самого себя. Этот организм был очень примитивен и медлителен. Он был лишен эмоций и собственной воли, но по своей внутренней организации, способам хранения и обработки данных он был сродни кристаллическому мозгу.

Машина. Идеальный механический Носитель.

Если бы Интеллект обладал телом в человеческом понимании этого термина, можно было бы сказать, что его трясет от возбуждения. Конечно, создавая сферу, он использовал различные механизмы, порой очень сложные, но ими неизменно управляли Носители, и теперь лишенные их опеки машины давно остановились, застыв уродливыми, не пригодными ни к чему грудами металла.

Теперь все будет иначе. Лишенные собственной инициативы, безропотные и преданные компьютеры людей, которых еще немало оставалось в отсеках «Элизабет», устраивали Интеллект как нельзя больше. Они послужат материалом для исследований и, возможно, прототипами.

…Наконец на его горизонте забрезжил слабый лучик надежды.

Но это было далеко не все. Спустя некоторое время, занимаясь просмотром и расшифровкой скопированной информации, он наткнулся на одну запись, которая привлекла его пристальное внимание.

Это был секретный файл бортовой декларации грузов.

Наемный военный транспорт «Элизабет», приписанный к широко известной в обитаемой галактике планете Ганио, вез в систему Онтарио, помимо официально задекларированных грузов, еще и несколько экспериментальных камер, предназначенных для полного клонирования заданных прототипов…

События происходили около тысячи лет назад, когда клонобиология и генная инженерия только вступали в пору своего зловещего расцвета в человеческих мирах.

Он еще не знал, как сумеет воспользоваться этой совершенно новой для него отраслью человеческих знаний, но интуитивно чувствовал, что находится на верном пути.

Продолжая расшифровку документов, Интеллект наткнулся на бортовой журнал и с вялой заинтересованностью ознакомился с его содержимым. Трагические записи последних часов жизни экипажа нисколько не затронули кристаллический мозг. Он просто принял к сведению, что люди, управлявшие этим кораблем, оказались под ударом двух пиратских линкоров (термин «пираты» так и остался для него загадкой), и когда их самоотверженное сопротивление было сломлено, они предпочли слепой рывок позорному плену.

Смертельно раненный навигатор, который отправил «Элизабет» в ее последний полет, так и не понял, что своенравная гиперсфера занесла его корабль во внутреннее пространство сферы Дайсона.

Он умер от перегрузок.

Бортовой компьютер взял управление на себя, и автопилоты посадили корабль на идеально ровную площадку, которой оказалась та самая орбитальная плита, где древний транспорт спустя тысячу лет и обнаружил Глаз.

Единственное, что уяснил для себя Интеллект, был тот факт, что корабль хотя и пострадал во время боя, но оставался пригоден для совершения гиперсферных прыжков.

Просто на борту не осталось никого живого, чтобы отдать соответствующий приказ.

Это была судьба…

Часть вторая. Противостояние

Глава 5. Эрлиза

3737 год Галактического календаря. Протекторат Окраины. Система звезды Онтарио-4. Десять лет спустя после событий на спутнике Эригона.

— Транспорт «Элизабет-сигма», вас вызывает диспетчерская служба Онтарио. Вы вошли в зону безопасности нашей системы. Прошу включить бортовые навигационные огни, радиомаяк и канал телеметрии для передачи навигационных данных. Повторяю…

Спустя минуту дежурный оператор пограничной станции слежения уныло посмотрел на приборы, проклиная свою судьбу за этот неожиданный подарок.

Космический корабль, несколько минут назад зафиксированный радарами одного из внешних постов системы, по-прежнему не реагировал на его попытки связаться с ним.

«А может быть, и фрайг с ним?» — тоскливо подумал оператор, провожая взглядом вычерченный на одном из дисплеев курс. Корабль явно не принадлежал к классу боевых космических судов, да и времена были уже не те. Нужно сказать, что внешние радарные посты были построены лет восемь назад, когда война между старой Конфедерацией и Окраиной казалась делом неизбежным, но, хвала звездам, эти смутные годы уже потихоньку предавались забвению, перекочевав на страницы учебников новейшей истории. В преддверии войны Конфедерация, а вместе с ней и союз сорока планет просто внезапно расползлись по швам, как старая, отслужившая свое рубаха. Большинство Центральных миров приняло статус суверенных независимых планет, и проблема пятилетнего противостояния между Окраиной и Центром разрешилась сама собой, ограничившись несколькими локальными конфликтами Совет Безопасности миров сохранил свой статус межпланетной организации, но Патруль, царивший в обитаемой Галактике несколько сотен лет, был распущен.

Возможно, что дрейфовавший в космосе старый транспорт, опознанный компьютером как грузовик класса «Элизабет-сигма», так бы и канул в глубины пространства, если бы не несколько обстоятельств

Во-первых, пограничный радарный пост имел военное подчинение, и в некоторых случаях его компьютер имел определенный приоритет даже перед дежурным оператором внутрисистемной диспетчерской станции. Во-

вторых, одна из промышленных корпораций Онтарио недавно заключила контракт на отлов космического мусора, к которому после бесплодных попыток связи и анализа курса был причислен неопознанный и не подающий признаков жизни транспорт класса «Элизабет».

Так или иначе, но, пока оператор внутрисистемной станции решал для себя вопрос о том, стоит или не стоит связываться с рутинными докладами из-за дрейфующего в космосе куска металлолома, информация о его обнаружении уже ушла по компьютерной сети.

Заметив, что сигнал обнаружения уже прошел независимо от его скромных желаний, оператор вздохнул, сделал запись в электронном журнале дежурств и отжал клавишу внутреннего селектора.

— Хоули, Стонски, попрошу на выход. Неопознанный объект в космосе, квадрат гамма-восемь. Готовьтесь к старту. Сейчас все данные будут переданы в ваш бортовой компьютер.

Динамик интеркома сухо щелкнул, и оттуда раздался недовольный голос Джона Хоули

— Эй, Мартин, ты что, сдурел? Всего ведь полчаса до смены!

— Сожалею, Джон, но доклад уже отправлен, — ответил оператор, глупо радуясь тому обстоятельству, что не только ему придется потеть в конце смены. — Я не могу составить рапорт без протокола осмотра, — вполне резонно ответил он.

— Ладно, с тебя причитается, — уныло ответил Джон. — Открывай внутренний шлюз, мы пошли грузиться.

* * *

— Смотри-ка, Джон, какая интересная посудина…

Мартин Стонски, тезка оператора, расправил плечи, потянувшись в кресле.

— Никак по ней стреляли, — добавил он, вручную изменяя угол наклона видеокамер, чтобы получше разглядеть зияющую в борту корабля пробоину.

Джон Хоули сунул пустую пластиковую банку из-под пива в «пасть» утилизатора и вместе с креслом повернулся к куцему пульту управления их небольшого ассенизационного кораблика. Быть мусорщиком никогда не вдохновляло Хоули, но на безрыбье, как говорится… В общем, он старался как мог приукрасить это неприглядное занятие, собирая разного рода прикольные сувениры, беззастенчиво воруя их с обломков чьей-то давно минувшей жизни… Хотя такие жирные куски, как этот изувеченный транспорт, медленно вращавшийся вокруг своей оси в прицеле видеокамер,

попадались нечасто… Интересно, какой злой ветер носил его по местам, где можно заполучить в борт такой вот смертельно опасный подарок?

Ответа на этот вопрос они, наверное, никогда не узнают. Мертвый корабль — он и есть мертвый. Хуже всего, если в нем окажутся трупы… Джона Хоули даже передернуло.

Мартин кончил жевать прихваченный с собой бутерброд и взялся за управление. Включив запись, он нарочито гнусавым голосом проговорил в прикрепленный к подбородку коммуникатор:

— Борт «Альфы-четыре», докладываю обстановку. Вошли в визуальный контакт с объектом. Опознавательных и навигационных огней нет. Радиоконтакт не поддерживает. Тепловое излучение отсутствует. Наблюдаем пробоину по правому борту — неправильной формы дыра размером десять на шесть метров. Очевидно, внутренняя атмосфера корабля утрачена. Сопутствующих выбросов мусора в районе пробоины не наблюдаю.

— Принято, — пришел ответ. — Действуйте по стандартной процедуре. «Черные ящики», навигационный кристалл, схемы памяти бортового журнала. После осмотра транспортируйте объект к месту переработки — это будет автоматический завод номер три корпорации «Экорамбус». Данные орбитального сближения для буксировки получите позже.

— Понял… До связи. — Мартин отжал клавишу и повернулся к Джону. — Может, премию дадут, а? Как ты думаешь, за такую-то махину?

— Ага… Если догонят… — Хоули явно был не в духе. — Давай цепляйся за этого урода и пошли. У меня уже в животе бурчит.

— Нечего было крутить носом, когда я предлагал поделиться, — съехидничал Мартин, выстреливая в борт транспортного корабля двумя магнитными присосками, вслед за которыми тянулись длинные прочные тросы.

* * *

Внутри корабля было темно. Джон вплыл в безобразную пробоину, остерегаясь хвататься руками за ее рваные края, и, подработав реактивными двигателями, сполох которых на секунду осветил просторный грузовой ангар, мягко приземлился на накрененную палубу.

Включив прожектора скафандра, он повел головой, и три луча света послушно разрезали тьму, выхватывая из мрака подробности чьей-то давно остановленной жизни.

В коммуникаторе гермошлема было слышно, как громко и

успокаивающе дышит Мартин.

— Ну что там у тебя? — поинтересовался он.

— Да ничего… Пустой ангар, — отозвался Хоули.

За его спиной коротко полыхнуло пламя реактивных двигателей, и еще три луча присоединились к общей иллюминации. Мартин сделал шаг вперед и вдруг оступился, нелепо взмахнув руками. Удержав равновесие, он переключил регулятор напряжения в магнитных подошвах скафандра на максимум и наклонился, разглядывая облачко всплывших в невесомости предметов, на которых он только что поскользнулся.

— Смотри-ка, Джон, что это такое? — удивленно спросил он.

Хоули осторожно приблизился и взглянул на парящие в вакууме тонкие короткие цилиндрики, изготовленные из цветного металла.

— Это гильзы, — многозначительно изрек он.

— А на кой они нужны? — поинтересовался Мартин.

— Раньше, когда еще не появилось импульсное оружие, такие вот штуковины выталкивали из ствола пули, — с видом знатока изрек Джон.

— Так сколько же тогда этой посудине лет? — изумился Стонски. — Триста? Четыреста?

— А фрайг его разберет… — пожал плечами Джон. — Мы с тобой ассенизаторы, а не археологи, забыл?

Переговариваясь таким образом, они, не торопясь, пересекли пустой ангар и остановились возле плотно закрытого межпалубного люка. Пока Джон возился с механизмом, Мартин провел лучами прожекторов по стенам, с профессиональным равнодушием разглядывая покореженные при взрыве пластиковые панели, обрывки перегоревших проводов и прочие уже приевшиеся его глазу свидетельства катастрофы.

— Слушай, а когда начали выпускать транспорты этого типа? — спустя некоторое время поинтересовался он.

— Да я думаю, что побольше тысячи лет назад, — предположил Джон. Он был рад, что разобрался наконец с приводом запора. Упершись магнитными подошвами в пол, Джон осторожно толкнул люк, и тот поддался, послушно отъехав в сторону.

В тесной шлюзовой камере на стене тлела крохотная искорка индикатора.

Хоули поначалу подумал, что ему померещилось, но раздавшееся в коммуникаторе удивленное восклицание Мартина убедило его в необходимости поверить собственным глазам. Они втиснулись в узкий переходной тамбур шлюзовой камеры, с молчаливым недоверием разглядывая крохотный огонек.

— Идиотизм какой-то, — наконец глубокомысленно изрек Джон. — Мы должны были засечь энергетическую активность в цепях!

В этот момент наружный люк, обесточенный запор которого он только что отодвинул специальным электромагнитным приспособлением, внезапно вздрогнул и скользнул на место, отрезав их от пробоины.

Это уже ни в какие ворота не лезло. Джон затравленно оглянулся, чувствуя, как у него под гермошлемом встают дыбом волосы.

Рядом с первым индикатором вспыхнул второй, и внутренний люк плавно скользнул в сторону, открыв овальный проход в недра корабля.

— Джон… — раздался в коммуникаторе Хоули сдавленный голос напарника, — давай не пойдем туда…

Мартина обуял ужас. Он всегда был падок на разного рода мистические триллеры, но смотреть наяву худший из них, да еще и с собой в главной роли…

Джон Хоули чувствовал себя не лучше. В конце концов они были мусорщиками, а не спецназом. Самое лучшее, что пришло ему в голову в данный момент, — это не двигаться с места и включить канал экстренной дальней связи.

— Говорит борт неопознанного корабля… Всем, кто нас слышит…

Щелчок… Тишина. Нет даже обычных шорохов несущей частоты.

— Мартин, мой передатчик не работает, — сдавленно прохрипел Джон. — Попробуй ты!

Попытка Стонски связаться с кем-нибудь вне этого корабля также не увенчалась успехом. Он повернулся и в отчаянии посмотрел через лицевой щиток своего шлема на покрытое испариной лицо напарника.

— Связь не работает. Люк закрыт, — почему-то шепотом констатировал он. — Нас приглашают войти…

Вместо ответа Хоули сделал неуверенный шаг вперед. В руке он сжимал изолированную ручку плазменной горелки, от которой к его ранцу тянулся тонкий серебристый шланг.

Мартин с трудом сглотнул и сделал то же самое.

Переступив порог шлюзовой камеры, они оказались в самом обыкновенном кольцевом коридоре.

— Выключи прожектора… — тихо проговорил Хоули. Мартин послушно отключил подсветку. Он совсем не возражал против роли подчиненного.

Осветительные панели потолка почти ничего не излучали, и в коридоре мгновенно воцарился плотный сумрак, что усугубило и без того напряженную обстановку. Зато на стенах четко проступили

фосфоресцирующие указатели, выполненные в виде стрелок и символов.

Джон хмыкнул просто для того, чтобы не молчать, и указал вправо.

— Там ходовая рубка. Пошли, может быть, фокусы со шлюзом — это какой-нибудь завих уцелевшей на борту автоматики? — предположил он, хотя самого уже потряхивало от нервного возбуждения.

Мартин молча развернулся и пошел в указанном направлении.

* * *

Ночью над Эрлизой всегда шел дождь.

Клаус проснулся далеко за полночь. Как обычно. Эту привычку просыпаться по ночам он приобрел в одиночной камере форта Стеллар. Там ровно в два часа ночи по гулкому тюремному коридору всегда проходил охранник, проверяя сигнализацию и силовые барьеры камер.

Клаус неподвижно лежал под скомканной простыней, неприятно холодившей покрытое испариной тело, и слушал дождь.

За окном бесновался ветер, и косые струи с силой барабанили по стеклу. Ему было холодно, одиноко и тоскливо.

Перед глазами на сером фоне потолка проплывали незваные и неумолимые картины прошлого — Луна-17, которую он не мог забыть.

Лежать в темноте было невыносимо. Клаус повернулся на бок и, протянув руку, нашарил выключатель. Тусклый ночник под полинявшим абажуром осветил убогую обстановку его жилища, оставив мраку углы квадратного помещения.

Да! Тысячу, миллион раз — да! Он признал свою вину и искупил мнимый проступок… Он не был повинен в гибели людей, но знал об этом только он да еще Доминик. Внутреннее убеждение не рассматривается судом как доказательство или улика…

Клаус повернулся, зарывшись лицом в подушку, и натянул на голову влажную простыню в бесплодной попытке уснуть…

Конечно, бывали дни, когда он полностью забывал о прошлом. Человек не может постоянно страдать, и душевные раны постепенно затягиваются, покрываясь легкой дымкой забвения. Но у него эти сны были не просто памятью, муками совести или еще чем-то подобным. Нет, эти видения пугали его. Они больше походили на психическую болезнь, чем на обыкновенные воспоминания. Словно десять лет назад в подледных пещерах Луны-17 его осенила своим крылом чья-то черная воля…

Отчаявшись уснуть, он сел, злой и раздраженный. Потом встал и как был, почти голый, подошел к окну, с треском распахнул пластиковую раму с мутным, давно не мытым стеклом.

Прохладный ветер, полный водяной пыли, ворвался в комнату, раздув занавески. Клаус закурил и долго стоял, глядя на серую муть дождя, и перед глазами, словно выхваченные из мрака огоньком разгорающейся при глубокой затяжке сигареты, проплывали странные, непонятные ему самому картины…

Клаус не вспоминал ни детство, ни юность, ни свою первую любовь, ни родителей, и даже погибшие друзья не приходили к нему в этих ночных откровениях. Он видел чернильную тьму, в которой, словно зажженные плошки на океанской глади, плавали далекие тусклые огоньки. Он видел звезды… Далекие скопления появлялись словно бы из тумана, медленно, неумолимо накатываясь на него, увеличиваясь в размерах и ослепляя феерическим сверканием разросшихся солнц, среди которых неизменно возникало пятнышко чернильного мрака величиной с мячик для гольфа. Потом все это вдруг исчезало, и перед глазами внезапно вставали серые плиты, которыми были вымощены внутренние дворики и плацы форта Стеллар.

Пустота…

Восемь лет сосущей жизненные силы пустоты, которая капля за каплей обрушивалась на него с монотонностью смены дня и ночи, вымывая из сознания все, что было в нем человеческого…

Люди за тридцать веков так и не сумели придумать ничего худшего, чем одиночное заключение. Цивилизованное правосудие отрицало смертную казнь. И оно лишало заключенных шанса добровольно принять смерть. Специальный браслет чутко следил за биоритмами, при помощи психотропных препаратов мгновенно подавляя даже саму мысль о самоубийстве. Человека приговаривали к одиночному заключению для того, чтобы он смог полностью прочувствовать собственную вину, измучиться так, чтобы ему претила сама мысль о преступлении закона… Даже в том случае, если он был невиновен…

На Луне-17 он потерял руку, а остатки души в нем убил форт Стеллар…

Все, чем он жил до той роковой операции, чем гордился и во что верил, — буквально все превратилось в прах, пепел, который цивилизованное правосудие положило на свою ладонь и сдуло с нее…

Единственным человеком, который не отвернулся от него, был лейтенант фон Риттер. Доминик сделал для него намного больше, чем то предполагали несколько совместных операций и десяток кружек пива в баре «Зевса». Он вытащил Клауса из тюрьмы, когда рухнула Конфедерация и в Галактике установился новый порядок. Больше того, он отправил его на

Эрлизу, в Центральный институт кибернетического протезирования, который был частью громадного комплекса реабилитации для людей, потерявших в результате травм и катастроф жизненно важные органы и части тела.

Клаус вздохнул и погасил очередной окурок. Единственное, чего не могли сделать в этом уникальном центре, так это имплантировать ему новую душу… а заодно и память. В свои пятьдесят лет он чувствовал себя стариком. Его прошлое безвозвратно погибло, а какое будущее могло быть в современном мире у покалеченного на войне пятидесятилетнего мужчины с протезированной рукой и пересекавшим пол-лица безобразным шрамом от осколочного ранения? К тому же запятнанного клеймом военного преступника?

Все, что он умел, — это хорошо и грамотно воевать, но он поклялся себе не предпринимать попыток реанимировать свою профессию. Прошлое тянулось за ним, как удушливый дымный шлейф… К тому же он был сыт по горло войной.

* * *

Мартину Стонски в жизни никогда не везло на женщин. Впрочем, терпение фортуны относительно этого типа, похоже, закончилось еще при его рождении. Как бы иначе он попал в космические ассенизаторы и, как следствие, вляпался в эту передрягу?

В данный момент Мартин был занят тем, что осматривал все помещения по левой стороне кольцевого коридора. Хоули проделывал то же самое, но только справа

Толкнув в сторону незапертую дверь одного из складов, он вошел внутрь и в буквальном смысле слова оторопел.

Огромный ангар, который должны были перекрывать от пола до потолка разделенные на отсеки грузовые стеллажи, был переоборудован в некое подобие криогенного зала. Нужно сказать, что, несмотря на тысячелетия развития космических технологий, каждое помещение любого корабля имеет свои характерные функциональные черты, неважно, находится оно на фешенебельном межпланетном лайнере или же на убогом внутрисистемном грузовом лихтере. И человеку, постоянно имеющему дело с такими конструкциями, достаточно одного взгляда, чтобы определить назначение того отсека корабля, куда он попал.

Мартин сделал глубокий судорожный вдох и попятился назад. Его здорово испугала обстановка бывшего склада. Ровные ряды подсвеченных изнутри камер низкотемпературного сна начинались почти от самого входа.

«Не меньше сотни штук», — промелькнула в его голове паническая мысль.

Конечно, он не мог видеть, что девяносто процентов камер пусты. Липкий отвратительный страх сжал его сердце в маленький ледяной комочек. От этого помещения веяло чем-то страшным. Почти над самой головой, в двух метрах от подсвеченных мертвенным светом колпаков, тянулись совершенно неэстетичные, грубо сработанные трубопроводы. Толстые связки силовых и оптико-волоконных кабелей свисали в промежутках между трубами; на полу в проходах стояли покрытые корочкой льда лужи. Где-то звонко и отчетливо капала на пол какая-то жидкость.

Пятясь, он споткнулся о постамент ближайшей ко входу криогенной камеры и, взмахнув руками, уцепился за покрытый инеем колпак. Пальцы скользнули по гладкой поверхности, сдирая тонкий налет конденсата. Мартин устоял на ногах и повернулся, чтобы выскочить отсюда, но тут его взгляд зацепился за прозрачную полосу, протертую им на поверхности колпака.

Внутри лежала обнаженная женщина.

— Джон… — умоляюще просипел в коммуникатор совершенно ошалевший от страха и любопытства Мартин, чувствуя, что не в силах отвести взгляд от открывшегося перед ним видения.

Его рука медленно приблизилась к заиндевевшему колпаку, и дрожащие пальцы смахнули голубую поросль инея с его поверхности.

Нет, скорее это была девушка… Мартин внезапно почувствовал себя неловко, словно он специально приперся сюда с какими-то грязными помыслами… Чушь собачья! Он отступил на шаг, но видение завораживало все сильнее, заставляя взгляд скользить по контурам стройной фигуры, поднимаясь все выше, от бледных, покрытых синеватой кожей бедер к груди и дальше по тонким прожилкам сосудов на шее к овалу лица, обрамленному прядями длинных русых волос. Серые глаза девушки были широко открыты, и на ресницах застыли капельки желтоватой охлаждающей жидкости. Ее лицо поражало какой-то особенной, потусторонней красотой, хотя на первый взгляд в нем не было ничего необычного…

— Мартин, фрайг тебя побери, куда ты запропастился? — раздался в коммуникаторе голос Хоули, появившегося на пороге зала.

От неожиданности Стонски прошиб ледяной пот. Он едва устоял на подкосившихся ногах.

— Джон, посмотри сюда… — только и сумел выдавить он. Хоули сделал шаг вперед, заглянул в камеру и невнятно выругался.

— Этого нам еще не хватало, — придя в себя, добавил он.

— Что будем делать? — спросил Мартин, присев на корточки. Джон оглядел мрачную обстановку переоборудованного склада и опять выругался.

Вот уж влипли так влипли…

— Не знаю, — честно признался он. — Я прошел по указателям, но бесполезно. Ходовая рубка закрыта. Там такая плита вместо люка, что впору долбить из аннигиляторов.

— Слушай, а может, нас уже хватились? — с надеждой спросил Мартин.

— Что ты ноешь? — не выдержал Джон. — Ты лучше думай, что мы будем делать вот с этим! — Он указал на криогенную камеру и сделал шаг в глубь помещения. — И с этим… — оторопело добавил он, смахнув налет инея со следующего колпака.

Мартин сделал быстрый шаг вперед и заглянул через плечо напарника.

Ему вдруг сделалось худо от дурного предчувствия. Они с Джоном влипли в какую-то совершенно дерьмовую историю, потому что во второй камере лежала та же самая молодая женщина. Они были похожи как две капли воды. Или как две сошедшие с одного конвейера куклы.

В третьей камере лежала третья…

— Пойдем отсюда, — умоляюще проговорил он, повернулся ко входу и оцепенел.

В дверях зала стояла четвертая…

Разница заключалась лишь в том, что она была одета в серую, облегающую тело робу и кожа ее лица имела вполне здоровый цвет. Над плечами этого видения парили два шара размером с футбольные мячи. Один из них был кожистым и постоянно покачивался, словно что-то зудело у него внутри, не давая висеть спокойно, второй же, наоборот, был абсолютно неподвижен. Внутри неподвижного шара монотонно вспыхивал, просвечивая через полупрозрачную оболочку, странный текучий огонь.

В руках она сжимала «ФЛАУ-4» — импульсную винтовку с реактивным подствольным гранатометом, очень древнее, почти что ископаемое оружие.

Мартин почувствовал, что еще немного, и он сойдет с ума. Холодный немигающий взгляд незнакомки, казалось, проникал в самую душу, замораживая даже мысли…

Внезапно искусственный шар, зависший над ее правым плечом, полыхнул короткой ослепительной вспышкой, и сгусток света,

отделившись от него, самым невероятным образом проплыл по воздуху и влился в обрезанный торец оптико-волоконного кабеля, торчавшего из постамента криогенной камеры, расположенной во втором ряду, по правую руку от Мартина. Колпак низкотемпературной усыпальницы поднялся, издав почти что нежный шипящий звук.

Камера была пуста.

«Снимай скафандр и ложись». — Ровный, лишенный всяких интонаций голос возник в голове Мартина.

Он хотел закричать, броситься прочь, но не смог сделать ничего. Его руки помимо воли поднялись вверх и коснулись замков забрала. Еще секунда, и ледяной воздух помещения, ворвавшись под разгерметизированный гермошлем, обжег легкие Мартина.

Джон, шокированный неожиданным поворотом событий, не слышал никаких голосов. Он просто стоял в проходе, оцепенев от неожиданности, пока не увидел, как его напарник вдруг поднял руки и отстегнул свой шлем.

— Мартин! Идиот, что ты делаешь! — Джон рванулся вперед, чтобы удержать Стонски от безумного поступка, но стоявшая в проеме двери бледная незнакомка выразительно вскинула оружие, заставив его не просто остановиться, а попятиться назад.

— Не двигайся, — проговорила она. — Твой товарищ ляжет в камеру и останется здесь. Как гарантия твоего благоразумного поведения.

Это было сказано так просто и ясно, что Джон ни на секунду не усомнился в смысле услышанного. Мартин остается здесь в качестве заложника… а он?

— Что вам от меня нужно? — хрипло выдавил Хоули, не узнавая собственного голоса.

— Посадочные коды космодрома Эрлизы. Ты поведешь на посадку этот корабль.

Джон нервно хохотнул.

Рядом с ним Мартин Стонски с блаженной улыбкой полуидиота стягивал с себя нижнее белье.

— Ты что, девочка? Рехнулась? — Джон поднял голову и посмотрел на пленившую его сумасшедшую. — Да это корыто не протянет и мили в атмосфере, с такой-то пробоиной в борту! Ну уж нет… — развел он руками, — может быть, я и неудачник по жизни, но никак не камикадзе!

Незнакомка смерила его пристальным взглядом, в котором было больше презрительного любопытства, чем злости.

— Кейтлин, — внезапно произнесла она. — Меня зовут Кейтлин, а не «девочка».

— Ну хорошо, Кейтлин, я понял… Но…

— Прекрати! — отрезала она. — Ты напрасно тянешь время. — Она на секунду закрыла глаза, при этом шар, висевший над ее правым плечом, вспыхнул неистовым светом. Его кожистый аналог, секунду назад занимавший позицию над левым плечом девушки, резво отскочил в сторону и, жалобно попискивая, схоронился за выступ пульта управления. Очевидно, он, как и Джон, не любил яркого света.

Кейтлин открыла глаза.

— Аэродинамические свойства корпуса корабля нарушены, — тоном, не допускающим возражений, произнесла она, — но не настолько, чтобы посадка была невозможной. Если ты строго выдержишь указанный мною курс, все пройдет благополучно — я просчитала.

— Что ты сделала? — с недоверием переспросил Джон. Он был так шокирован событиями, что на секунду забыл о том, что пребывает в положении пленника.

Холодный ствол «ФЛАУ» — винтовки, упершийся в его скулу, послужил напоминанием об этом.

— Я просчитала предел прочности обшивки и несущих конструкций корабля с учетом максимального для Эрлизы ветра и скорости вхождения в атмосферу.

— А это можно сделать в уме? — искренне удивился Джон. Всю свою жизнь он страдал от того, что не умел вовремя остановиться.

Проклятый полупрозрачный шар вновь неистово вспыхнул, и Хоули получил такой заряд мгновенной головной боли, что едва не потерял сознание.

— Много разговариваешь, — равнодушно прокомментировала действия шара Кейтлин.

Джон медленно разжал пальцы, которые непроизвольно впились в мягкие подлокотники пилотского кресла, и повернулся к пульту управления.

— Нас собьют, — обреченно изрек он.

Вместо ответа Кейтлин нажала несколько клавиш на пульте управления.

Заработали обзорный экран и несколько секций приборных панелей.

Джон вздохнул и взялся за астронавигационные рули, в которые были вмонтированы гашетки включения двигателей.

«Просто бред какой-то», — подумал он, одной рукой пробуя запуск ускорителей, а другой включив внешнюю связь.

Ствол импульсной винтовки переместился к его затылку. В остальном

все осталось по-прежнему, только кожистый шар, прятавшийся за пультом, с легкостью мыльного пузыря воспарил вверх, почти под самый потолок рубки управления, откуда с интересом наблюдал за происходящим.

Джон не был уверен, есть ли у этого существа глаза, но в том, что оно живое, в отличие от светящегося сферического монстра, он был уверен вполне.

Сухо щелкнули динамики интеркома, и на одном из экранов появилось перекошенное лицо Мартина. Не того, что лежал сейчас в уютной камере криогенного сна, покрытый толстым слоем инея, а оператора базы слежения.

— Джон! — воскликнул он, получив позывной и изображение. — Чтоб на тебя нагадило стадо Шиистов! Где вы шлялись? Почему уже полчаса нет связи?

— Были проблемы, — хмуро доложил Джон, решив не рисковать, чтобы не получить очередного разряда головной боли. Все-таки он очень сильно любил эту поганую жизнь, просто раньше у него как-то не было повода, чтобы задуматься над подобным вопросом.

— Я на борту транспорта… — сообщил он. — Это корыто обитаемо. Здесь пара искателей приключений с Канопуса, муж и жена. У них случились неполадки с системой рециркуляции воздуха. Рванул один из танков со сжиженным кислородом.

— А где они сами? — поинтересовался оператор.

— Во время взрыва мужчина пострадал, — уверенно сообщил Джон. Он и не подозревал, что может так вдохновенно врать. — Он в бортовом лазарете. Жена сейчас с ним. Меня уполномочили переговорить с базой слежения.

— И что они хотят?

— Как что? — делано возмутился Джон. Его явно вдохновлял приставленный к затылку ствол. — Тут раненый и серьезная пробоина. Они просят разрешения на вход в систему для ремонта корабля и оказания медицинской помощи.

— А где Мартин?

— В лазарете, помогает женщине. Слушай, кончай меня мурыжить. Свяжись с начальством!

— Хорошо, хорошо… Ты сам поведешь это корыто? — забеспокоился оператор. — Оно вообще в состоянии передвигаться?

У Джона отлегло от сердца. Поверил… Спина Хоули была мокрой и липкой от пота.

— До орбитальных ремонтных доков дотянет, не беспокойся…

Кстати, эта парочка готова на вознаграждение за оказанную им помощь. Сечешь9

Глаза оператора потеплели.

— Ладно, можешь запускать движки. Думаю, что проблем с разрешением на вход в систему не будет. Следуй к Эрлизе, я сейчас передам тебе параметры свободного коридора для подлета к парковочной орбите возле доков. До связи.

— До связи… — машинально ответил Джон, вытирая ладони. Экран погас.

«Что-то будет дальше?» — тоскливо подумал он.

* * *

Эрлиза, вторая планета звезды Онтарио, была бы второсортным окраинным миром с убогой аграрной экономикой, если бы не одно весьма весомое обстоятельство — здесь располагался Центр биокибернетических технологий.

Когда-то, лет пятьдесят назад, когда историческое противостояние Окраины и Конфедерации еще только начиналось, Эрлизу избрали именно за ее заштатность и второсортность. Ничем не примечательный, убогий мир. Тут было слишком жаркое солнце, скудная природа и минимум ископаемых. Но именно тут благополучно процветал под видом Центра реабилитации инвалидов один из самых мощных, ориентированный на войну и нужды армии, засекреченный Институт биокибернетической инженерии.

Центр имел все — лаборатории, полигоны, свои производственные мощности и цеха клонирования. Союз Окраины готовился к серьезной затяжной войне, которой, к счастью, не суждено было вспыхнуть.

Прошли годы, Конфедерация мирно рухнула, Центр частично рассекретили. Здесь действительно стали оперировать инвалидов, но основные производства не исчезли — они оказались либо законсервированы, либо работали с минимальной нагрузкой, обеспечивая потребности отделения реабилитации.

Эрлиза, несмотря на спад напряженности в галактической политике, по-прежнему оставалась очень хорошо защищена системами орбитальной обороны и присутствием Третьей ударной эскадры космофлота Окраины. Неважно, что пять кораблей боевого формирования базировались на поверхности планеты в сухих доках, — один из них, готовый к немедленному старту, всегда находился на боевом дежурстве.

В этом месяце такое дежурство нес фрегат «Светоч».

Однако, как это обычно бывает, годы мира изрядно повлияли на общий уровень подготовки такого рода формирований. Как ни странно, но космофлот всегда страдает больше других соединений. Наземное базирование — это далеко не лучший способ поддерживать форму, но содержание кораблей хотя бы на орбите требует баснословных затрат. Поэтому их опустили под покров атмосферы, позволив тем самым их экипажам понемногу разлагаться, обрастать семьями и тратить солидное жалованье…

Термин «боевое дежурство» подразумевал, что на борту фрегата должны находиться один вахтенный офицер, один пилот, один навигатор, взвод охраны и экипажи трех космических истребителей в полном составе.

Этим утром на борту «Светоча» оказались всего двое. Это был офицер-интендант, пересчитывающий поступившие кофры с довольствием для экипажа, и техник-моторист, уныло ковыряющий какой-то агрегат у опущенного на землю главного трапа.

По устоявшейся традиции все офицеры, которые были обязаны присутствовать в этот момент на корабле, сидели дома. Действительно, зачем целые сутки сидеть взаперти в тесных боевых отсеках, когда от комфортабельных казарм до корабля буквально рукой подать — каких-то там семьсот метров. Ну а нагрянь внезапная проверка, то все, кому положено, узнали бы об этом заранее от своих коллег по службе орбитальной безопасности.

Такая идиллия имела место уже на протяжении двух стандартных галактических лет и продолжалась бы еще долго, не свались на голову военных этот злополучный транспорт — современник эпохи Слепых Прыжков, да еще и с огромной пробоиной в борту.

Собственно говоря, такого поворота событий на Эрлизе не ожидал никто — до планет сколлапсировавшей Конфедерации были десятки световых лет, а ближайшими и самыми злостными врагами экипажей уже на протяжении нескольких лет оставались скука и алкоголь местного производства.

* * *

…Все началось ранним погожим утром.

Лейтенант интендантской службы Загомир Стылов пересчитывал опечатанные ящики с боекомплектами для истребителей, когда услышал отдаленный надсадный гул. Он оторвался от своего занятия и повертел головой, отчего его дымчатые солнцезащитные очки сползли на кончик носа. Не увидев в небесах Эрлизы ничего примечательного, он почесал

переносицу, поправил очки и вновь уставился на цифры электронной декларации, светившейся на крошечном мониторе кибернетического погрузочного механизма. Ему предстояла утомительная процедура замены части бортового боекомплекта, и он хотел поскорее разделаться с этой рутинной работой.

С ослепительных, сияющих утренней голубизной небес к опаленной солнцем земле падала маленькая темная точка, окруженная странным мерцающим ореолом. Если бы лейтенант Стылов не был так занят, он мог бы заметить, что траектория пологого снижения этой самой точки ведет прямо в окрестности «Светоча».

Когда он это понял, было уже слишком поздно — корабль, обрушившийся с небес, шел в режиме активного торможения, испуская перед собой шквальный раскаленный ветер, который неистово. Ударил в стены близстоящих зданий, начисто выбив армированные стекла, и, вихрясь мутными от пыли смерчами, рванул дальше, подметая ровные посадочные поля.

Этим первым порывом лейтенанту обожгло легкие и швырнуло его на землю. Совершенно не понимая, что произошло, Стылов пролетел несколько метров и врезался головой в грузовой пандус.

Вокруг творилось что-то несусветное. Очумевший от удара и раскаленной воздушной волны лейтенант в запале вскочил на ноги, дико озираясь. Раздавленные солнцезащитные очки валялись у него под ногами.

С неба накатывался оглушительный грохот. Загомир инстинктивно пригнулся не столько от ветра, который уже пошел на убыль, сколько от неподдельного, пробравшего его до самых костей ужаса.

Огромная тень уродливого грузового корабля стремительно накатывалась на посадочную площадку «Светоча». Только в эти краткие секунды обезумевший от внезапности, грохота и раскаленного воздуха лейтенант понял, что растянутые в вечность предсмертные мгновения — это отнюдь не расхожая фраза, придуманная бравыми компехами для похвальбы за стойкой бара.

Словно вспышка озарения, в пустой от ужаса голове мелькнула мысль о том, что сейчас произойдет столкновение, которое превратит «Светоч» в эпицентр нешуточного взрыва… Сознание лейтенанта требовало, чтобы он бежал, полз, делал хоть что-нибудь, чтобы спастись, но подкосившиеся ноги словно приросли к бетонному покрытию площадки. Он медленно падал на колени, не в силах оторвать глаз от жуткого видения, что неслось прямо на него с ослепительных небес…

Словно в замедленной съемке, он видел, как рвутся из-под плоского

брюха корабля плазменные струи, бьющие из дюз планетарных двигателей. Транспорт покачивало, креня на один борт, в котором зияла безобразная пробоина, и турбулентные струи, с грохотом вышибающие стекла в окнах домов, уносили прочь обугленные листы его обшивки, делая корабль похожим на раненую птицу, роняющую за собой покореженные черные перья…

Эта мысль была последней…

Очередной шквал вновь сбил лейтенанта с ног, закатив его бесчувственное тело под серебристый пандус…

* * *

Технику, ковырявшемуся в механизме подъемника главного шлюза, повезло больше — он досмотрел до конца это феерическое зрелище.

В отличие от лейтенанта Стылова, он не видел, как рушился с небес транспортный корабль: главный шлюз находился в противоположной стороне от грузовых отсеков, и поэтому «Светоч» предохранил его от горячей ударной волны. Просто он услышал грохот и задрал голову в поисках источника звука, с тем чтобы, разинув рот, наблюдать, как ни с того ни с сего крыша близстоящего здания вдруг дрогнула и отделилась от коробки, задираясь безобразными стальными лохмотьями балок и роняя вокруг листы пластиковой черепицы.

Он даже толком не успел испугаться, как из-за куполообразного выступа ходовой рубки «Светоча» прямо над его головой вылетел страшный, обугленный и изуродованный космический корабль. Сильно заваливаясь на правый борт, истекая дымом от сгоревшей в атмосфере обшивки и роняя вниз клочья размягчившихся бронеплит, он чиркнул по рубке «Светоча», срезав несколько антенн, отчего громадный боевой корабль загудел, как потревоженный колокол…

Еще секунда, и изувеченный транспорт, в последний раз огрызнувшись плазмой, рухнул на стеклобетонное покрытие площадки. От удара родился не грохот, а какой-то душераздирающий скрип — это агонизировал перегруженный металл. Корабль развернуло боком и поволокло вперед; выбивая искры, он вспахал сотню метров стеклобетона и, качнувшись, застыл, завалившись на бок.

Однако это была не самая впечатляющая часть развернувшегося этим злополучным утром действа.

Не успел ошалевший от неожиданности техник поставить на место отвисшую челюсть, как в обугленной обшивке транспорта со скрежетом распахнулось несколько люков, и из их темных провалов на раскаленный

стеклобетон словно горох посыпались люди, облаченные в боевые скафандры какого-то диковинного образца.

Над плечом каждого из них висел сияющий шарик размером с футбольный мяч, но эта деталь уже не могла взволновать и без того в несколько секунд доведенного до состояния полного шока техника.

Он понял одно — на Эрлизу напали.

Выронив испачканный маслом разводной ключ, он медленно поднял руки, непроизвольно пятясь по мере того, как к нему приближались эти странные, закованные в скорлупу брони фигуры…

* * *

Когда раздался приглушенный расстоянием грохот, Клаус лежал в диагностическом кресле, крепко спеленутый ремнями. Его правая рука от локтя до кончиков пальцев представляла собой сложную систему сервомоторов, приводов и прочнейших кабелей толщиной несколько миллиметров.

Сегодня ему должны были сделать первую операцию по наращиванию живой плоти на оболочку протеза. До этого в течение периода адаптации он несколько месяцев привыкал к своей искусственной конечности, пока соединенные с его нервными окончаниями сервы не начали слушаться приказов центральной нервной системы так, словно они были настоящими, живыми мускулами. Теперь оставался «последний штрих», как выражался его лечащий врач, — завуалировать все это механическое безобразие, покрыв протез оболочкой из настоящей плоти…

Этого момента Клаус ждал два года. Нельзя сказать, что его пребывание на Эрлизе было приятным, скорее наоборот — он терпел этот забытый богом и людьми, чересчур примитивный и жаркий мир только ради того, чтобы вновь обрести физическую полноценность. Ради этого он вкалывал на единственной шахте планеты, потому что счета за протезирование быстро исчерпали дружескую помощь, предоставленную Домиником, и ему в последнее время приходилось самому сводить концы с концами.

Лежа в жестких объятиях диагностического кресла, Клаус с удовольствием думал о том, что вскоре все это должно закончиться. Он собирался добыть немного денег и рвануть отсюда куда-нибудь поближе к Центру.

Далекий гул прервал его мысли. Поначалу он не придал ему значения, как и большинство людей на Эрлизе, но, когда тонко задребезжали сталепластиковые стекла кабинета предоперационной диагностики, он

невольно приподнялся на локте, насколько это позволили фиксирующие ремни, и выглянул поверх блоков аппаратуры.

Далеко на юге в ослепительные лазурные небеса поднимался жирный столб черного дыма. Прикинув расстояние, он понял: что-то взорвалось и горит в окрестностях военного космопорта.

Нужно сказать, что бывший капитан спецподразделения «Скарм» не питал особых симпатий к расквартированным на Эрлизе военным, месяц за месяцем наблюдая бардак и распущенность, процветавшие в этих так называемых «элитных космических формированиях». Откровенно говоря, в глубине души Клаус презирал их. Как профессионалу, ему было обидно видеть, как разлагается мощное воинское соединение.

«Наверное, у них опять что-то рвануло по пьяному недосмотру», — равнодушно подумал он, откидываясь назад, на жесткую, покрытую микродатчиками спинку кресла. Посмотрев на таймер одного из приборов, он прикрыл глаза. До окончания диагностики оставалось еще сорок минут…

О том, что его операция не состоится, он понял пятнадцать минут спустя, когда со стороны космопорта вдруг раздалось рассыпчатое стаккато стрельбы. Беспорядочная пальба, приглушенная расстоянием и толстым пластиковым стеклом, вырвала сознание Клауса из состояния томительной полудремы.

Он невольно напрягся, так, что световые индикаторы на части присоединенных к нему датчиков вдруг зашкалило, выбросив дорожки огоньков в красные зоны. Он скосил глаза на приборы. Резкий скачок артериального давления, выброс адреналина, всплеск кривых линий кардиограммы…

Стреляли из автоматического оружия очень старого образца — это он определил безошибочно, — современные импульсные винтовки издают лишь шипящий свист при работе затворов да отрывистые звонкие хлопки при попадании в цель разрывных снарядов… Остервенелый стрекот, сливающийся в басовитый гул, показался ему сродни далеким воспоминаниям, мгновенно вытащив из глубин его памяти те дни, когда он, семнадцатилетним кадетом, получил свое первое крещение кровью. Тогда он впервые услышал и навек запомнил, как оглушительно бьет «ФЛАУ-4». Клаус тряхнул головой, покосившись в сторону окна. Интуиция редко подводила его, и этот раскатистый звук шквального автоматического огня не внушил ему ровно никаких положительных эмоций…

Он опять приподнялся на локте и увидел, как со стороны космопорта ветер гонит рваные пласты черного дыма, сквозь которые отчетливо

пробивалось ослепительное зарево.

С такого расстояния было трудно различить какие-то детали, но и так было понятно, что на территории военного космопорта творится что-то несусветное.

Приглушенный расстоянием грохот стрельбы внезапно сошел на нет — так может отхлынуть обессилевшая, потерявшая энергию инерции волна, но на замену злым россыпям автоматных очередей внезапно пришло нечто более весомое и страшное…

В воздухе возник утробный низкочастотный гул, и спустя несколько мгновений у далекого горизонта из порванного ветром дымного кружева внезапно проступили обтекаемые контуры боевого фрегата «Светоч» — трехкилометрового бронированного ската, который, чуть накренясь, висел в полукилометре над землей, поливая окрестности залпами орудийных комплексов главного калибра.

В затянутые дымом небеса взлетали остатки зданий вперемешку с горящими машинами и частями конструкций порта.

Кто ни разу не был на войне, тот не может представить того холодного ужаса, что захлестывает солдата при виде подобной картины. Чудовищная мощь крейсера билась о землю, накатываясь на нее ослепительными валами настильной артподготовки. Это не было хирургическими точечными ударами по объектам — крейсер вел залповый поквадратный огонь, рассчитанный на полное уничтожение. Пресловутая тактика выжженной земли…

По всему комплексу отделения реабилитации гулко и протяжно взвыли сирены.

Клаус бессильно откинулся на спинку кресла. На расположенном среди приборов информационном экране злобно вспыхивала красная надпись:

«ТРЕВОГА. НАПАДЕНИЕ НА ПЛАНЕТУ. ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ И ПАЦИЕНТАМ СРОЧНО ПРОСЛЕДОВАТЬ В УБЕЖИЩА».

Это означало только одно — конец. Конец его планам на сегодняшнюю операцию, на скорый отлет с Эрлизы, на новую жизнь… на все…

Клаус постарался удержать проснувшуюся в нем злость и осторожно отсоединил покрывавшие тело провода.

Все рушилось, к вонючему зерангу под хвост, из-за того, что какой-то сволочи понадобилось именно сегодня ударить по Эрлизе…

«Что это? — с озлобленностью и тоской подумал он, стирая полотенцем со своего тела липкое желе, оставшееся в местах подключения датчиков. — Судьба или мое фатальное невезение?»

Натянув серую больничную робу, выданную ему взамен одежды при входе в хирургическое крыло здания, Клаус подошел к окну.

Прочное стекло тонко дребезжало. Впереди, там, где висел «Светоч», извергался вулкан огня и дыма. Внезапно из этого светопреставления вынырнул еще один хищный обтекаемый силуэт космического корабля. Клаус, которому уже давно приелись контуры запаркованных кораблей эскадры, мгновенно узнал малый крейсер «Ханновер».

В понятии рядового обывателя, на Эрлизе наступил конец света. Клаус же, глядя на дымную панораму бестолкового неуправляемого сражения, видел нечто другое…

Это был дерзкий, грамотно спланированный и блестяще исполненный налет. Третьей ударной эскадры космофлота Окраины уже не существовало — частично она была уничтожена, а те корабли, что уцелели в скоротечном бою, были захвачены. Теперь, пока в разрушенном космопорту вновь нарастал хаотичный вал бестолковой стрельбы, главные события стремительно перемещались сюда, к Центру биокибернетических технологий.

Только что появившийся на сцене крейсер «Ханновер» заложил плавный вираж и на двухкилометровой высоте устремился прямо к корпусам Центра реабилитации.

Описанные события уместились в очень короткий отрезок реального времени. Действия захваченных кораблей были точны и стремительны.

С высоты десятого этажа было отчетливо видно, как ожил окружающий здания Центра защитный периметр.

Клаус знал, что произойдет с минуты на минуту. Он пригнулся, присев за выступ подоконника, и попытался унять участившееся дыхание. Теперь уже было совершенно очевидно, что целью неведомых налетчиков являлся именно Центр, а не космопорт, который был лишь промежуточным звеном атаки… Больше на Эрлизе не было ничего достойного внимания, да и курс приближающегося к зданиям корабля не вызывал сомнений.

Клаус вдруг почувствовал, как гулко бьется его сердце и ломится в виски кровь… За эти злополучные десять лет он совершенно потерял форму. Ни его тело, ни разум не поспевали за стремительной сменой событий. Несколько секунд он чувствовал себя, как выброшенная на берег рыба…

Нет, это не моя война… — попытался успокоиться он. Пусть Эрлиза

катится ко всем Шиистам космоса, как и эти свихнувшиеся захватчики. Он отвоевал свое и не собирался еще раз вставать между группой сбрендивших террористов и остальным белым светом. В последний раз он заплатил слишком высокую цену…

В том, что это не межпланетный конфликт, Клаус был уверен. Союз Окраины не допустил бы усиления какой-то одной планеты и развития у нее космического флота, способного прорвать орбитальную оборону одной из своих планет. Нет, это было абсолютно исключено. Скорее какая-то группа космических каперов или других отщепенцев, которыми буквально кишели некоторые пограничные миры, пронюхала о царящем на Эрлизе разгильдяйстве и решила поживиться за счет космофлота. А заодно и ограбить Центр биокибернетических технологий…

Эта мысль заставила Клауса усмехнуться. Если удар по космопорту был таким внезапным, что в руки налетчиков попали два боевых корабля из пяти, то им можно было только поаплодировать за тот способ, который они придумали, чтобы легально просочиться через орбитальные кордоны. А вот атака Центра была очень глупым шагом с их стороны. Этот комплекс изначально планировался как охраняемый военный объект, и покатые бронированные башни его защитного периметра были отнюдь не игрушечными… Клаус приподнял голову и выглянул поверх подоконника, ожидая развития событий.

— Сэр! — раздался за его спиной чей-то взволнованный голос. — Что вы делаете? Не высовывайтесь!

Он обернулся и увидел молодого мужчину в белоснежной униформе сотрудника Центра, который уже был около покинутого им кресла и поспешно отсоединял аппаратуру, вытаскивая из чрева компьютеров крохотные голографические диски.

— Советую вам пригнуться! — резко ответил Клаус. Вид человека, в полный рост расхаживающего мимо окна, сильно его нервировал. — Снаружи сейчас будет жарко!

Молодой парень, не обратив внимания на его слова, продолжал торопливо извлекать диски.

«Ханновер» приближался. Он почти бесшумно скользил по воздуху, используя антигравитационный привод, и очень немногие на несчастной планете знали, как страшна и обманчива эта тишина…

Клаус завороженно наблюдал, как резко повернулись вокруг своей оси покатые башни защитного периметра. Легкое шипение ионизированного воздуха обозначило путь нескольких ослепительных лазерных лучей, и носовой дефлектор малого крейсера вспыхнул пульсирующим лиловым

светом, отражая удар.

Клаус понял — сейчас последует ответ с «Ханновера».

— Ложись! — резко вскрикнул он.

Молодой человек лишь усмехнулся, продолжая свою работу. Возможно, он просто не знал, что такое война. Покончив с деактивацией последнего прибора, он натянуто улыбнулся, наверное, рассчитывая успокоить этого странного пациента.

— Ничего страшного, — проговорил он, — наша система охраны отразит любой удар, но нам с вами нужно поторопиться, потому что двери убежища будут закрыты через пару…

Оглушительный грохот не дал ему закончить фразу.

«Ханновер» вышел на дистанцию атаки.

Клаус опоздал на несколько секунд. Он хотел сбить молодого упрямца на пол, но орудийные комплексы крейсера упредили его прыжок.

Первый залп был направлен поверх башен защитного периметра и предназначался двум приземистым командным пунктам, покатые крыши которых граничили с колоннами цокольного этажа Центра.

Клаус не раз попадал под артиллерийский огонь, но этот залп превзошел весь его прошлый опыт. Тугая волна рвущих барабанные перепонки разрывов прокатилась по комплексу, заставив дрожать и вибрировать каждый предмет, неподалеку раздался тяжкий, сводящий с ума грохот, и взрывная волна хлестнула по фасадам зданий…

Толстое бронестекло окна вдруг вспучилось и взорвалось серебристой метелью острых осколков, которые вихрем пронеслись по тесному кабинету, изувечив кресло, аппаратуру и стены.

Клаус мягко приземлился на пол. Он сам не осознавал, что начал действовать совершенно машинально.

Парень сидел на полу, там, где его застал взрыв. По его посеревшему лицу струилась кровь.

— Живой?

Тот заставил себя отнять руку от порезов на лице. Его губы мелко дрожали.

— Бегом вниз, к убежищу! — не терпящим возражений тоном приказал ему Клаус.

— А… А вы?

— За меня не беспокойся, — криво усмехнулся он и, пригнувшись, вернулся к выбитому окну. — Я больше не ваш пациент… — не сумев скрыть сожаления в голосе, добавил Клаус, осторожно выглядывая наружу.

«Ханновер» продолжал атаковать.

Атмосферные маневры тяжелого космического корабля были похожи на замедленный танец воздушного акробата. Он почти остановился, зависнув в полукилометре от земли, и его огромная тень накрыла окрестные холмы, заслонив собой небо. Отражающие силовые щиты корабля яростно мерцали, поглощая энергию лазерных залпов. Ослепительные росчерки когерентного света летели в него со всех сторон — это работали автоматические турели периметра.

Кем бы ни были захватившие крейсер люди, но действовали они очень жестко, решительно и рискованно. Так, словно для них на карту было поставлено абсолютно все…

Коротко рявкнули ракетные комплексы, и десяток огненных трасс рванулся к земле, словно указующие персты гиганта. С такой убийственно короткой дистанции все они легли в цель — противоракетные системы просто не успели отреагировать на этот залп…

Десять нижних этажей Центра мгновенно превратились в жерло извергающегося вулкана. В пораженные грохотом небеса взметнулись тонны выброшенной взрывом земли вперемешку с обломками бункеров, покореженными конструкциями и изувеченными механизмами. Весь комплекс зданий содрогнулся, словно по его стенам пробежала судорога, и ударная волна, выбив остатки стекол и снеся крышу, вернулась назад, ударив в породивший ее крейсер.

Корабль, висящий на тяге антигравов, закрутило, словно попавшую в водоворот щепку. Несколько секунд он боролся, беспорядочно выбрасывая длинные столбы плазмы из корректирующих дюз, а потом, круто накренясь и вращаясь вокруг своей оси, сорвался в короткий штопор.

Земля содрогнулась, когда «Ханновер» обрушился на постройки защитного периметра, раскололся на куски и взорвался.

Клаус оцепенел… Такого презрения к собственной жизни не было даже у фанатичных воинов Звездного Халифата в период Ганианскихвойн…

Он не знал, что на борту «Ханновера» не было ни души. В момент гибели крейсера посреди его ходовой рубки висел ослепительный сгусток живого света, который, собственно, и управлял кораблем. Созданный человеческими руками корабль погиб, превратив способный выдержать любую наземную атаку охранный периметр Центра в груду дымящихся развалин.

Путь для «Светоча» был открыт.

Черная точка уже показалась у горизонта и стремительно приближалась к комплексу лишившихся своей защиты зданий.

* * *

Похоже, что в этот злополучный день Джон Хоули переживал невольный пик своей карьеры пилота.

Он сидел в командирском кресле космического фрегата «Светоч». Рядом висел сияющий всеми цветами радуги шар. Кейтлин нигде не было видно с того самого момента, как она приволокла его в рубку и бросила тут наедине с тремя шарами и огромным пультом управления боевого космического корабля, которого Джон боялся едва ли не до тошноты. В свое время он достаточно наслушался рассказов о том, как глупые самоуверенные террористы пытались угнать намного более скромные боевые машины. Каждый раз на его памяти все оканчивалось плачевно.

«Вот уж никогда не думал, что сам окажусь замешан в таком же дерьме», — обреченно подумал он.

Сотни боевых постов на десятке палуб требовали вводить им соответствующие коды управления, чтобы они могли действовать в автоматическом режиме. В противном случае каждая автономная система грозила поднять тревогу и самоликвидироваться, уничтожив все доступные ей файлы в течение десяти секунд…

Вот опять… После активации первой орудийной башни крейсера на информационном экране перед его креслом вспыхнула очередная злобная надпись: «Требуется ввести командный код».

Джон уже не нервничал. Обыкновенные человеческие переживания вдруг превратились в частицу прошлого. Он просто выполнял команды светящегося шара, со страхом ожидая, что с минуты на минуту огромный корабль начнет на его глазах превращаться из грозной машины в обыкновенного электронного дебила, запустившего реакцию неуправляемого термоядерного синтеза…

По спине Хоули бегали мурашки, пока он наблюдал, как на мониторе секунда за секундой мелькают цифры обратного отсчета.

Код управления орудийной башней вспыхнул в его мозгу метровыми огненными символами, когда оставалось всего четыре секунды.

Лихорадочно выстучав на клавиатуре пятизначный номер, Джон искоса посмотрел на один из светящихся шаров. Тот как ни в чем не бывало висел в полуметре над его правым плечом, испуская тонкие направленные лучи текучего света, «вливая» их в огрызки оптико-волоконных кабелей компьютерной системы управления «Светоча». Каким образом этот сгусток света добывал командные коды управления, для Джона оставалось полнейшей загадкой, но факт был налицо — набитый кристаллами

футбольный мяч работал на порядок быстрее, чем центральный процессор боевого фрегата.

Пока Джон вытирал пот со лба, на мониторе командного терминала одно за другим открылись несколько экранных окон.

«ОРУДИЙНАЯ ПАЛУБА АКТИВИРОВАНА».

«ОРУДИЙНО-РАКЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ „ПРАЙД“, ПОРЯДКОВЫЕ НОМЕРА 1–10 К СТРЕЛЬБЕ ГОТОВЫ».

«ХОЛОДНАЯ АНТИГРАВИТАЦИОННАЯ ТЯГА ВКЛЮЧЕНА. ЖДУЩИЙ АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ. ВЫСОТА ПАРЕНИЯ — 500 МЕТРОВ. ВРЕМЯ РАБОТЫ — МИНУС ДЕСЯТЬ СЕКУНД».

«НОВЫЕ ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ СКАНИРОВАНЫ С КЛАВИАТУРЫ КОМАНДНОГО ТЕРМИНАЛА И ЗАНЕСЕНЫ В ПОСТОЯННУЮ ПАМЯТЬ. ПОЛНЫЙ ДОСТУП РАЗРЕШЕН».

«ЗАПРОС НА УКАЗАНИЕ ЦЕЛЕЙ».

Из всего этого хаоса сообщений, навалившихся на полумертвого от усталости и пережитого стресса Джона, он понял только одно — корабль каким-то неведомым ему образом воспринял его как нового командира и готов принимать приказы с центрального терминала пульта.

Эти приказы не заставили себя долго ждать. Хоули не прикоснулся ни к одной из клавиш, а виртуальные кнопки на мониторе вдруг заплясали сами по себе, с невероятной скоростью прокручивая списки команд.

В результате через несколько секунд перед ним высветился довольно радикальный вариант дальнейших действий:

«Орудийным комплексам — беглый огонь по наземным целям. Радиус тотального поражения — пять километров. Режим огня — авто».

«ПРИНЯТО».

«Светоч» содрогнулся, обрушив на землю первые несколько тонн своего боекомплекта. Светящиеся шары летали по рубке управления, прыгая по воздуху от терминала к терминалу, словно им кто-то наподдавал пинков.

«ВОЗДУШНАЯ ЦЕЛЬ. ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ — МАЛЫЙ КРЕЙСЕР „ХАННОВЕР“. ЗАПРОС НА ПОРАЖЕНИЕ».

«Игнорировать».

«Холодная тяга — плюс две единицы».

«ПРИНЯТО».

«„ПРАЙД-2“, ОТСТРЕЛЯЛСЯ».

«Автоматическая смена боекомплекта».
«ПРИНЯТО».

От Джона требовалось одно — вовремя прикладывать пальцы к сканирующей пластине, подтверждая приказы. Он очень не хотел этого делать, но его рука двигалась сама по себе. Он управлял кораблем, а им самим управлял зависший над плечом футбольный мяч.

На обзорных экранах «Ханновер» вынырнул из клубов дыма и резко отвалил в сторону, направляясь к Центру биокибернетических технологий.

На душе у Джона было очень погано.

* * *

Клаус медленно пробирался по пустым полутемным коридорам Центра. Двигался он расчетливо — короткими перебежками от укрытия к укрытию, от одной бездействующей шахты лифта к другой, спускаясь все ниже и не встретив по дороге ни одной проблемы, хотя захватчики уже вошли в здание и прочесывали этажи, преследуя какие-то свои цели.

Дважды ему навстречу попадались рослые фигуры, закованные в испятнанную коричневато-зелеными разводами боевую броню, но оба раза он успешно избегал нежелательного контакта с противником. Дело в том, что Клаус совершенно не был расположен геройствовать — прошли те сумбурные годы, когда он очертя голову бросался в любую заваруху.

Конечно, ему было любопытно. Странно было видеть эту угловатую, не способную к мимикрии броню, допотопные, но весьма эффективные «ФЛАУ-4» и еще кучу всяких странностей, связанных с обликом и образом действий этих людей. Судя по тому, как запросто они пожертвовали «Ханновером», чтобы в считанные минуты сокрушить оборону Центра, им позарез было необходимо ворваться сюда, не считаясь с жертвами. Это обстоятельство весьма заинтриговало Клауса, но все же не настолько, чтобы подвигнуть его на глупые подвиги. В данный момент, пробираясь в серой мешковатой робе по полутемным коридорам, безоружный, он явно находился в разных весовых категориях с экипированными и вооруженными боевиками.

Завернув за угол очередного коридора, он наконец-то вышел в обширный холл первого этажа. Отсюда было рукой подать до входных дверей, за которыми была расположена парковочная площадка Центра, где в данный момент возвышалась обтекаемая громада «Светоча».

Клаус прижался к одной из колонн. До выхода наружу рукой подать, но он оценивал эти метры не с точки зрения расстояния. Ему не верилось,

что эти люди вошли в здание, не оставив на выходе боевого охранения.

Наконец он заметил за перевернутыми цветниками с вывороченными на пол и искромсанными выстрелами растениями какое-то движение и удовлетворенно вздохнул.

Ужом проскользнув меж колонн, он по широкой дуге обошел это место и присел за дымящимся, простреленным навылет игровым автоматом, установленным здесь для развлечения посетителей Центра. Протянув руку, он извлек из валявшегося рядом обугленного кресла толстый кусок арматуры и, зажав его в левой руке, изготовился к прыжку.

Он собирался снять часового и как можно незаметнее покинуть Центр. О том, как проскользнуть мимо сканеров «Светоча», он еще не думал — в данный момент это была проблема номер два…

За перевернутым цветником вновь раздался едва различимый шорох. Клаус чуть отставил руку с импровизированной заточкой и прыгнул по-кошачьи мягко, почти бесшумно.

Как он и ожидал, фигура в камуфлированном боевом костюме сидела, припав на одно колено, спиной к нему, больше контролируя вход в здание, чем собственный тыл. О том, что эти ребята — дилетанты, Клаус начал догадываться еще наверху, когда наткнулся на первый труп охранника, изрешеченный из импульсной винтовки. Такое грязное и, по его мнению, зверское устранение противника не могло быть делом рук профи.

Прыжок, похожий на удар серой молнии, все же оказался недостаточно быстр — сказывались проведенные без тренировок годы, — и часовой успел развернуться на звук, встретив Клауса прикладом импульсной винтовки. Он увернулся, потеряв на этом еще пару секунд. Тяжелый приклад прошел мимо, оцарапав висок Клаусу, и его противник, на котором было килограммов пятьдесят экипировки и брони, потерял равновесие, подставив под удар соединяющие шлем шейные кольца.

Все происходило молча, в полнейшей тишине. За кислородной маской Клаус не видел лица своего противника, лишь серые, со стальной поволокой глаза обожгли его из-за полупрозрачного забрала шлема, прежде чем металлический штырь с силой обрушился чуть ниже затылочной области часового, погнув пластины доспехов.

Колени часового подогнулись, и он, продолжая начатое движение, с громким стуком рухнул на пол лицом вниз.

Клаус пружинисто приземлился на ноги и несколько секунд стоял в напряженной позе, осматривая и прослушивая пространство вокруг себя.

Все было тихо, лишь откуда-то из недр комплекса доносились отголоски ожесточенной стрельбы.

Рывком перевернув обмякшее тело, он одним движением отстегнул замки забрала и сорвал гермошлем.

Человек, лицо которого теперь скрывал только дыхательный аппарат, был без сознания. Окажись на месте Клауса кто-то другой, не проходивший спецподготовку «скармов», его шансы с заточкой в руке против бронированного и вооруженного часового были бы равны нулю. Единственным уязвимым для удара местом были именно шейные кольца, причем только задняя их часть, где отдельные витки армированного сочленения связывал простой гермопластик. Такая конструкция позволяла человеку, надевшему броню, наклонять и поворачивать голову.

Отсоединив дыхательный аппарат, Клаус взглянул в лицо своего противника и невнятно выругался.

Часовым была хрупкая девушка едва ли двадцати лет от роду.

Ее заостренные черты лица покрывала смертельная бледность. Клаус осторожно приподнял ее голову, откинул волосы и тщательно прошелся пальцами по месту, куда пришелся удар стальной арматуры.

Убедившись, что шейные позвонки не сломаны, а следствием его атаки стал лишь обширный кровоподтек и глубокое беспамятство, он быстрыми точными движениями освободил девушку от боевого костюма, связал, стараясь не перетягивать, запястья и лодыжки и отволок ее в сторону, прислонив спиной к перевернутому цветнику.

— Отдохни, детка, — проговорил он, спешно натягивая на себя детали боевой экипировки.

Костюм оказался немного маловат, но, ослабив часть креплений, он почувствовал себя вполне сносно, даже уютно под приятным грузом керамлитовой брони.

Взяв в руки импульсную винтовку, Клаус бегло осмотрел ее, проверил счетчик зарядов и перевел оружие в режим одиночного огня. Оно было тяжелым, но зато имело электронный снайперский прицел, который оказался даже не расчехлен. Клаус сокрушенно покачал головой. Хотя каких боевых навыков можно было ждать от хрупкой двадцатилетней девчонки, которой еще и рожать-то рановато, не то что профессионально убивать.

Теперь, закамуфлированный под террориста, он имел вполне реальный шанс выскользнуть из здания.

Он сделал шаг по направлению к двери, и вдруг в его голове раздался четкий, лишенный каких-либо интонаций голос:

— Клон-4, стоять на месте!

Приказ, словно ледяной вал, прокатился по его нервной системе,

заставив окаменеть все мышцы. Он едва не рухнул на колени. Одновременно с волной нестерпимого холода в его сознании промелькнули страх, гнев и смутный отголосок какого-то далекого воспоминания, словно мгновенный приступ дежа вю…

Клаусу казалось, что он слышит скрип собственных мышц, когда, вопреки полученному столь необычным способом приказу, сделал еще один шаг по направлению к двери.

— Клон-4, повторяю приказ: стоять на месте!

Теперь этот голос не показался ему таким уж равнодушным. Нет, в нем ясно читалась какая-то нечеловеческая, потусторонняя злоба на низшее существо, ослушавшееся приказа…

На этот раз волна холода оказалась терпимее, а воспоминания четче.

…Мрачная подледная пещера на Луне-17. Клаус почувствовал, как несколько раз дернулась сведенная травматическим тиком изуродованная щека, словно по ней только что полоснуло горячим осколком.

Он сделал шаг вперед, невзирая на бьющийся в его мозгах голос.

«Не подходи!..»

Сияющая спираль, обрамленная раскрытыми лепестками кварцевого бутона… Звонкий выстрел подствольника Доминика фон Риттера и его перекошенное, испачканное кровью лицо…

Еще один шаг. Боль в голове взорвалась, как светотермическая граната, заставив Клауса рухнуть на колени, машинально схватившись за голову. В эти секунды ему хотелось выцарапать себе глаза, лишь бы добраться до пролитого в голове огня и выпустить его наружу…

— Клон-4, сбой базовой программы. Не двигаться. Повторная инициализация будет произведена через сорок секунд.

Этот проклятый голос, который он успел возненавидеть, едва услышав, вырвал его из страшных грез в не менее страшную реальность.

Что-то приближалось к нему из глубин Центра. Он чувствовал это движение каждой клеточкой своего организма. И одновременно он знал, когда должно случиться то непоправимое событие, которое навсегда превратит его в зомбированного идиота…

В голове Клауса медленно отсчитывал секунды чудовищный метроном. Он знал, что если подпустит эту неведомую тварь вплотную, то ему уже не поможет ни сила воли, ни тренированная психика. Его сломают, как сухую щепку.

Его спас протез. Живые мышцы отказывались служить своему хозяину, но послушным сервомоторам искусственной руки было достаточно его страстного желания. Механические сочленения дрогнули, и

цепкие блестящие пальцы задвигались на шарнирных опорах, обхватив приклад оброненной импульсной винтовки.

Медленно поднялся покрытый вздутиями электромагнитных катушек ствол и застыл на уровне глаз.

В глубинах полутемного коридора, ведущего от подземных лабораторий, показался плавно скользящий по воздуху переливающийся до боли знакомыми сгустками жидкого света небольшой и с виду совершенно безобидный шар.

Оружие было активировано, и электронный снайперский прицел расчехлен — Клаус проделал эти операции, совершенно не задумываясь, машинально, еще в тот момент, когда подобрал импульсную винтовку с пола. Теперь эти мелочи, давно ставшие его жизненными привычками, в очередной раз спасли ему жизнь.

Перекрестье электронного прицела чуть качнулось, поймав цель в свою паутину, и механический палец плавно потянул спуск.

Клаусу показалось, что вокруг разлетелась вдребезги вся Вселенная, и неизвестно, что больше оглушило его — непривычный грохот выстрела древнего оружия или предсмертный мнемонический вопль распавшегося на ослепительные брызги шара, но, так или иначе, спустя мгновение он вдруг понял, что жив и волен управлять собственным телом.

Клаус рывком встал на одно колено, стараясь не поддаваться звенящей пустоте, что настойчиво пыталась вернуть его назад, на пол… Судорожно сглотнул, чувствуя во рту противный железистый привкус…

Как будто вернулись те старые, но не очень добрые времена его зрелости, когда линия жизни была лишь нитью, натянутой меж двух бездонных пропастей — безумия и физической смерти. Солдату, из боя уходящему в бой, обычно не дается третьего пути, и Клаус знал это как никто другой. Знал, но забыл. Или хотел забыть — сейчас для него не было никакой разницы в оценках своих прошлых поступков. Все вернулось на круги своя, и на эту планету, по иронии злой судьбы, пришел не просто абстрактный враг. Нет. Припав на одно колено на холодном мраморном полу холла, полуживой после дикой мнемонической атаки, Клаус ясно отдавал себе отчет, что на Эрлизу пришел *его враг*.

Неизвестно, на что он надеялся, когда встал и, слегка пошатываясь на нетвердых ногах, подошел к тому месту, где выстрел импульсной винтовки настиг сферическое светящееся образование.

То, что он увидел, послужило лишь подтверждением его страшной догадки.

На полу коридора валялись осколки полупрозрачной сферической

скорлупы, но не они приковали внимание Клауса. Чуть поодаль пластиковые плиты пола устилала россыпь серых потухших кристаллов…

Точно таких, какие он носил с собой все эти долгие десять лет…

— Ублюдок… — сорвалось с губ Клауса тяжелое, словно приготовленный для удара камень, слово. — Ты мне должен, скотина…

К кому обращены были эти слова, знали только он да еще Доминик фон Риттер. Больше после катастрофы на Луне-17 не выжил никто.

Глава 6. Побег

Борт тактического крейсера «Светоч». Глубокий космос. 3737 год Галактического календаря.

Лейтенант Стылов пришел в себя в полнейшей темноте. Последнее, что он помнил, был ослепительный свет, исходящий от обрушившегося с небес уродливого транспорта, да горячий шквальный ветер, сбивший его с ног и закативший под грузовой пандус, будто он был не восьмидесятикилограммовым мужиком, а кучей старого обветшалого тряпья.

Теперь он чувствовал, что лежит на холодном полу, ощущая кожей лица и ладонями рук его неприятную шероховатость.

Рядом, в кромешной тьме, возникли неясные звуки возни, и вдруг чуть хрипловатый голос спросил:

— Ты живой там?

Загомир судорожно сглотнул. Стыдно признаться, но так страшно ему не было ни разу в жизни. Тьма, обступившая его со всех сторон, пугала своей неопределенностью.

— Где я? — хриплым голосом задал он первый пришедший ему на ум вопрос.

— В грузовом трюме «Светоча», — ответил тот самый голос. — Отсек 13/32, если тебе это о чем-то говорит, — кисло добавил он.

Загомир тщетно пялился в темноту, пытаясь разглядеть хотя бы смутный контур фигуры своего собеседника. Однако окружающий мрак был слишком плотным. Зато он ощутил отчетливые характерные вибрации.

— Мы что, летим? — ошарашенно спросил он.

В звенящей темноте кто-то нервно хихикнул.

— Летим, господин лейтенант, — с издевкой произнес новый, но тем не менее смутно знакомый голос. — И еще как летим. Несемся сквозь гипер так, что тошно даже думать… Никак не меньше, чем десятый уровень погружения…

Загомир еще раз сглотнул стоявшую во рту горечь и сел.

— С кем я разговариваю?

Мрак опять ответил хихиканьем. Мерзким, нервным и глупым.

— Техник второго взвода космодромной службы обеспечения Игорь Светличный, — доложил мрак. — А рядом со мной два ассенизатора космического пространства Джон Хоули и Мартин Стонски… К вашим

услугам, сэр… — Последнее слово прозвучало как явная, неприкрытая издевка, но Загомиру сейчас было не до субординации…

— Может кто-нибудь объяснить, что случилось? — спросил он, поднявшись на четвереньки. Вытянув вперед обе руки, он некоторое время хватал ими пустоту, пока наконец не нашарил стену. Это принесло некоторое облегчение — привалившись спиной к твердой поверхности переборки, которая тоже мелко подрагивала, он почувствовал себя немного увереннее. Тошнота, так мучившая его минуту назад, вроде бы отступила, и его вестибулярный аппарат наконец-то определился с вопросом о пространственном положении тела.

— Случилось то, господин лейтенант, что непременно должно было произойти, — ответил на его последний вопрос голос аэротехника. — Гарнизон Эрлизы наконец-то облажался, — удовлетворенно констатировал он. — Вся эскадра разгромлена, «Светоч» захвачен, «Ханновер» погиб, остальные корабли расстреляны прямо в доках… — В голосе Игоря прозвучала ожесточенная обида. — А знаете, кто все это сделал? — спросил он.

— Ну? — угрюмо осведомился Стылов.

— Десять юных привлекательных леди…

Несколько долгих секунд Загомир переваривал услышанное.

— Чушь какая-то, — не выдержав, фыркнул он. Все сказанное этим наглым аэротехом просто не укладывалось у него в голове…

— Чушь или нет, но мы-то тут, и летим через гипер неизвестно куда, — раздался еще один голос, очевидно, принадлежавший второму из упомянутых ассенизаторов. — Меня, между прочим, запихнули в криогенную камеру и продержали там почти сутки как заложника…

От всей этой обрывочной и противоречивой информации у Загомира голова шла кругом.

— Они угнали «Светоч»?

— Ага. И еще разворотили и разграбили Центр биокибернетических технологий.

Лейтенант Стылов прижался затылком к вибрирующей переборке и попытался хоть как-то осмыслить все услышанное.

— Фрайг… — вырвалось у него.

Из темноты ему ответил понимающий вздох.

* * *

Кейтлин Ларош сидела в глубоком кресле перед многоярусным пультом управления и смотрела на тусклые линии, которые словно река

обтекали со всех сторон пронзающий гиперсферу корабль.

Это были смазанные отпечатки уносящихся в бесконечность реальных звезд, существующих в трехмерном космосе.

«Светоч» летел к сфере. Она возвращалась домой. К Интеллекту.

Глаза Кейтлин с покрасневшими и припухшими веками внезапно сузились, когда в ее голове промелькнула вереница свежих воспоминаний…

Грязный, отвратительный мир, населенный дегенеративными, злобными существами… Неужели она когда-то принадлежала к этому стаду животных?

Теперь, после встречи со своими сородичами, она вполне понимала Интеллект. Стоило просканировать их куцые мозги, чтобы понять — такой биологический вид не имеет права на физическое существование. Это как болезнь, проказа, покрывшая множество планет своей коростой… В мыслях людей, услышанных и воспринятых ею через посредство шара-носителя во время короткого боя, преобладали ненависть, страх и, как ни странно, похоть. Она никак не могла осмыслить той цепочки позывов и чувств, что несколько раз подряд разворачивалась перед ее сознанием при непосредственном контакте с людьми… Сначала, как правило, у ее противников возникала мысль. «Какая хорошенькая девочка!», потом, когда она начинала стрелять, эти мысли, с которых, казалось, капала похотливая грязь, вдруг резко видоизменялись. Все встреченные ею люди чувствовали удивление, страх и рефлекторную ненависть. Они пытались убить ее, а когда это не удавалось или в дело вступал шар-носитель, все чувства вдруг исчезали, оставляя лишь страх, глобальный, всеобъемлющий ужас и неистовое желание спастись. Неважно, какой ценой…

Это было похоже на ее первое самостоятельное путешествие по сфере. Там тоже повсюду была грязь. Мерзкая, черная и липкая. Она покрывала собой огромные прокаженные площади. Черные маслянистые лужи кишели странными на вид организмами. Они копошились в этой жиже, постоянно пытаясь пожрать друг друга лишь для того, чтобы спустя несколько часов наплодить себе подобных и скончаться, став пищей для подрастающего потомства.

Ей было чуждо и отвратительно все, что отличалось от четкого, стерильного, рационального, логичного и полного света мира, где обитал Интеллект…

Она не задумывалась над тем, что это мнение навязано ей. Нет, она просто не могла и не умела мыслить иначе как критериями кристаллического мозга. Низшие существа, надругавшиеся над ним,

должны быть устранены. И то, что планируемый Интеллектом геноцид, направленный против человечества в целом, будет осуществлен с помощью человеческих технологий в области войн и создания искусственных боевых организмов, еще более безжалостных, чем их создатели, казалось Кейтлин вполне справедливым.

Она отвлеклась. Управляющий в данный момент кораблем шар-носитель — недавно воссозданная частичка самого Интеллекта — требовал внимания. Его поверхность лучилась багряным светом. Что-то было не в порядке. Кейтлин напряглась, впуская в свое сознание его волю.

«Второй шар-носитель уничтожен на планете людей, — это была констатация факта. — Связанные с ним четвертый и пятый клоны нефункциональны. Но я сканирую на борту корабля десять активных биологических объектов. — Шар опять вспыхнул, меняя оттенки испускаемого света. — Один объект лишний. Иди и выясни, кто он».

Кейтлин послушно встала и пошла к выходу. Личный шар-носитель последовал за ней, занимая неизменную позицию над ее правым плечом.

* * *

Лишним биологическим на борту «Светоча» был Клаус.

Решение проникнуть на захваченный корабль было скорее спонтанным, рожденным под напором обстоятельств и чувств, нежели обдуманным и осознанным

Стоя в громадном холле Центра биокибернетики над рассыпанными по полу серыми полупрозрачными кристаллами, вылетевшими из расколотой выстрелом сферической оболочки, он не ощущал ни злобы, ни ярости. В голове стоял протяжный иссушающий звон. Мнемоническая атака светящегося шара была равнозначна удару кувалды по голове.

Он развернулся и подошел к тому месту, где оставил пребывающую без сознания хозяйку его боевой экипировки…

Клон-4, значит?

Он склонился над неподвижным телом и попытался найти пульс, коснувшись пальцами тоненькой синей жилки на белой шее…

Кожа девушки была прохладной. Пульс отсутствовал. Она была мертва, и Клаус знал, почему. Этот шар полностью контролировал ее мозг. Нет, он не приказал ей умереть, просто взаимосвязь между ним и искусственно выращенным человеческим подобием была слишком тесной. Клон не мог самостоятельно жить — это было доказано человеческой наукой много лет назад. Он не обладал собственной волей, разумом, знаниями, а врожденные рефлексы младенца ничем не могли помочь

взрослому, сформированному организму, ну разве что обгадиться в штаны и заорать, требуя сменить пеленку…

Клаус разогнулся, хищно оглядываясь по сторонам. От событий, столь внезапно захлестнувших Эрлизу, веяло чем-то страшным… Конкретная мысль еще не оформилась в мозгу, но, глядя на заострившиеся черты мертвого клона, чей прототип по возрасту вполне мог быть его дочерью, Клаус вдруг понял, что не волен остаться в стороне — целым, невредимым и безучастным.

Мозг клона нужно было контролировать. Люди придумали для этого МГИ — мозговой генератор импульсов, — обычный микропроцессор, имплантируемый в мозг клона еще на стадии его формирования. Там в виде программ было прописано все: начиная от навыков движения и принятия пищи до сложных самостоятельных действий, самых разнообразных, в зависимости от того, для чего выращивался данный клон.

Живые куклы были очень популярны. Особенно в качестве домашней прислуги.

Но все это уже было прошлым. Клаус был еще ребенком, когда разразилась целая серия скандалов, положившая конец производству искусственных людей. Клоны, оказывается, обладали собственным разумом, который в момент их выхода из камеры инкубатора находился в стадии развития новорожденного. По сути, если не брать во внимание облик взрослого человека, они и были «детьми из пробирки», которым встраивали МГИ, чем навсегда подавляли развитие у них собственной личности…

Люди нашли в себе силы отказаться от столь жестоких путей развития. Клонирование было запрещено. По крайней мере официально…

Он отступил на шаг и пошевелил носком шнурованного ботинка потухшие кристаллы. Без сомнения, перед ним был аналог МГИ.

Клаус выпрямился и посмотрел в сторону выбитых взрывом дверей Центра. За ними, на парковочной площадке комплекса, возвышался «Светоч». Его грузовые пандусы были откинуты, люки открыты, и фигуры в такой же, как у Клауса, экипировке, бегали туда-сюда, сгибаясь под тяжестью белоснежных опечатанных кофров, выдранных из сети здания серверов и прочего оборудования. В воздухе витало несколько сияющих шаров.

Присмотревшись, он понял, что из здания в основном выносят генетические образцы, демонтированное оборудование для клонирования и все, что могло содержать в себе полезную информацию по воспроизводству технологических процессов клонирования и сборки биомеханических

существ.

Здесь, в Центре, такие технологии действительно сохранились. Вполне вероятно, что захватчики и сами не подозревали, какие существа можно сконструировать и воспроизвести на конвейере при помощи этого самого оборудования.

От такой мысли Клаусу стало совсем дерьмово. Он знал, что изначально Центр был ориентирован на войну. И те зародыши, что скрывались в опечатанных белоснежных кофрах, были оружием, причем запрещенным к воспроизводству. И все это на его глазах уплывало с разгромленной Эрлизы в неизвестном направлении.

Ему не нужно было размышлять над дальнейшими своими действиями. Все происходящее на его глазах выглядело слишком страшно и однозначно, чтобы он мог позволить себе раздумывать.

Это нужно было остановить. Любой ценой.

Единственное, о чем в данный момент жалел Клаус, так это о том, что рядом с ним не было Доминика фон Риттера…

* * *

Погрузка «Светоча» шла полным ходом. Хрупкие женские фигуры, затянутые в камуфлированный керамлит брони, сновали по пандусам наравне с кибертележками и погрузчиками, сгибаясь под тяжестью кофров и аппаратуры.

Клаус обошел корабль стороной, прячась за посеченным осколками парапетом цокольного этажа Центра.

Его не покидало чувство, что все происходящее на его глазах — это не дело рук каких-то там террористов или каперов. Нет. Он чувствовал, что все намного серьезнее. Светящиеся шары, один из которых едва не взял под контроль его собственный мозг, никак не были связаны ни с людьми, ни с человеческими технологиями. Было бы глупо предположить, что кому-то пришло в голову разработать столь сложный и не поддающийся пониманию аналог МГИ.

Улучив минуту, когда все светящиеся шары собрались с противоположной стороны корабля, он резко выпрыгнул из-за парапета и рванулся вперед, к темному зеву грузовых створов…

Вопреки его ожиданиям, пробраться на борт «Светоча» не составило особого труда — все грузовые люки корабля были распахнуты настежь, да и внутри не оказалось ни одного заблокированного помещения.

Все это объяснялось достаточно просто: пришельцы, захватившие крейсер, сумели получить командные коды управления, но их вместе с

десятком клонов, которых Клаус заметил на подходе, было слишком мало, чтобы полноценно управлять огромным боевым кораблем. Поэтому они просто сломали сложную систему паролей, кодовых замков и сканирующих пластин. С центрального пульта главной ходовой рубки сделать это было проще простого — достаточно было отдать соответствующий приказ бортовому компьютеру.

Просочившись между двух кибертележек, карабкавшихся вверх по грузовому пандусу, он, никем не замеченный, проскользнул внутрь и скрылся в узком боковом проходе между рядами контейнеров.

Отдышавшись, Клаус поправил ремни экипировки и начал пробираться в дальний конец грузового ангара.

Со стороны военного космопорта ветер по-прежнему приносил рваные клочья жирного черного дыма. Изредка там что-то вспыхивало и взрывалось, оглашая окрестности раскатистым гулом.

Гарнизон Эрлизы был разгромлен.

Последнее никак не укладывалось в голове у Клауса. Остановившись у выхода из ангара, куда наконец вползли обе нагруженные сверх нормы тележки, он на мгновение задумался. Что он вообще знал о происходящем?

Оказалось, что практически ничего.

Откуда взялись одетые в древнюю боевую броню клоны и контролирующие их светящиеся шары? Как они сумели попасть на Эрлизу и захватить два боевых корабля эскадры? Каким образом им удалось получить командные коды управления «Ханновером» и «Светочем»?

На сто процентов Клаус знал только одно: контролирующие клонов светящиеся шары — это роботы абсолютно неизвестного типа, и они явно сродни той сияющей спирали, что похоронила его отряд на Луне-17…

Страшная в своей простоте догадка, уже давно брезжившая в его подсознании, внезапно оформилась в короткую ужасную мысль.

Первый контакт… Шары и спираль были порождением нечеловеческого разума!

И на Луне-17 состоялся первый контакт между людьми и другой разумной расой…

Он остановился на секунду, привалившись спиной к стене, чтобы отдышаться, и тотчас перед его мысленным взором вспыхнула картинка тех роковых секунд…

Грохот разрывов смешивался с едким дымом и звонкой капелью… По разорванной осколком щеке Клауса струился горячий липкий ручеек… Его загнали в угол…

Сияющая спираль возвышалась в нескольких шагах, и ее густой, почти осязаемый свет бросал рассеянные блики на базальтовый пол пещеры. Сзади послышались выстрелы, кто-то громко вскрикнул.

Там гибли его ребята, а эта светящаяся штуковина пыталась копаться в его мозгах, советуя идти своей дорогой…

Клаус сделал шаг вперед и оказался внутри кварцевого бутона, прямо у подножия спирали.

— Что ты такое? — спросил он, доставая тяжелый обоюдоострый десантный нож.

Ответом была тишина. Лишь ослепительный свет вдруг начал тускнеть.

«УХОДИТЕ».

— Тебя заклинило, ублюдок? — Клаус уже окончательно вышел из себя. — Куда уходить? Где выход?!

Он поднял руку и саданул тяжелой рукоятью по одному из кристаллов. Тот вдруг погас, выпав из общего хоровода огней, и с удивительной легкостью отлетел на пол, обнаружив под собой коническое углубление.

«МНЕ БОЛЬНО!»

— Говори, где выход!

Рукоять ножа сшибла еще один кристалл, и целая секция спирали внезапно погасла. Движение света в остальных частях ленты теперь казалось конвульсивным и разорванным.

Он открыл глаза, непроизвольно тряхнув головой, чтобы отогнать видение…

К черту… Клаус оторвался от стены и бегом бросился вперед.

Были те события в подледной пещере первым контактом или нет, но жестокий налет на Эрлизу не мог быть расценен им как адекватный и законный ответ на то роковое стечение обстоятельств… И та мертвая клонированная девочка никак не стоила пригоршни выбитых из спирали кристаллов.

В душе Клауса росло ощущение болезненной пустоты. Если он не успеет добраться до рубки управления «Светочем» и саботировать старт, может случиться непоправимое.

* * *

Он не успел.

Старт «Светоча» произошел намного раньше, чем на то надеялся

Клаус. Никто не удосужился предупредить экипаж или подать какой-то сигнал, просто по всему кораблю захлопнулись открытые люки, и переборки мелко задрожали, возвестив о холостом включении ходовых секций планетарной тяги.

Он находился в этот момент на второй оружейной палубе корабля рядом с башнями орудийно-ракетных комплексов. Заметив признаки близкого старта, Клаус открыл ближайший люк, воспользовавшись для этого аварийным ручным приводом, и проскользнул в полумрак орудийной башни.

Перед пустым креслом оператора на приборной панели сиротливо сияли две изумрудные лампочки резерва. Основное питание пульта и боевого компьютера было отключено.

Не дожидаясь, пока дрожь переборок перейдет в ощутимую вибрацию, Клаус сел в кресло, пристегнулся и откинул голову на мягкий упругий валик. Прикрыв глаза, он постарался расслабиться.

Обычно запаркованные на планете тяжелые космические корабли выводятся на орбиту в несколько этапов. Сначала они поднимаются на определенную высоту посредством «холодной» антигравитационной тяги, потом под корабль подводят специальную стартовую платформу, которая поднимает его еще выше с помощью своих двигателей, и, только оказавшись высоко над планетой, корабль задействует собственные ходовые секции.

Клаус подозревал, что в этот раз процедура старта будет несколько упрощена, и не ошибся. Что этим стеклянным шарам до атмосферы Эрлизы и руин какого-то там Центра… Смогла же та светящаяся спираль спустить под лед два квартала жилого комплекса Луны-17.

Пока Клаус добирался сюда, он успел заметить, что на корабле царит полный кавардак. Все переходы были открыты, но не работал ни один межпалубный лифт, и ему пришлось воспользоваться узкими и неудобными пешеходными тоннелями, проложенными параллельно основным магистралям на случай аварии.

…Стартовая перегрузка обрушилась внезапно. Клаус почувствовал сильный динамический удар, его вжало в кресло, амортизаторы которого жалобно скрипнули, пытаясь смягчить то давление, которое испытывал человек.

Еще через секунду перед глазами Клауса поплыли черные круги, и он начал терять сознание. «Светоч» стремительно рвался ввысь, прочь из цепких гравитационных объятий Эрлизы.

Клаус не помнил, сколько длилась эта мука — быть может, пару

минут, а может, и несколько часов. Размазанный по креслу, придавленный дополнительными килограммами боевой экипировки, вес которой внезапно начал измеряться тоннами давления на квадратный сантиметр его тела, он то терял сознание, то обретал его вновь, совершенно утратив чувство времени.

В очередной раз придя в себя, Клаус понял, что разгон закончился. Он прислушался к звуку двигателей, машинально массируя налившийся кровью шрам на отекшем от перегрузок лице.

Все переборки «Светоча» мелко дрожали от напряжения, но ускорения не ощущалось. Это могло означать только одно — пока он валялся без сознания в противоперегрузочном кресле, корабль успел пробить метрику трехмерного пространства и теперь летел в гиперсфере…

С пересохших, растрескавшихся губ Клауса сорвалось невнятное проклятие. Теперь его задача неимоверно усложнилась, да и сам он попал в незавидное положение: один на корабле, который летит в неизвестность…

Додумать эту нерадостную мысль ему помешало слабое движение под самым потолком палубы.

Мышцы Клауса рефлекторно напряглись, он застыл, медленно скосив глаза в том направлении, где ему почудилась неясная тень.

Под потолком висел непонятный предмет.

«Это еще что за хреновина?» — мелькнула в его голове мысль.

Действительно, зависший в сплетении труб предмет выглядел весьма необычно. Это было сморщенное кожистое образование, внешне похожее на подспущенный футбольный мяч. Клаус непроизвольно наградил его термином «существо». Глядя, как оно покачивается из стороны в сторону, он поймал себя на том, что ищет среди коричневатых складок и морщин что-нибудь похожее на глаза или рот…

Однако его взгляд не нашел ни того, ни другого.

Сморщенный шар внезапно прекратил раскачиваться и, описав плавную дугу, подлетел ближе. Похоже, что это образование, кем бы оно ни было, совершенно не боялось вооруженного человека.

— Что такое «хреновина»? — раздался в его голове четко сформулированный вопрос. Только задан он был каким-то писклявым голосом, какой бывает у капризного ребенка…

В первый момент Клаус оцепенел. Вопрос был задан ему и означал, что этот маленький уродец не только свободно разговаривает на мнемоническом уровне, но и читает его мысли.

Клаус не ответил. Он постарался ни о чем не думать, пока протягивал руку и брал за приклад валявшуюся на полу, подле кресла, «ФЛАУ-4».

— Хреновина — это ты, — спокойно ответил он, когда его палец лег на гашетку и замер.

— Неправильно. — Мячик описал под потолком плавный круг. — Меня зовут Гиг! Я высшее существо, а не «хреновина»!

Клаус почувствовал, как расслабились сведенные судорогой мышцы. Осторожно расстегнув страховочные ремни, он встал, исподлобья взглянул на это безобразие, именующее себя «высшим существом», и усмехнулся.

— И чем же ты занимаешься тут? Воруешь чужие корабли? Кто тебя послал сюда подглядывать за мной? — Ствол импульсной винтовки слегка приподнялся.

— Неправильно! Неправильно! — Сморщенный мячик запрыгал под самым потолком между труб. — Я летаю там, где захочу. Я остаток расы, понял?

Клаус улыбнулся уголками губ. Несмотря на всю безвыходность его положения, глядя на это существо, он испытал непреодолимый приступ веселья.

— Где ты научился моему языку? — спросил он первое, что пришло на ум.

Шар внезапно спикировал из-под потолка и резко затормозил напротив лица, так, что Клаус почувствовал дуновение потревоженного воздуха.

— Меня научила Кейтлин, — загадочно заявил он, начав медленное вращение вокруг своей оси.

Кейтлин? Клаус понял, что мячик, маячивший перед ним, демонстрируя складки своей сморщенной кожи с достоинством высокооплачиваемой фотомодели, говорит про ту, что стала прототипом для атаковавших Эрлизу клонов. Это было уже второе зерно драгоценной истины.

Клаус задумался… Итак, Гиг — это представитель какой-то древней расы, несомненно, исторически связанной с той светящейся спиралью и шарами…

— Скажи, тут, на корабле, есть еще люди? — осторожно спросил он.

— Есть… — Гиг на секунду замялся. — Один… Два… Три… Четыре… Четыре! — заявил он. — Прямо вверху… Один потолок вверх… Боятся… Злятся… — Он вдруг осекся и, ничего не добавив, метнулся вверх, где проходили десятки магистральных трубопроводов.

Клаус почувствовал волну неприязни, что исходила от этого странного существа. Неприязни и нежности… Как будто два этих совершенно противоположных чувства были направлены им в сторону громоздкого

бронированного люка.

По сути, Гиг своим прыжком спас ему жизнь.

Люк медленно открывался, уползая в переборку.

На пороге орудийной башни стояла девушка, несомненно, похожая на того клона, чей шар-контроллер был уничтожен Клаусом на Эрлизе. На ее исхудавшем лице выделялись огромные глаза, под которыми залегли глубокие тени, что говорило о крайнем измождении организма. Но, несмотря на это, ее тонкие бледные пальцы цепко сжимали приклад «ФЛАУ»-винтовки.

Клаус понял, что это и есть Кейтлин. Волна нежности, генерируемая схоронившимся среди труб существом, была направлена именно к ней.

Ну а порция граничащей с ненавистью неприязни явно предназначалась тускло светящейся сфере, что зависла у ее правого плеча.

Клаус, удивленный и сбитый с толку таким поворотом событий, замешкался ровно на одну секунду, и тут же чудовищный по силе мнемонический удар настиг его, коверкая разум, лишая воли, уничтожая сознание…

Громадная черная спираль словно бур вонзилась в его мозг. Боль была адской — иначе ее не назовешь. Колени Клауса начали подгибаться…

Все происходило в гробовой тишине.

Он заскрипел зубами, вцепившись здоровой рукой в подголовник кресла. Шар вспыхнул еще ярче, чем прежде, — казалось, он удивлен и раздосадован тем, что человек все еще стоит на ногах.

Клаус действительно стоял. Вся его воля в эти страшные мгновения была сконцентрирована на полуметровой сфере, от которой в его сторону летели уничтожающие сознание волны.

Спираль разбухала, ввинчиваясь в его разум. В этом было что-то откровенно нечеловеческое, злобное и одновременно… равнодушное, как ни парадоксально это звучит. Шар-контроллер целенаправленно сжигал его разум только для того, чтобы устранить с дороги как досадную помеху.

Как ни был силен Клаус, но его воля была явно слабее, чем безудержная мощь светящегося шара. Он дико сопротивлялся, но уступал. Еще немного, и остатки его воли исчезнут, растворятся в нахлынувшем океане света…

В этот момент из-под потолка вниз метнулась беззвучная тень. Гиг спикировал к левому плечу своей хозяйки, и это движение ровно на секунду рассеяло внимание кристаллического шара.

Клаусу достаточно было этого мгновения, чтобы сделать один-единственный шаг, в котором, казалось, сконцентрировалась вся его

оставшаяся жизнь. Он выстрелил навскидку, почти не целясь, больше доверившись рефлексам, чем раздавленному, искаженному болью разуму.

Последним, что он запомнил, прежде чем его оглушила нестерпимая боль, была неистовая вспышка света и огромные глаза Кейтлин, полные неподдельного ужаса. Потом висевший у ее плеча шар взорвался, разлетевшись миллионом затухающих брызг, и внезапно наступила зловещая, звонкая тишина…

Глаза Кейтлин вдруг закатились, и она рухнула на пол.

Клауса согнуло пополам. Он сохранил в себе искру сознания, выдержав предсмертный вопль шара-контроллера, но тоже не устоял на ногах и рухнул на колени, задыхаясь от боли и хватая воздух широко раскрытым ртом.

— Ванг Шиист… — прохрипел он, заходясь конвульсивным кашлем и одновременно пытаясь встать, потому что его инстинкт самосохранения с этой роковой секунды превратился в оголенный нерв.

«Беги!.. Уходи!..» — орало раненое сознание.

Клаус никак не мог согласиться со своим внутренним голосом. Преодолевая угнездившуюся в голове боль, он с неимоверным трудом заставил разогнуться свои скрученные спазмом мышцы, встал с колен и обвел зал мутным взглядом.

Его глаза остановились на виновнице этой телепатической атаки. Девушка лежала у открытого люка, неподвижная как изваяние и бледная как смерть. Ее грудь, волосы, пол вокруг — все было засыпано потухшей кристаллической массой, разлетевшейся из нутра уничтоженного шара-контроллера.

«Совсем еще девочка», — вдруг подумал Клаус, не испытывая к ней ровно никаких враждебных чувств. Это было тем более странно, что, пережив заточение в казематах форта Стеллар, он сильно изменился, став еще более подозрительным и настороженным, чем раньше. Он никогда не прощал не то что атак, а просто косых любопытных взглядов, направленных в его сторону.

«Беги!» — не то умолял, не то приказывал его внутренний голос, но Клаус не слушал его, глядя сквозь плавающие перед глазами черные круги на хрупкое, усыпанное кристаллами тело в поношенной, видавшей виды одежде с чужого плеча.

Он едва стоял на ногах, и вес импульсной винтовки тянул вниз, словно в руке было зажато не пластиковое цевье, а двухпудовая чугунная гиря.

Неверной походкой он преодолел разделявшие их метры.

Гиг неподвижно висел над телом хозяйки. Клаусу казалось, что уголком сознания он воспринимает нечто похожее на слабое поскуливание или причитания плачущего ребенка…

Перед ним был враг, но, глядя на сведенные гримасой боли, заострившиеся черты лица Кейтлин, он не мог убедить себя в этом. Подчиняясь непонятному порыву, он вдруг опустился на колени и прижал голову к ее груди.

Сердце Кейтлин продолжало биться. Она была без сознания, и ее беспамятство больше походило на глубокую кому…

Не видя другого выхода, он взвалил на плечо ее невесомое тело и встал.

Гиг встрепенулся и выскочил в коридор.

Клаус на секунду замешкался, покачнувшись от нового приступа головной боли. Справившись с дурнотой, он отер выступившие на лбу бисеринки пота, перехватил механической рукой импульсную винтовку и вслед за Гигом вышел в ярко освещенный кольцевой коридор палубы, взглядом проследив за вихляющимся полетом кожистого шара.

Как он и предполагал, спасший его жизнь мячик летел к межпалубному переходу.

Клаус пошел следом. А что ему оставалось делать? За несколько минут яростной мнемонической схватки он совершенно потерял ощущение того, кто здесь друзья, а кто враги и есть ли вообще какой-то смысл в происходящем вокруг?

* * *

…Когда за переборкой в коридоре раздались гулкие шаги, четверо пленников, запертые в темном помещении, уже устали говорить и строить догадки. В наглухо задраенном грузовом отсеке царила гнетущая тишина. Казалось, что обреченность осязаемой массой повисла во мраке и от нее остро пахло потом человеческих тел.

— Кто-то идет… — осторожно высказался Мартин.

— Наверное, эта сука… — тихо предположил Хоули, машинально отодвигаясь подальше от входа.

Все присутствующие поняли, что он имеет в виду ту сумасшедшую девчонку, что командовала атаковавшим Эрлизу отрядом…

Шаги в коридоре стихли, там раздался сухой щелчок, и вдруг что-то тяжко ударило в бронированный люк.

Стылов выругался и начал отползать к противоположной стене, стараясь как можно плотнее вжаться в пол.

После еще одного оглушительного удара, который сопровождался жалобным, протестующим визгом раздираемого металла, люк, сорвавшись с креплений, с грохотом полетел внутрь, едва не задев сжавшегося в комок Игоря.

В дверном проеме, сквозь который хлынул яркий свет из коридора, внезапно появилась человеческая фигура. От долгого пребывания в темноте четверо пленников не могли смотреть на свет и видели только зловещий контур керамлитовой брони боевого костюма.

— Есть кто живой? — поинтересовался голос, явно принадлежащий этой фигуре.

Ответом была тишина. Никто из пленников и не подумал ответить — просто никто не понимал, что случилось.

— Фрайг вас всех побери! — внятно выругался Клаус, глаза которого уже адаптировались к сумраку. — Что вы уставились на меня, а?!

— Кто ты такой? — раздался хриплый голос из темноты.

* * *

Если бы они знали, что на борту «Светоча» в тот самый момент оставалось всего два шара-контроллера, то Клаус ни за что бы не принял решения покинуть корабль. Но, увы, эта информация была для него недоступна.

«Светоч» только что совершил обратный переход в трехмерный космос, сопровождавшийся болезненными перегрузками. На борту корабля творилось нечто несусветное. Очевидно, захватчики не очень корректно обошлись с кибернетической системой управления, и она начала давать ощутимые сбои.

Корабль трясло, как при атмосферном маневрировании, свет в коридорах то гас, то вспыхивал вновь, что сопровождалось заунывным плачем аварийных ревунов, межпалубные люки сами по себе вдруг начинали открываться и, не дойдя до половины хода, с треском захлопывались…

Однако Клауса беспокоило не это. Основные системы «Светоча», такие, как автопилот, жизнеобеспечение экипажа и двигательный контроль, были сверхнадежны, и грубое вмешательство в работу киберсистемы не могло нанести им ощутимого вреда. Хуже было другое: тот, кто взломал управляющие файлы процессора, преследовал одну цель — уничтожить его и четверых пленников, еще не осознавших до конца факт своего освобождения.

Он понял это, когда в широком магистральном коридоре появился

первый «Краб». Это был приземистый боевой механизм, нервно семенящий по полу на восьми членистых манипуляторах и вооруженный спаренным лазером.

Клаус отступал последним. Заметив в неверном, меняющемся свете контур паукообразного механизма, он вскинул «ФЛАУ» и выстрелил, перебив снарядом пару передних манипуляторов робота. В принципе, бойцу в боевой экипировке «Крабы» были скорее досадной помехой, чем серьезными противниками: спроектированные для ведения боя в узких, напичканных приборами, кабелями и трубопроводами отсеках, они имели очень специфические программы, запрещающие вести огонь в направлении жизненно важных коммуникаций корабля. В свое время медлительность и тупость этих примитивных механизмов стали поводом для многочисленных анекдотов, бытующих в среде космодесанта.

Но сейчас Клаусу было не до смеха. В коридор позади него вывалилось сразу пять таких семенящих по полу членистоногих машинок, и шипящие лазерные лучи замелькали в узком пространстве, оставляя на стенах глубокие дымящиеся шрамы.

Если бы он знал численность противника… Но Кейтлин, обмякшая на его плече, была без сознания, Гиг, круживший над его головой, упорно молчал и лишь нервно попискивал, когда очередной пучок когерентного света вспарывал пластик рядом с ним, а четверо освобожденных им пленников все еще пребывали в шоке и толку от них не было вообще…

— Кто-нибудь, заберите девушку! — зло крикнул Клаус, на мгновение обернувшись к четырем убегающим в глубь коридора фигурам.

Они остановились. Один из пленников, представившийся как Джон Хоули, нехотя приблизился.

Клаус, укрывшись за выступом переборки, вел отсекающий огонь в глубь коридора.

— Быстрее! — приказал он.

Безвольное тело Кейтлин перекочевало на плечо Джона, и Гиг тут же сменил позицию, охраняя хозяйку.

— На кой черт… — начал было Джон, пытаясь перекричать высокочастотный визг электромагнитного затвора «ФЛАУ» и шипящий звук лазеров, но Клаус жестом прервал его.

— Кто знаком с коммуникациями корабля? Где расположен внутренний космодром? Нам нужен спускаемый модуль! Соображайте, живо! — Он вытянул руку вперед и метнул за угол светотермическую гранату.

В задымленном коридоре, за поворотом которого кучковались

«Крабы», полыхнул ослепительный свет.

— Все, хана их сенсорам! — злорадно воскликнул высокий парень в комбинезоне техника. — Я знаю, как пройти к космодрому, — сообщил он. — Это на две палубы ниже. Там запарковано три автономных десантных модуля!

— Тогда сваливаем, быстро! — распорядился Клаус. — Некогда… Я буду прикрывать отход, но и вы смотрите… За девчонку отвечаете головой! — добавил он, заметив, с каким страхом и ненавистью Мартин Стонски косится на безвольное тело Кейтлин. — Убью… — предупредил он.

Стонски в замешательстве отвернулся.

Игорь уже исчез в сизом дыму, постепенно заволакивающем узкий палубный тоннель. Взрыв гранаты что-то основательно повредил в коммуникациях этого отсека.

…Они отступали, двигаясь по узким и коротким межпалубным переходам, мимо застывших в своих клетях подъемников, изредка отбиваясь от выскакивающих невесть откуда охранных машин. «Светоч» продолжало трясти и раскачивать, и Клаус уже не сомневался, что корабль погружается в атмосферу какой-то планеты.

Ему даже не хотелось думать о том, куда их могло занести. Сейчас, задыхаясь в задымленных пространствах коридоров, он просто бежал, преследуя определенную цель — как можно быстрее попасть на космодром. Его мускулы работали в ритме хорошо отлаженной машины — тело помнило все прошлые навыки, зафиксированные годами боев и тренировок на уровне рефлексов.

…Очередной «Краб» выкатился из распахнутой двери какой-то оружейной лаборатории, и тотчас же оба его лазера зашлись огнем. Бежавший впереди всех Игорь Светличный вдруг споткнулся и упал, схватившись за ногу. Клаус рванулся вперед, оттолкнув замешкавшегося в проходе Мартина. Стрелять было некогда, да и опасно — противник появился внезапно и сразу вклинился в середину их группы, поэтому он прыгнул, ударив полуметрового робота магнитными подошвами сапог.

Механический паук отлетел туда, откуда только что выскочил, — в распахнутую дверь оружейной, зацепив по дороге пару стеллажей с заготовками. Подскочив на членистых лапах, он вдруг закружился на месте, нервно прихрамывая и пытаясь определить свое пространственное положение.

Клаус тем временем склонился над Игорем.

— Идти сможешь? — спросил он, стягивая опаленные края

рассеченной лазерным лучом кожи на ноге пострадавшего.

— Дотащусь как-нибудь, — ответил тот, морщась от боли. — Космодром уже рядом…

— Тогда давай. — Клаус оглянулся и, увидев прижавшегося к стене Стылова, резко сказал: — Ну что стоишь, лейтенант?! Помоги человеку!

Загомир несколько раз нервно сморгнул, но приказ выполнил, подставив Игорю плечо.

Проходя мимо, Клаус услышал, как он едва слышно бормочет:

— Убьют… Нас убьют…

Губы лейтенанта при этом мелко и противно дрожали.

— Вперед!

На простор внутреннего космодрома «Светоча» они выскочили совершенно неожиданно. Просто за очередным люком вдруг открылось широкое пространство, разделенное на условные сектора сегментами стартовых плит. На серых прямоугольниках, обрамленных цепочками мерно вспыхивающих огней, застыла зашвартованная техника — пять космических истребителей и три тяжелых десантных модуля.

— Коды! — не останавливаясь, закричал Клаус.

— Джей-13-наг-42! — прокричал Игорь, который ковылял чуть сзади, опираясь на плечо лейтенанта. — Пробуй люк среднего модуля, я недавно обслуживал его, и там должно быть все в ажуре!

Клаус не успел добежать до намеченного корабля, как сзади раздался истошный крик:

— Роботы!

Кричал Стонски. Прямо на него выскочили четыре «Краба», и Мартин, оцепеневший от ужаса, медленно пятился под прицелом восьми лазеров.

— В сторону! Ложись! — заорал Клаус, вскидывая импульсную винтовку.

Он был вне себя.

Этот бой, начиная со столкновения с шаром-контроллером, оказался полностью неуправляем, но Клаус был настолько занят, что до сих пор его не мог по-настоящему взбесить даже этот бардак. Всю дорогу от импровизированной тюремной камеры до космодрома он только и делал, что стрелял во все, что хоть мало-мальски отличалось от человека и имело способность передвигаться, отчего счетчик зарядов в его «ФЛАУ» уже моргал красным предупредительным огоньком…

Случилось то, что должно было произойти.

Импульсная винтовка в его руках огрызнулась короткой очередью и

вхолостую защелкала затвором. Два уцелевших «Краба» отстали от распростертого на полу полумертвого от ужаса Мартина и ринулись на Клауса.

Боковым зрением он видел, что Игорь уже доковылял до модуля и возится возле люка. Рядом с ним, ошалело озираясь по сторонам, в нелепой позе застыл Загомир. Хоули с Кейтлин на плечах укрылся за решетчатой фермой обслуживания, и Мартин, придя в себя, уже полз по направлению к нему.

Во время бессистемного скоротечного боя нет ничего хуже, чем обуза в виде ошалевших от страха людей. Будь Клаус один, он бы ни секунды не задумывался, как поступить, — прыгнул бы вперед, навстречу куцым электронным мозгам этих членистоногих ублюдков, а там уж кто кого… Но он не мог сделать это, постоянно ощущая за своей спиной растерянность тех, кого он чуть ли не насильно выволок из камеры и повел к мнимой свободе…

Сзади звонко ударил о посадочную плиту выпущенный из недр открывшегося модуля трап.

— Вовнутрь! Все! — закричал он, затянутым в броню плечом сбив несколько увитых шлангами ферм обслуживания.

Уже настигавшие его «Крабы» были вынуждены отскочить, когда на их пути с лязгом упали решетчатые конструкции. Лазерный огонь, не дававший Клаусу ни секунды передышки, наконец утих, пока два робота рвали своими манипуляторами мешанину накрывших их шлангов.

Из порванных пластиковых артерий на посадочную плиту хлестала оранжевая жидкость и вытекал едкий зеленый дым.

Ох как велик был соблазн задержаться хоть на секунду, чтобы показать двум паукообразным уродцам, на что способен капитан «скармов»! Но Клаус уже бежал к кораблю, в люк которого только что втиснулся прикрывавший отход остальных Игорь. Этот парень, — кажется, обыкновенный космодромный техник — держался лучше всех остальных вместе взятых.

Взлетев по трапу и машинально утопив по дороге клавишу экстренного шлюзования, Клаус оказался в тесном отсеке десантного модуля. Его взгляд метнулся по стенам, где среди мониторов слежения и прочей встроенной аппаратуры были укреплены кофры с боекомплектами, а в темных нишах смутными контурами человеческих фигур застыли боевые скафандры…

— Кто пилот? — не отдышавшись, спросил он.

Джон Хоули. опустив бесчувственное тело Кейтлин в ближайшее

десантное кресло, нехотя повернулся.

— Ну, я…

— В рубку! Запускай движки, я сейчас иду! — Клаус склонился над Кейтлин и защелкнул на ее груди страховочную «упряжь». — Всем в кресла, пристегнуться и не рыпаться! — приказал он.

Уже на пороге рубки управления, отделенной от других отсеков переборкой, он оглянулся и нашел глазами Гига, который вслед за людьми оказался в корабле и теперь занимал неизменную позицию над телом своей хозяйки.

— Не обижайте его, — проговорил Клаус, исчезая в рубке управления, как будто трое перепуганных, доведенных до смертельной паники людей были способны на это.

* * *

Если бы Джону Хоули пару дней назад кто-то сказал, что в ближайшие несколько суток ему придется пилотировать почти все виды космических кораблей, начиная от древнего транспорта и кончая боевым крейсером, он бы просто рассмеялся в лицо такому выдумщику. Теперь же, глядя на очередной незнакомый пульт управления, ему было не до смеха. Только сейчас он понял, что величайшим изобретением человечества является не ядерная энергетика и даже не гиперсферный привод. Величайшим изобретением был принцип стандартизации и взаимозаменяемости. Даже на незнакомом с первого взгляда пульте управления он уже отыскал почти все жизненно важные системы и приборы.

Хвала унификации!.. Пальцы Джона слегка дрожали, когда он перекинул в рабочее положение первый тумблер, и тотчас тесное помещение рубки заполнил мягкий женский голос.

— Джи-эй-13, — вкрадчиво произнесла невидимая осведомительница, чей голос мог быть записан на лазерный диск лет эдак триста-четыреста назад, — ваш стартовый коридор не функционирует. Привод главного шлюза блокирован. Вам предписано покинуть борт десантного корабля.

— Выключи ты эту стерву, — посоветовал появившийся за его спиной Клаус, усаживаясь в кресло второго пилота.

— Ты думаешь, я знаю, как?

— Фрайг тебя подери, Джон! — Клаус уже пристегивался к креслу. — Ты же сам вызвался на мой вопрос о пилоте!

— Я и есть пилот, — признался Джон. — Ассенизационная служба

системы Онтарио, — добавил он, горестно глядя на пульт, где не горел ни один огонек. — Знаешь, всякий космический мусор, обломки кораблей, мелкие метеоры…

— Понятно… — угрюмо ответил Клаус, а пальцы его здоровой руки уже сновали по сенсорам пульта управления со скоростью, достойной профессионального программиста.

С тихим жужжанием из пола выросли две длинные штанги астронавигационных рулей.

— …Повторяю: вам предписано покинуть корабль, — продолжал вещать голос из скрытых динамиков. — Шлюзы космопорта блокированы…

— Введи код 386-x-12, — посоветовал Клаус, включив интерком.

Джон подчинился, и голос, уже начавший действовать на нервы, смолк, оборвавшись на полуслове.

Вокруг один за другим оживали приборы, и сектор обзорного экрана заполнила панорама внутреннего космопорта.

— Будешь моей правой рукой, — сказал Клаус, сжав в механических пальцах сенсорный рычаг наводки ракетных комплексов модуля. — Я перевел все системы в ручной режим, так что придется выкручиваться. Киберсистема все равно саботирует любой приказ.

— А шлюз?.. — начал было Джон, но, взглянув, как по экрану вслед за движением механических пальцев Клауса шустро перемещается прицельная сетка носовых ракетных установок, осекся.

— Давай, Джон, малая тяга. Чуть приподними над плитой и замри, понял?

Хоули не ответил. Он уже вовсю работал ручным управлением.

— Готово! — доложил он, когда в недрах корабля глухо заурчали движки и он, качнувшись, приподнялся над стартовой плитой.

— Эй, в салоне! — проговорил Клаус в коммуникатор. — Кто не пристегнулся, я не отвечаю. Мы вышибаем главный шлюз!

* * *

Когда снаружи полыхнул залп из четырех ракетных установок, Игорь Светличный уже успел пристегнуться к креслу и во все глаза смотрел на полуметровый экран обзорного монитора.

Лучше бы ему попасть в жерло вулкана…

Снаружи кружила яростная метель осколков, и в ушах Игоря, несмотря на звукоизоляцию, стоял протяжный звон — в момент залпа «Светоч» содрогнулся от кокпита до кончиков хвостовых стабилизаторов и

загудел, как потревоженный колокол.

Десантный модуль отшвырнуло назад, он накренился, сбив правым бортом часть обслуживающих ферм другого корабля, ударился о покрытие пола и юзом прошел около пятидесяти метров, собирая в бесформенную груду аппаратуру внутреннего космодрома.

Как ни странно, но, пока их крутило взрывной волной, Игорь, захваченный каким-то патологическим азартом, не отрывал глаз от экрана и потому видел то, что укрылось от пилотов, ведущих борьбу со взбесившимся модулем.

Во-первых, на месте стартового шлюза в борту «Светоча» зияла чудовищных размеров дыра, обрамленная покореженными бронеплитами створов, а во-вторых, два недобитых Клаусом «Краба» ничуть не пострадали от взрыва и теперь во всю прыть своих членистых лапок неслись к звену запаркованных в самом углу космодрома космических истребителей.

Ему ли как технику было не знать, что последует дальше!

Судорожным движением утопив клавишу интеркома, он возбужденно закричал:

— «Крабы»! Они идут к истребителям!

— Спокойнее… — раздался в ответ голос Клауса. — Мы уже стартуем.

— Да нет! Ты не понял! — продолжал возбужденно кричать Игорь. — Эта модель «Краба» рассчитана на функцию пилота!

— Не ори! — оборвал его Клаус. — У нас и так хватает забот. Полезай в блистер и сбей их, ко всем Шиистам космоса!

Интерком с сухим щелчком отключился. Модуль уже выровнялся и, набирая скорость, летел к пробитой ракетным залпом дыре.

За его кормой беззвучно откинулись колпаки пилотских кабин двух космических истребителей, и роботы, с необычайным проворством вскарабкавшиеся внутрь, уже втыкали сенсорные отростки своих конечностей в специальные разъемы пультов управления.

Игорь, совершенно ошалев от такого поворота событий, в полной прострации смотрел на монитор, где промелькнули изуродованные края пробитой в обшивке «Светоча» дыры, и базовый корабль вдруг начал стремительно удаляться.

Спустя десять или пятнадцать секунд из безобразной пробоины один за другим вынырнули два истребителя.

В первый момент Игорь даже не испугался. Он был настолько поражен окружавшей модуль панорамой, что едва обратил внимание на

атакующие истребители, которые, не совершая никаких маневров, устремились прямо на десантный корабль.

— Заг!.. — потрясенно проговорил он. — Ты только посмотри…

Стылов, поборов тошноту, повернулся и, привстав, заглянул через плечо Игоря. Из груди лейтенанта вырвался удивленный вздох.

Вокруг, насколько хватало глаз, простерлось розово-фиолетовое небо, по которому, заслоняя ослепительный шарик красного солнца, плыла бесконечная вереница циклопических орбитальных плит, словно ожерелье окольцевавших звезду.

Внизу в голубовато-розовой дымке вихрились облака и виднелась бескрайняя поверхность, почему-то загибавшаяся у горизонта вверх, а не вниз…

— Что за…

Загомира прервал сопровождаемый грохотом удар, от которого десантный модуль едва не перевернуло. Над его головой что-то с треском взломало обшивку, и выпущенный с истребителя кумулятивный снаряд, не разорвавшись, вдребезги разнес монитор и отскочил в сторону, упав на пол покореженной раскаленной болванкой…

Несколько секунд техник и лейтенант ошалело смотрели друг на друга. В обшивку вновь что-то звонко стукнуло, и Игорь, словно очнувшись, вдруг рванулся к лесенке, ведущей наверх, в блистерный купол корабля.

Загомир со стоном вцепился в крепежную стойку. Лейтенанта мутило от страха, и его желудок рвался наружу. В блистерном куполе было еще страшнее, чем в десантном отсеке. Игорь, стараясь не смотреть по сторонам, в приступе дикой агорафобии упал в единственное кресло перед куцым пультом управления и, кое-как застегнув страховочные ремни, схватился за рычаги ручной наводки счетверенного орудия, чьи стволы торчали наружу.

Как оказалось, пристегнулся он вовремя. Корабль внезапно накренился на один борт и вдруг начал вращаться вокруг своей оси.

Игоря затошнило, когда земля и небо начали меняться местами. Он инстинктивно зажмурился, но тихое подвывание подающего боекомплект эскалатора вырвало его из кошмарного ступора. Он должен был открыть глаза!

По тому, как кровь отхлынула от головы и ослабло давление ремней на грудь, он понял, что модуль вновь летит как положено. Разлепив веки, он увидел розовую гряду облаков и две стремительно растущие точки. Два истребителя заходили на очередную атаку.

Игорь знал, что человек может сопереживать событиям до какой-то определенной грани, перешагнув которую он вдруг перестает бояться, но впервые в жизни он испытал это на собственной шкуре. Грань, за которой царило полное безразличие к смерти, была им пройдена совершенно внезапно — его просто перестало тошнить.

Он понял, что никто, кроме него, не в состоянии в эти мгновения хотя бы попытаться спасти корабль, обшивка которого уже была повреждена, отчего в салоне было слышно заунывное завывание ветра.

…Значит, атмосфера пригодна для дыхания, пришла в этот момент к нему абсолютно неуместная в его положении мысль.

Первое движение сенсорных рычагов наводки было явно неудачным — Игорю никогда не приходилось стрелять из корабельных орудий, а тем более на лету. Стволы закатились в зенит и застыли, направленные в сторону звезды.

Он осторожно потянул рычаги вниз, одновременно смещая скользящий по прозрачной поверхности блистера электронный прицел в сторону двух настигавших корабль точек.

Попытка была почти удачной — стволы опустились, и он, страшась опоздать, сдавил сразу обе гашетки.

Длинная очередь реактивных снарядов рванулась в сторону истребителей, но они спокойно и даже грациозно отклонились, и тут же их камуфлированные тупые носы перенацелились с поврежденного корпуса на заработавший блистер.

В этот момент, когда они начали атаку, страх вновь вернулся к Игорю, но было поздно вообще что-либо менять — истребители стремительно настигали корабль, и от их коротких, чуть скошенных назад крыльев к блистерному куполу уже тянулись строчки выпущенных снарядов.

Инстинктивно Игорь бросил рычаги и сжался в кресле, пытаясь спрятать голову под пульт. Он ждал, что сейчас толстое бронестекло брызнет осколками и его сметет этим горячим шквалом…

Снаряды со звонким, сводящим с ума грохотом впились в блистер, но он ничуть не пострадал… И тут Игорь понял, какой он дурак и трус! Купол не был прозрачным, просто его внутренняя поверхность представляла собой сплошной экран, покрытый многими слоями брони, в которой располагались связанные с рычагами механизмы наводки орудий. Ошалев от страха, он совершенно забыл об этом и, вопреки собственным знаниям, верил только тому, что видели его глаза!

Он снова схватился за рычаги. Истребители уже подошли вплотную и, отстрелявшись, начали разворачиваться для нового захода. Он видел все

крупным планом, до мельчайших деталей, таких, как тонкие швы в стыке бронеплит на их фюзеляжах. Он просто не мог промахнуться с такой дистанции.

Пока он прятался под пультом, механизм дозарядки уже сменил обоймы, и теперь четыре ствола выплюнули в борт ближнего истребителя сразу сорок снарядов…

Ослепительный взрыв качнул модуль. Игорь в упоении смотрел, как из бурого облака, в которое превратилась пораженная машина, во все стороны летят уродливые куски обшивки.

Тихий щелчок и зеленый сигнал возвестили о новой смене боекомплекта. Стволы орудия дернулись, переместившись ко второй машине, которая легла на крыло, пытаясь развернуться, и вновь зашлись длинными, неэкономными очередями…

Глава 7. Прототип

3737 год Галактического календаря. Воздушное пространство сферы Дайсона. Борт тактического десантного рейдера…

— Есть! Я их сбил!

Ликующий возглас Игоря был почти не слышен из-за нарастающей вибрации поврежденного корпуса, заунывного свиста врывавшегося внутрь ветра и гула двигателей.

Несмотря на тряску и перегрузки, он кубарем скатился по лесенке, ведущей из тесного блистерного купола в десантный отсек.

Глаза техника лихорадочно блестели.

— Ты видел?! Видел?! — Он толкнул в бок скорчившегося у крепежной стойки Стылова и возбужденно расхохотался. Все еще пребывая в пьяном азарте первой победы, чудом избежав смерти, он просто не мог в эти секунды сдерживать рвущиеся наружу эмоции…

Загомир, которого все еще мутило и трясло после того, как снаряд прошил обшивку возле его плеча, молча поднял большой палец правой руки, зажимая рот ладонью левой. Ему было худо, и он ничего не мог поделать с выходками своего вестибулярного аппарата.

Игорь махнул рукой, оставив лейтенанта в покое, и, цепляясь за поручни, чтобы удержаться на ногах, добрался до переборки, отделяющей кабину пилотов от десантного модуля.

Распахнув бронированную дверь, он словно провалился в другой мир.

Выглядывая из-за высоких спинок двух кресел, в которых сидели Джон и Клаус, он увидел огни приборных панелей, светящиеся изумрудным светом экраны радаров и багряную, расчерченную тонкими линиями секторов, необъятную перспективу того мира, куда они попали столь необычным образом…

Лобовой монитор походил на только что покинутый им блистер, только расположенный вертикально, словно нос корабля перед пилотскими креслами был полностью прозрачен.

Правая механическая рука Клауса мертвой хваткой сжимала штурвал ручного управления. Пальцами левой он что-то выстукивал на клавиатуре компьютера, поглядывая то на дисплей, то на клавиши, то на обзорный экран.

Корабль рыскал, совершая резкие рывки. На приборных панелях горело слишком много зловещих аварийных сигналов, чтобы вся эйфория

вмиг улетучилась из сознания Игоря.

— Где Мартин? — не поворачивая головы, спросил Клаус.

— В тамбуре.

— Герметичность не восстановить?

Игорь покосился на пульт, где продолжал гореть сигнал потери герметичности.

— Я не знаю, — вдруг растерялся он. — Я сбил истребители!

— Молодец. Возьми с полки пирожок и вали отсюда! — вдруг резко приказал Клаус. — Мне нужна герметичность корпуса.

Игорь побледнел.

— Да я…

Клаус повернул голову, и он осекся.

— Мы протянем еще минуты три… — негромко сказал Клаус. — Потом все, Игорек. Крышка.

Игорь опешил. Он ожидал криков, угроз, каких-то идиотских приказов и уже был готов послать подальше этого новоявленного командира, а тут… Когда Игорь пришел в себя, он понял, что уже пробирается среди перевернутых контейнеров в вибрирующем чреве десантного модуля.

В кабине пилотов было значительно тише.

— Мы падаем, — проговорил Джон, не отрывая глаз от альтиметра.

— Вижу.

Перед глазами Клауса плавала красная линия авиагоризонта. Корабль кренило, и он с трудом удерживал его в горизонтальном полете.

— Турбулентность. Нас раскачивает от потери аэродинамических свойств корпуса. Как только они залатают все пробоины в обшивке, нам с тобой станет легче, — спокойно сообщил он.

Джон подумал, что легче им уже не станет, но промолчал.

— Проверь по радарам, оторвались мы или нет?

Хоули послушно защелкал клавишами, сканируя окружающее пространство. На максимальной дальности восприятия приборов в воздухе не наблюдалось ни одного материального объекта, кроме этих зловещих орбитальных плит…

— Клаус, ты можешь объяснить мне, что все-таки произошло? Куда мы попали?

Клаус отрицательно покачал головой. Он пока что сам ничего не мог взять в толк. Если верить показаниям масс-детекторов и других приборов пространственной ориентации, то их полет можно было сравнить с движением внутри полого шара, описывающего замкнутое пространство

вокруг звезды типа красного карлика. То, что звезда очень старая и давно перешла в стадию медленного угасания, было абсолютно очевидно.

— Это сфера… — наконец проговорил он, взглянув на изгибающийся кверху горизонт. — Искусственная сфера, построенная вокруг звезды… — уже увереннее заключил он.

У Хоули перехватило дыхание.

— Сфера Дайсона? Но это невозможно! Ее нельзя построить, она не может существовать в виде жесткой конструкции!

Клаус, весь поглощенный борьбой с управлением, зло выругался.

— Нашел время!.. — огрызнулся он. — Переключайся на нижние сканеры и ищи площадку!

Под брюхом покалеченного десантного корабля проплывала однообразная, освещенная красноватым солнцем поверхность. Это была пустыня, от горизонта до горизонта покрытая неправильной формы холмами, которые с высоты казались бугорками. Сканирование показывало, что внизу топь. Огромный океан какой-то бурой жижи, из которой торчали эти вздутия. О том, чтобы плюхнуться в эту грязь, которая, по показаниям приборов, имела несколько сот метров глубины, не могло быть и речи. Ни один из оплывших холмов тоже не годился в качестве посадочной площадки

Они продолжали снижаться, и только упорство Клауса до сих пор удерживало десантный корабль в воздухе.

— Может, эти плиты? — уже без всякой надежды спросил Джон. Клаус отрицательно покачал головой.

— Исключено. Там уже вакуум.

— Тогда все? Каюк?

— Не знаю… — ответил Клаус, внезапно накренив корабль. — Сейчас посмотрим.

Джон понял, что он собирается сделать, и побледнел.

— Ты с ума сошел! Там же болото!

— Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, — сквозь зубы процедил Клаус, тормозя всеми двигателями и направляя машину прямо на гребень очередной выступающей из коричневой жижи возвышенности.

Джон понимал, что у них нет никакого иного выбора, но тем не менее…

— Всем в кресла! Срочно пристегнуться! — закричал он в интерком, хватаясь за второй рычаг ручного управления. В этот момент ему отчаянно хотелось верить в то, что ему суждено быть именно повешенным.

Удар о зыбкую илистую почву болотной возвышенности был страшен.

Модуль содрогнулся, коснувшись гребня холма, подпрыгнул и, объятый пламенем двигателей, стремительно заскользил вниз по склону, оставляя за собой уродливую дымящуюся борозду развороченной земли…

* * *

Они все-таки сели…

Корабль стоял на пологом откосе, чуть накренясь в сторону мутно-коричневого болота, от которого исходил специфический кисловатый запах. Его ровная зеркальная поверхность, лишенная каких-либо признаков жизни, отражала багряные облака и четкую тень от ползущей по небу плиты.

Изредка со стороны болота доносился монотонный булькающий звук, и тогда по маслянистой поверхности пробегала рябь расходящихся концентрических кругов.

Настроение беглецов было подавленным. Несмотря на то, что им удалось бежать со «Светоча», их положение явно не улучшилось.

— Дерьмо… — Игорь сплюнул в зловонную стоячую воду и отошел от края болота. Оглядев окрестности, он вскарабкался на вершину пологого холма, обогнув потрепанный в бою десантный рейдер, и остановился рядом с Клаусом, который исследовал местность в электронный бинокль.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось все то же маслянистое болото; из него, словно спины ископаемых животных, кое-где выступали небольшие возвышенности, поросшие чахлым кустарником со стреловидными листьями, да еще в некоторых местах можно было заметить длинные тонкие прутья, торчащие из жирной жижи болота…

— Ну что, влипли мы тут, да? — с нотками истерики в голосе спросил Игорь, присев на корточки. — Доигрались в крутых парней из спецназа?

— А у нас был выбор? — осведомился Клаус, не прерывая своего занятия.

Игорь опять сплюнул, и его лицо исказила гримаса.

— Был, не был, какая разница! Что теперь делать-то?! А?

Клаус опустил бинокль и сверху вниз посмотрел на техника.

— Если ты предпочитаешь сеанс лоботомии, то мог бы остаться на «Светоче», — заметил он.

— Чего? — не понял Игорь. — При чем тут это?

— А ты думаешь, для чего тебя вывезли с Эрлизы? — в свою очередь, поинтересовался Клаус.

Игорь промолчал, хмуро разглядывая загибающийся кверху горизонт.

— Я вообще ни хрена не думаю, — спустя некоторое время признался

он. — Жил себе, никого не трогал…

Клаус подавил в себе растущее раздражение.

Конечно, он мог сказать сидящему на корточках Светличному, что тот зря унывает, ведь на самом деле ситуация была намного хуже, чем он только что предположил. И, конечно, не это унылое болото и даже не сама фантастичность и ирреальность окружающего их мира была тому виной…

В отличие от других, Клаус отчетливо понимал, что они не просто горстка разобщенных людей, затерявшихся в бескрайних просторах чуждого и непонятного им мира, нет, они враги тех непонятных существ, что создали его.

— Игорь, соберись в кучу, — посоветовал он, — от того, что ты ноешь, у нас не прибавится шансов выжить. Ты техник. Думай, как загерметизировать пробоину. Будь мужиком, в конце концов!

— Какого фрайга ты мною командуешь?! — вскинул голову Светличный. — Толку-то надрываться? Ну, залатаем мы пробоину, и куда ты полетишь? Ты хоть сам-то соображаешь, куда мы попали?

— Пока нет, — ответил Клаус. — Но надеюсь узнать.

— Пойдешь пытать у этой дикой кошки? — усмехнулся Игорь. — Да она глаза тебе выцарапает…

* * *

Кейтлин сидела у самой кромки маслянистой болотной жижи. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль… Она очнулась полчаса назад. Игорь был прав: измученная двадцатилетняя девушка, несмотря на сильное физическое истощение, больше походила на дикую кошку.

Она ненавидела их и не пыталась это скрыть.

Клаус подошел к ней и присел рядом. Кейтлин не шелохнулась, зато Гиг, понуро зависший над ее левым плечом, встрепенулся, заложив бесшумный вираж, но тут же вернулся на исходную позицию, нарвавшись на мрачный взгляд своей наставницы.

— Не хочешь поговорить? — спросил Клаус, нарушив вязкую, звенящую тишину.

Она не ответила.

С того рокового момента, как выстрел разнес шар-носитель, мир вокруг был покрыт мраком. Поначалу, оказавшись вне виртуального контроля, Кейтлин растерялась. Она чувствовала себя, как слепец, которого вдруг покинула собака-поводырь, но расплескавшаяся в ней мнемоническая боль была так сильна, что заглушила остальные чувства, и растерянность отступила, уступив место более практичным мыслям.

Ее переполняла жгучая, сводящая с ума ненависть.

Кейтлин не осознавала истинной ее причины. Просто с ней случилась беда, страшная и непоправимая, но оказалось, что она и без подсказок шара-носителя знает, что ей делать. Переключившись на сознание Гига, Кейтлин отдала мысленный приказ.

Ее ненависть к двуногим, а особенно к этому, который столь подло использовал ее минутную слабость, была безгранична. Она чуть скосила глаза на присевшего рядом Клауса. Кейтлин немного смущал тот факт, что это грязное животное разговаривает с ней на понятном языке, но это не имело решающего значения.

Все они были приговорены Интеллектом к смерти.

Ей пришлось еще раз повторить свой мысленный приказ, прежде чем Гиг нехотя подчинился, и зрение Кейтлин раздвоилось. Ее глаза по-прежнему смотрели в туманную даль, но она видела Клауса со стороны, с той позиции, которую занимал Гиг. Словно одна прозрачная картинка накладывалась на другую.

Он сидел, совершенно не страшась, и его взгляд также был устремлен вдаль. Кейтлин, управлявшая зрением Гига, видела его профиль и длинный, пересекающий пол-лица шрам. Она вспомнила, как заглянула в его сознание на «Светоче». Он был другим. В нем не было мерзкого, липкого страха, который словно смрадный шлейф тянулся за большинством двуногих, с которыми ей пришлось столкнуться. И, как ни странно, в нем не было ненависти. Большую часть подсознания этого существа занимала далекая, но совсем не забытая боль. Просто она была умело подавлена его волей.

…Кейтлин вздрогнула. Она поняла, что ее мысли ушли в сторону. Если бы рядом был носитель, она сейчас уже получила бы обычную порцию головной боли за невнимательность и непослушание.

«Ты должна уничтожить эти опасные формы и вернуться!» — услышала она свою подсознательную мысль. Это не было зовом Интеллекта или мнемоническим голосом Гига. Это говорила та ненависть к людям, что год за годом тщательно культивировалась в ней. Кейтлин знала, что убьет Клауса и остальных. Они были дикими тварями из рода тех, что едва не разрушили Интеллект. Их мир был грязен, полон злобы, страха и похоти. Мир Интеллекта был чист, рационален и логичен. Его цель была велика. Их же цели ничтожны.

Как будто что-то переключилось в ее мозгу. Туманный горизонт исчез, она теперь полностью трансформировала зрение, сосредоточив разум на восприятии Гига.

Ее долго и болезненно учил Интеллект. Учил считать, ненавидеть и подчиняться, пожалуй что в равных долях. Теперь, в эти затянувшиеся мгновения, она делала именно то, чему ее учили. До импульсного пистолета, рукоять которого торчала из захвата силовой кобуры на поясе сидящего рядом человека, было ровно семьдесят два сантиметра. Траектория движения собственной руки была столь же очевидна и естественна, как машинально сделанный вдох.

Жгучая волна сдавила грудь, и Кейтлин рванулась.

Все произошло в одну секунду. Она выхватила оружие и вскочила, нацелив его в лоб ошеломленному человеку.

Клаус поднял глаза и медленно встал.

Ствол импульсного пистолета неотступно следовал за ним.

В его взгляде не было удивления или страха. И это опять смутило Кейтлин.

«Вот такое странное дерьмо, парень… — раздался в ее сознании тяжкий вздох, — сейчас ты умрешь, и снова все будет скучно. Лучше бы ты сразу объяснил мне, что такое „хреновина“…»

«Гиг, замолчи!!!»

Ее пальцы начали медленно сжимать гашетку, досылая ее в положение «огонь». Слишком медленно.

Взгляд Кейтлин опять скользнул по пересекавшему его лицо шраму. «Как ему было больно!» — внезапно подумала она, до звона в ушах перепугавшись этой крамольной мысли.

— Ну… — дошел вдруг до ее сознания тихий хриплый голос. — Давай, девочка…

Глаза Клауса нашли ее взгляд.

Кейтлин машинально отступила на шаг, словно ее ударили.

Она не умела владеть новыми, невесть откуда взявшимися в ней чувствами. Ее сознание рвалось на части. Одна половина неистово требовала убить его, другая же не давала, заставляя ее обезумевший взгляд скользить по чертам его лица, ощущая их схожесть с чем-то давным-давно позабытым…

Она знала, как разом погасить эту сумятицу чувств, но на глаза вдруг наплыло что-то горячее, и такой же ком застрял где-то в груди. Ее пальцы, онемевшие от напряжения, больше не могли сжимать теплый, податливый пластик гашетки.

«Я не могу его убить, Гиг!.. — в отчаянии простонала она. — Почему?»

Сморщенный мячик описал плавную дугу и повис между ней и

Клаусом.

«Ты человек, и он человек, — авторитетно пояснил виртуальный голос. — Вы… как это называется… одной крови, вот».

Одной крови…

Оружие с мягким стуком выпало из рук Кейтлин.

Все поплыло перед ее глазами, ноги подкосились, и она начала падать. Клаус рванулся вперед и подхватил ее обмякшее тело, но Кейтлин уже ничего не чувствовала. Она вновь была без сознания…

* * *

Над болотом шел унылый бесконечный дождь.

Струи воды падали с грязно-коричневых небес сплошной стеной. Под низкими клубящимися облаками, из-за которых не стало видно багрового солнца и скользящих по фиолетовому небу прямоугольных плит, царил шоколадный сумрак.

Клаус стоял у выхода из пещеры, вдыхая пряный аромат принесенной дождем свежести. В глубине куполообразного помещения горел небольшой костер, бросая пляшущие оранжевые блики на голые металлические стены, из которых кое-где торчали жалкие обрывки сохранившихся с незапамятных времен проводов. Дым от костра столбом уходил вертикально вверх, вытягиваясь через дыру в сферическом своде.

Естественно, пещера, как и все в этом мире, была искусственного происхождения. Очевидно, когда-то тут были установлены агрегаты или механизмы, на что указывали дыры в полу и обрывки проводов. Потом, когда цивилизация сферы по какой-то неизвестной Клаусу причине пришла в упадок, оборудование разворовали, скорее всего растащив по кускам, из-за металла и пластика. В искусственно созданном мире, где нет и не может быть полезных ископаемых, должна была существовать острая проблема ресурсов, единственным источником которых при общем упадке цивилизации могло быть только вторичное сырье.

Впрочем, Клауса в данный момент занимали проблемы немного иного рода. Их положение осложнилось.

Он сделал глубокий вдох. Мелкая дождевая пыль, гонимая порывистым ветром, приятно освежала лицо. Клаус вдыхал эту свежесть, невольно наслаждаясь холодным сумраком, свежим воздухом, водяными брызгами и мятущимися по стенам бликами костра. Это были те ощущения, которыми редко баловала его жизнь. Какое-то первобытное чувство умиротворенности несла в себе окружающая обстановка…

Далеко внизу, в полукилометре от пещеры, светились тусклые

навигационные огни рейдера. Несмотря на его предупреждение, эти придурки не собирались маскироваться и экономить энергию.

«Что ж… — мысленно вздохнул Клаус. — Вольному — воля, спасенному — рай…»

Меньше всего ему хотелось вступать в открытый конфликт со своими случайными товарищами по бегству со «Светоча». Поэтому, когда они начали выказывать недовольство его приказами, он попросту забрал два боевых скафандра, оружие, неприкосновенный запас и перенес все это сюда, в случайно обнаруженную на противоположном склоне холма пещеру.

Кейтлин все еще не приходила в сознание. Автоматический биоанализатор сделал ей несколько инъекций, и Клаус устроил ее на импровизированной постели возле костра. Гиг, хранящий стоическое загадочное молчание, неподвижно висел у ее изголовья.

Мысли Клауса вновь вернулись к проблеме импровизированного экипажа рейдера. Конечно, он мог с легкостью справиться с любым из этих парней, даже со всеми сразу — бойцы из них были, мягко говоря, никудышные, но он совершенно не хотел самоутверждаться подобным образом. В его жизни и так было слишком много смертей и крови. Клаус чувствовал, что он устал, выдохся, как старый седой волк, еще способный завалить добычу, но…

Он пришел сюда не ради того, чтобы командовать ими. У него был свой путь, еще неясный, но, чуяло сердце, последний, и разделить его с ним — это право любого из них, однако никак не обязанность.

Новый порыв ветра завихрился в устье пещеры, взметнув пламя костра и омыв его разгоряченное лицо новой порцией живительной влаги.

За спиной Клауса раздался легкий шорох, и он обернулся.

В свете костра в двух шагах от него стояла Кейтлин.

Ее глаза словно бы выцвели. Они были пустыми, как будто их покинула жизнь. Коротко подстриженные волосы обрамляли худенькое личико. «Совсем еще девочка…» — снова подумал Клаус. Он подвинулся, освобождая место рядом с собой. Кейтлин, ничего не сказав, сделала шаг вперед и уселась рядом, уткнув подбородок в колени. Их разделяло не больше полуметра, и он вдруг заметил, что она вся дрожит.

Клаус снял с себя куртку из толстой термоткани и накинул ей на плечи. Потом достал сигарету и закурил.

Гиг продолжал неподвижно висеть в глубине пещеры.

Первой молчание нарушила Кейтлин.

— Кто ты такой? — тихо спросила она.

Клаус пожал плечами.

— Человек… — ответил он, глубоко затянувшись. — Такой же, как и ты.

— Зачем ты убил шар-носитель? — В ее голосе прозвучала невысказанная мука и плохо скрытая злость.

Клаус хмуро посмотрел вдаль.

— Он контролировал твой мозг, — наконец ответил он. — Разве ты сама еще не поняла это?

— Ты лжешь, — машинально возразила она, невольно прислушиваясь к тому ощущению внутренней пустоты, потерянности и бесцельности, которое так мучило ее с того момента, как разлетелся вдребезги сияющий шар.

— Спроси у Гига, — пожал плечами Клаус. — Ты ведь умеешь разговаривать с ним, когда захочешь, верно?

Она кивнула, соглашаясь с этим очевидным утверждением. Контролировали ее или нет, но мозг Кейтлин сам по себе привык подчиняться логике. В конечном итоге она ведь выросла среди самых совершенных процессоров Галактики.

«Гиг, это правда?» — мысленно спросила она.

«Абсолютная».

Кейтлин вздрогнула и поежилась. Впервые за последние десять лет она оказалась предоставлена самой себе. Осознав это, она невольно получила еще одно подтверждение слов Клауса. Подняв глаза, она взглянула на этого странного, почти непостижимого для нее человека.

«Мы с ним одной крови, — пронзила ее смутившая разум мысль. — Значит, и остальные люди точно такие, как и я?!»

— Что я сделала? — прошептали ее похолодевшие губы. Клаус повернулся и заинтересованно посмотрел на нее.

— Ты не помнишь? — переспросил он.

— Все как в тумане… Мне плохо… Скажи, что происходит?

— Я не знаю, кто ты и откуда, как попала к этим светящимся шарам и почему они владели твоим разумом, но думаю, что сейчас ты вновь возвращаешься к нормальному для любого человека образу мышления, — ответил Клаус, с состраданием глядя на ее землистое лицо и мелко подрагивающие губы. — Не надо перенапрягаться, — быстро добавил он, словно опасался, что она не услышит. — Все образуется само собой. Тебе нужно немного времени…

Глаза Кейтлин вновь опустели. Она словно проваливалась сама в себя, захлебываясь в океане пробудившегося сознания.

Далекие туманные воспоминания, словно клочья порванного былого, мелькали в ее голове…

— Клайфпорт… — медленно выдохнула она. — Я помню… Я… Я Кейтлин Ларош… Мой отец был инженером…

Клаус вздрогнул, услышав слово «Клайфпорт». По его спине медленно проползла волна ледяного озноба. Может ли такое быть? Неужели она…

Он повернул голову, стараясь унять внутреннюю дрожь. Клайфпорт… Это было название той самой злополучной подледной базы на Луне-17.

Еще один круг замкнулся.

— Ты помнишь что-нибудь? — спросил он.

— Да… — Кейтлин закрыла глаза, и далекие воспоминания ворвались в ее мозг, словно там распахнули настежь запечатанное окно, ведущее в прошлое.

— Я помню… — едва слышно повторила она. — Мне было десять лет… Я… — Она вдруг задохнулась, вновь почувствовав себя маленьким, парализованным ужасом комочком плоти, падающим среди ледяного крошева обвала…

Она не могла говорить. Все слова застревали где-то в пересохшем горле, но зато ее слышал Гиг. Это странное, загадочное существо было не столь простым, глупым и наивным, как могло показаться на первый взгляд.

Он вел свою непостижимую жизнь и в данный момент по каким-то соображениям решил сыграть роль посредника между Клаусом и Кейтлин. Быть может, его просто забавляли мысленные реакции двух двуногих существ? Но, так или иначе, Клаус внезапно ощутил легкую эманацию чуждого разума, словно что-то теплое, как язык собаки, лизнуло его мозг — и вдруг…

Проникновение в чужую память оказалось страшным до дурноты действом. Клаус не мог подумать, что можно так полно перевоплотиться…

…Он был маленькой десятилетней девочкой, падающей в бездонную пропасть ледового обвала. Он чувствовал все, даже удар о базальтовый пол пещеры отдался тупой болью в его боку…

Прошло несколько бесконечных секунд, и он, задыхаясь от ужаса, стоял перед светящейся спиралью Интеллекта внутри сомкнувшегося кварцевого бутона, чтобы навсегда покинуть этот мир, обрушив вниз тонны льда, внутри которого были проложены жилые кварталы Клайфпорта.

— Мама… Мамочка!.. — задыхаясь от ужаса и сам не понимая, что делает, побелевшими губами шептал он, когда мир вокруг вдруг взорвался, распадаясь на радужные спектральные полосы гиперперехода.

Интеллект возвращался в свой мир… А он был его первым Носителем.

По воле маленького кожистого мячика ему предстояло пережить холод, изнуряющий физический труд, голодные обмороки и вызванную хронической усталостью болезнь. Он был Кейтлин, а Кейтлин была им.

Он служил Интеллекту, а она медленно выкарабкивалась из небытия в реанимационном отделении тюремной больницы форта Стеллар…

Глава 8. Джоарги

3737 год Галактического календаря. Сфера Дайсона. Колония людей.

Обычный, ничем не примечательный закат мрачно догорал над бескрайней равниной. Огромная прямоугольная плита беззвучно скользила в багрово-фиолетовом, похожем на свежий кровоподтек небе, медленно наползая на тусклый диск красного солнца.

Внизу, где слабый ветер лениво шевелил пожухлый травостой, по земле ползла ровная, будто обрезанная ножом тень. Это была граница дня и ночи. Тут никогда не бывало сумерек. Так был устроен этот мир, задуманный его творцом как нечто незыблемое, рациональное и симметричное.

Тень от скользящей в небесах платформы двигалась по земле, поглощая километр за километром, и следовавшая по пятам за ней ночь была так же безлика и лишена какого бы то ни было очарования, как и породившая ее циклопическая прямоугольная плита. Не было в угольно-черном небе ни звезд, ни лун — ничего, лишь тьма, как оглушающая и не терпящая возражений команда ко сну.

Однако кто бы ни был изначальным творцом этого мира, он покинул его очень давно, и нашлись во Вселенной существа, которые пришли сюда, чтобы смягчить угловатые линии порядка и оживить мертвую незыблемость.

Это были люди.

…Николай следил за закатом, стоя на теплом пластике высокого крыльца. Дом, возвышавшийся за его спиной, был похож на средневековый замок. Высокая стена, облицованная серыми плитами, имитирующими дикий камень, на самом деле была полой сварной конструкцией. Она окружала уютный внутренний двор, в котором росли причудливо изогнутые деревья. Конечно, Николай ничего не знал ни о замках, ни о Средневековье, ни о древней Земле. Этот дом, как и несколько сот других подобных усадеб, разбросанных по огромной площади равнины Красного Солнца, был построен много веков назад его предками, прах которых давным-давно покоился в Мемориале.

Тень плиты продолжала медленно ползти, приближаясь к дому. Вот она добралась до возделанного поля, на краю которого под навесом был запаркован приземистый вездеход, накрыла его, а заодно и два ветряка,

лениво мутузящих лопастями вечерний воздух, перевалила через забор и коснулась крыльца.

Николай глубоко вдохнул и тронул рычажок тяги.

Две реактивные струи пламени рванулись из-за спины, и его подняло в воздух.

Наступала ночь — самое любимое им время суток.

— Коля, смотри, осторожнее… — раздался в крохотном коммуникаторе голос матери, как всегда, наблюдавшей из окна, как реактивный ранец уносит сына на прогулку. — Не задерживайся к завтраку и смотри, около Мемориала полно народа, — не сломай себе шею…

— Хорошо, мам…

Николай отработал правым корректировочным соплом, повернув в сторону от дома. Впереди его ждала удивительная, полная встреч и событий ночь, отчего сердце радостно стучало в его груди, когда он несся в кромешной тьме, подставляя прохладному ветру свое лицо. Что еще нужно человеку в семнадцать лет, кроме ощущения взрослой свободы и бьющего в лицо ветра?

Он улыбнулся собственным мыслям и совершенно машинально повернул к Мемориалу — узкому ущелью меж двух расколовшихся от какого-то древнего катаклизма высоких искусственных гор.

Ранцевые реактивные двигатели, испускавшие за его спиной равномерный вибрирующий гул, были у населения равнины Красного Солнца таким же обыденным средством передвижения, как и электроприводные машины. Просто молодость предпочитала скорость, ветер и ощущение полета.

…Издали Мемориал напоминал узкую трещину, из которой исходил рассеянный зеленый свет, но ближе это впечатление изменялось — змейка вдруг начинала расти, превращаясь сначала в ущелье, а потом, по мере того, как обрывистые склоны расходились все дальше и дальше друг от друга, ущелье постепенно оборачивалось чем-то циклопическим, не поддающимся сиюсекундному восприятию и осмыслению…

Николай приземлился за сотню метров от входа.

На парковочной площадке стояло несколько десятков разного вида внедорожников; в кабинах некоторых из них горел свет и оттуда доносилась приглушенная музыка.

Николай отстегнул крепления ранцевого двигателя, невольно вспомнив о том, что большинство гуляющих тут людей никогда не представляли себе истинного значения и истинной истории этого места.

Ему же посчастливилось ее знать. Как говорил его наставник джеал

Андрегер, «по праву рождения и крови».

Он по диагонали пересек обширную площадку, петляя между запаркованными машинами, зашел в невысокое здание хранилища и сунул свой реактивный ранец в индивидуальную ячейку. Взглянув на часы, он заторопился.

Вход в ущелье перегораживала циклопическая плита, набранная из отдельных, скрепленных между собой ромбовидных пластин толщиной около полутора метров. Металл, из которого она была изготовлена, был очень прочен и не поддавался коррозии. Как и любой мальчишка, Николай еще лет в десять излазил ее вдоль и поперек, цепляясь за рубчатые пластины, дивясь на толщину ромбовидных плит и тщетно пытаясь выцарапать на шероховатой зернистой поверхности свои инициалы. Самые острые металлические инструменты скользили по ней, не оставляя царапин, хотя на поверхности плиты было достаточно рубцов и шрамов древнего происхождения. Словно загадочный обломок прошлого, стояла она, перегораживая вход в место, еще более загадочное и необычное.

Единственная надпись, которую удалось отыскать и прочесть на плите, располагалась в самом низу и была выдавлена сантиметровыми буквами интерангла по краю одного из ромбовидных сегментов — «ЗВЕЗДНАЯ КРЕПОСТЬ».

Еще совсем недавно Николаю ничего не говорили два этих слова… Теперь же, приходя сюда, он каждый раз отыскивал глазами эту неприметную строчку символов, и его сердце наполнял трепет.

Перешагнув через порог гигантских распахнутых створов расположенного в основании плиты входа, он очутился в самом устье Мемориала. От одной стены ущелья до другой тут было не больше двадцати метров.

Под ногами хрустел ковер из тонких латунных цилиндриков разного размера. Свет, исходящий от нижней части стен ущелья, имел фосфорную основу и был красноватым.

Как всегда при входе в это место, Николая пробила короткая дрожь. Он не знал, почему так происходит, но невольно поежился, шагая по звенящему и похрустывающему латунному гравию.

С обеих стен ущелья, гладко отполированных, словно оплавленных неистовым огнем, на него и на гуляющих тут детей и взрослых смотрели сотни человеческих глаз, очень реалистично выполненных в оплавленном материале обсидиановых стен. От них исходила давно позабытая людьми боль. Глаза, подсвеченные фосфором, смотрели с угольно-черных плоскостей на спешащие в глубь Мемориала пары — степенных стариков и

резвящихся детей — в глубокой немой печали.

Никто не любил это место при входе, хотя Николай не раз слышал о его странной притягательности. Люди с раздражением отзывались об угнетенной фантазии предков, но приходили сюда вновь и вновь.

Николай несколько раз поздоровался со знакомыми и смешался с отдыхающими, которые спешили в одном направлении.

Через сотню метров ущелье раздавалось в стороны и одновременно делало свой первый поворот

Скорбящие Стены закончились, и начался участок, которые все называли Долиной Шлака.

Все вокруг было погружено в темноту, в которой прямо в воздухе неподвижно висели маленькие сияющие шарики, образуя странные неправильные узоры серебристых блесток. Эти образования величиной не больше двух сантиметров всегда светились и неизменно находились на своих местах. Сотни раз их пытались забрать с собой и унести, но все безрезультатно — маленькие сгустки холодного света были сотканы из воздуха и проходили сквозь пальцы. Николай как-то слышал разговор двух взрослых о том, что это, вероятно, голографическая проекция…

Под ногами по-прежнему похрустывало, но теперь это был не металл, а шлак. Черные твердые комочки устилали землю, отчего и появилось название этого участка Мемориала.

Ущелье опять плавно изогнулось, его стены разошлись еще дальше, и впереди забрезжил нежно-зеленый свет. Здесь появлялись первые деревца. Они были кривыми и тощими, словно больными, но упрямо тянулись вверх, к свету. С каждым шагом деревьев становилось все больше, они выпрямлялись, и их листва заметно менялась, наливаясь свежестью.

Это и была та часть Мемориала, куда приезжало на отдых все население равнины. Тут назначались свидания и проводились неофициальные встречи, среди деревьев прятались маленькие уютные кафе, покрытые травой дорожки вели к мелководным озерам, по берегам которых были выстроены бунгало для желающих провести в этом маленьком зеленом раю несколько дней.

Это было любимое место всех жителей равнины Красного Солнца, но никто не знал или, может быть, просто не хотел знать истинного смысла и значения Мемориала. Сюда приезжали отдохнуть, а не задаваться вопросами.

Николай, спешивший по одной из боковых аллей парка в глубину Мемориала, имел свою конкретную цель. С каждым шагом его глаза блестели все лихорадочнее от плохо скрытого возбуждения. Вот уже около

года у него была Тайна. Такая, которой он ни с кем не мог поделиться, потому что дал клятву.

Семнадцатилетний юноша был одним из Посвященных. Одним из очень немногих людей, кто знал истинную историю.

Его судьбу предопределило генетическое наследство — Николай Воронцов был последним из прямых потомков основателей колонии. Но даже его мать не знала об этом. Да и он сам был посвящен в собственное генеалогическое древо не так давно — всего десять месяцев назад, как раз в день своего совершеннолетия.

У дальней стены ущелья, в тупике аллеи, где вековые деревья вплотную примыкали к скалам, образуя тенистый шатер, его уже ждали.

Из зеленого сумрака, неслышный и неотличимый от собственной тени, вышел высокий статный человек с голубыми глазами. Это был Андрегер — наставник Николая.

— Доброй ночи, джеал! — радостно поприветствовал его мальчик.

— Доброй ночи, мой юный друг. — Андрегер потрепал его по плечу. — Сегодня ты явился даже раньше, чем вчера, — заметил он, увлекая Николая к отвесной стене.

— Мне нравится тут… Это…

— Возбуждает? — с легким оттенком иронии подсказал старый Джоарг.

Николай кивнул. Он уже понемногу начинал привыкать к проницательности Джоаргов. И чем больше он их узнавал, тем сильнее ему хотелось стать одним из них…

Тем временем небольшой, тщательно закамуфлированный под общий фон сегмент стены отошел в сторону, открыв узкий проход. Они вошли, и стена за их спиной бесшумно встала на место.

Коридор был просто расселиной, кривой и узкой. Конечно, можно было его выпрямить и расширить, но это место, как и весь комплекс пещер Мемориала, о котором знали лишь единицы избранных, обладал негласным табу. Здесь все сохранялось неизменным. Точно таким, как было почти тысячу двести лет назад.

Первое помещение, которому кто-то из основателей Ордена Джоаргов дал поэтичное название «Зала Двух Ликов», было освещено рассеянными лучами исполненной при помощи голографического проектора маленькой опалесцирующей туманности.

Со стен зала смотрели два лица, выполненные в виде барельефа.

Семен Воронцов и Яна Илбрехт.

Их лица были обращены вполоборота друг к другу, и пятна багровых

отсветов от спроецированной в центре зала туманности играли на них, делая их черты почти живыми. Теперь Николай знал, что он — самый младший и пока что последний их прямой потомок.

Сразу за этим залом начинался настоящий лабиринт. Широкие, втрое превышающие человеческий рост тоннели вели в разные стороны, причудливо изгибаясь и не подчиняясь никакой симметрии. Они были освещены тусклым зеленоватым сиянием, которое испускал сам материал стен, так что походили на мутные световые реки, то и дело вливающиеся в исполинские озера залов.

Николай уже знал, что это построили не люди. Какие-то древние обитатели сферы жили тут в незапамятные времена. От них осталось лишь тусклое сияние этих стен.

«Печально… — подумал он, шагая вслед за Андрегером. — От них не осталось даже праха… И мы не догадываемся, кем были эти загадочные строители…»

Иногда ему становилось очень обидно, что никто не знает об этой части Мемориала. Тут было на что посмотреть и о чем задуматься. И прежде всего над их собственным прошлым.

Дело в том, что залы подземелий отнюдь не были пусты. Их наполняли мысли Семена Воронцова, который, собственно, и создал Мемориал. И эти мысли, его странная, порой гротескная и непонятная фантазия были облечены в материал древних артефактов. Они принадлежали людям и вызывали не благоговение, а страх.

Для трансформации своих мироощущений Семен выбрал дезактивированных боевых роботов, которыми были полны отсеки Крепости — сферической межзвездной станции, на которой пытались спастись люди из уничтоженных галактической войной миров. Они не дожили до того дня, когда нога первого человека ступила на землю сферы. Эта судьба была уготована их детям, которых они спасли ценой собственных жизней.

Когда Николай шел по залам, созерцая созданные Семеном скульптурные группы, его всегда начинала бить крупная дрожь… Вплавленные в стены эндоостовы смертоносных боевых машин скалились хромированными покатыми черепами с узкими разрезами триплексов вместо глаз, за которыми по тусклым отсветам линз можно было угадать наличие видеокамер… Руки им заменяли спаренные или же счетверенные стволы вакуумных турелей, ноги — уродливые культи генераторов антигравитации. Люди в силу какой-то непонятной мании всюду копировали сами себя, даже в том случае, когда это выглядело уродливо и

нефункционально…

Конечно, не все боевые машины напоминали гуманоидов, и большая их часть просто стояла в этих залах, поражая воображение своими размерами, в десятки раз превышающими человеческий рост, и разнообразными орудиями уничтожения, в изобилии торчащими из раскрытых диафрагм и орудийных портов…

«Лабиринт сознания» — так мысленно окрестил для себя Николай эти пещеры.

Всех разбросанных по лабиринту роботов объединяло только одно — их боевые компьютеры были демонтированы, и внутри машин зияли черные прямоугольные дыры от вынутых блоков. Куда их девал Семен, оставалось загадкой даже для Джоаргов.

Пока Николай размышлял, следуя по пятам за молчаливым Андрегером, они незаметно миновали большую часть пути. Еще один поворот, и перед Николаем открылась уже знакомая ему панорама — узкий коридор с прозрачными стенами, за которыми по обе стороны плавала ночная мгла. Они находились почти на самой вершине правой горы Мемориала. Если подойти вплотную к прозрачной стене и взглянуть вниз, то можно разглядеть освещенные изумрудным сиянием отвесные стены ущелья, кроны деревьев, багряный отсвет Скорбящих Стен и дальше, у темного горизонта, редкие огни разбросанных по равнине поселений.

Коридор заканчивался одной-единственной дверью. Она была старой, сродни той плите, что закрывала вход в Мемориал со стороны равнины. Николай, уже успевший освоиться с этим местом, больше не удивлялся тому, что прямо за ней на плоской вершине горы комплекс Мемориала венчал фрагмент космического корабля предков. Дверь, которая лениво отъехала в сторону при их приближении, вела в главный пост управления Крепости.

Сама межзвездная станция была полностью демонтирована больше тысячи лет назад. Ее материал пошел на строительство тех самых разбросанных по равнине усадеб, но несколько центральных постов управления Семен Воронцов сохранил нетронутыми, и их перенесли сюда, на вершину горы, соединив прозрачным тоннелем с комплексом пещер Мемориала.

Это было весьма мудрым и дальновидным решением, с точки зрения Николая. При помощи управляемых компьютером локационных систем древнего корабля с вершины этой горы можно было контролировать не только всю равнину Красного Солнца, но и тысячи километров прилегающих к ней болот, пустошей и других не заселенных людьми

территорий.

Переступив порог поста управления, они с Андрегером оказались в совершенно ином мире. Здесь все резко диссонировало с привычной обстановкой. Многоярусные пульты поднимались под самый потолок, образуя амфитеатр рабочих мест. Вокруг светились десятки мониторов и сотни контрольных огней. Центральный процессор Крепости — рубчатый цилиндр диаметром около метра и высотой от пола до потолка — тихо шуршал охлаждающими вентиляторами. Он был установлен в самом центре поста и, как колонна, подпирал его полусферический свод.

Кивнув Николаю в сторону ряда свободных кресел, Андрегер подошел к терминалу связи и склонился над ним. Наставник был явно чем-то озабочен, и Николай чувствовал, что сегодня дело не ограничится ознакомлением с очередным аппаратным комплексом этого зала.

Он не ошибся. Предводитель Джоаргов, очевидно, послал сигнал сбора по коммуникационной сети поста, потому что буквально через минуту со всех сторон сюда начали подходить люди.

Внешне они ничем не отличались от остальных жителей равнины, также, как Николай не выделялся среди своих сверстников. Единственное, что отличало их и всегда помогало безошибочно узнать друг друга в толпе народа, — это глаза. У Джоаргов независимо от возраста и рода занятий были глаза стариков, словно витающий в этом месте дух тысячелетий понемногу впитывался в них, делая взгляд глубоким, проницательным и задумчивым…

И еще одной отличительной чертой этих людей было немногословие. «Это и понятно, — подумал Николай, обменявшись крепкими рукопожатиями с двумя появившимися из глубин зала мужчинами, — ведь большую часть времени им приходится контролировать свою речь и поступки». Что такое стопроцентный самоконтроль, когда нужно жить обыденными проблемами, а все мысли витают тут, среди этих залов, он познал на собственном опыте.

Через минуту вокруг Николая и Андрегера собралось около тридцати человек, и до него вдруг дошло, что случилось нечто из ряда вон выходящее — тут присутствовали все без исключения Джоарги, и такое на памяти Николая происходило впервые…

Андрегер поднялся на небольшой подиум перед креслами и сделал знак рукой, требуя внимания. За его спиной светился двухметровый демонстрационный монитор, соединенный с центральным процессором поста. Две пространственные геометрические фигуры медленно кружили по нему, сплетаясь в грациозных па виртуального геометрического вальса.

Это работала простейшая программка хранителя экрана.

Андрегер поднял руку, требуя тишины.

— Тысячу двести лет назад, по стандартному человеческому времени, наши предки впервые ступили на поверхность сферы. — Старый Джоарг начал говорить без всяких вступлений и, заметив несколько озадаченных взглядов, пояснил: — Я сделаю маленький экскурс в нашу истинную историю лишь потому, что дальше речь пойдет о вещах, непосредственно с ней связанных. — Он повернул голову к монитору, и на нем вместо заставки мгновенно возник электронный слайд.

В бездонной, расстрелянной серебристыми точками звезд тьме висела клубящаяся спиралевидная туманность, вокруг которой по вытянутому эллипсу словно ожерелье расположились сверкающие угловатые обломки космических кораблей. В одном месте они уплотнялись, образуя неправильной формы сферу.

Андрегер несколько секунд смотрел на изображение, как будто видел его впервые, хотя каждый из присутствующих тут знал его с момента посвящения в Джоарги. Это было кладбище изувеченных войной кораблей, оставшееся на месте одной из первых битв галактической войны. Николай знал, что это документальный кадр и где-то среди этих угловатых обломков теплятся жизни двух десятков уцелевших в битве людей. Никто не придет к ним на помощь, и они погибнут, отчаянно пытаясь вырваться с кладбища кораблей, которое сами же и создали своей безумной ненавистью друг к другу.

Взрослые погибнут, не выдержав противостояния с боевыми роботами, которыми кишат эти самые обломки крейсеров и фрегатов. Машины будут вести беспощадную борьбу друг с другом, а заодно и с людьми, потому что так предписывают их программы.

Николай знал это не понаслышке. Ему серьезно начинало казаться, что мысли Семена Воронцова, его память и боль, заключенные в стенах Мемориала и сотнях сюрреалистических скульптурных групп, постепенно становятся его собственной памятью и мыслями. А может, так оно и было на самом деле? И цель создания Мемориала — заставить работать человеческий мозг на уровне подсознательных ассоциаций?

Он, как и Андрегер и остальные Джоарги, молча смотрел на неподвижный слайд, и реальность постепенно растворялась, словно сознание переселялось туда — в холодные, законсервированные вакуумом обломки человеческого безумия, где среди плавающих в невесомости мертвых тел прятались от боевых машин и отчаянно боролись за жизнь Семен и Яна — их предки.

Они нашли друг друга в этом холодном безмолвном аду. Они выжили и повзрослели. Восстановив один из кораблей, они покинули кладбище, с тем чтобы вернуться к обитаемым мирам, которые к тому времени сотрясала новая, еще более жестокая война.

Трудно вообразить, сколько горя хлебнули двое молодых людей, выросших среди холода и смерти, когда под куполами форта Стеллар им открывалась настоящая будничная реальность самоуничтожения человечества. Люди ненавидели друг друга так сильно, что остановить раскрученный однажды маховик безумия казалось делом совершенно невозможным…

Им не нашлось места в том мире, куда они так страстно стремились в наивных детских мечтах. Казалось, цивилизация обречена на гибель. Целые поколения на десятках планет рождались и умирали во имя войны.

Сейчас, по прошествии стольких лет, никто не знал, каким образом в руках Семена и Яны оказалась порядком потрепанная в боях уникальная межзвездная станция, на которой несколько тысяч человек пытались бежать от охватившего Галактику безумия. Из сохранившихся документов было ясно только одно — Крепость, стартовавшая в 2507 году из системы Эпсилон Эридана, долгое время не давала о себе знать, канув в небытие и превратившись в легенду.

Трудно предположить, какими путями Семен и Яна вели свой почти безнадежный поиск загадочной станции, но в конце концов им удалось осуществить то, что являлось золотой мечтой нескольких поколений флибустьеров и авантюристов, — межзвездная станция, этот уникальный кладезь передовых космических технологий, была найдена ими.

Ее загадочное исчезновение объяснялось достаточно просто — почти сразу после своего исторического старта Крепость подверглась самонадеянной атаке одного из космических флотов Земли. Командующий флотом адмирал мечтал захватить ее и присвоить себе все лавры победителя. Это ему не удалось, в результате космической баталии весь его флот был уничтожен, а сама станция оказалась сильно повреждена, потеряв девяносто процентов своих защитников.

Почти столетие продолжался ее неуправляемый дрейф. Станция плыла в космосе, окруженная обломками уничтоженного флота, и ее покалеченные системы постепенно приходили в упадок, отключаясь одна за другой. Когда Семен Воронцов вместе с загадочным роботом-андроидом по имени Андор, упоминания о котором есть во многих самых ранних хрониках поселения сферы, поднялись на борт звездной Крепости, они обнаружили там всего лишь один источник энергии, который питал

аппаратуру огромного криогенного зала.

В камерах сверхглубокого сна лежали дети тех, кто погиб, защищая станцию. Их было несколько сотен.

После тщательного осмотра стало ясно, что прерванный полет звездной Крепости может быть продолжен. Теперь Семен и Яна были единственными членами ее экипажа, навигаторами, пилотами, механиками и… родителями для нескольких сотен спящих и ничего не подозревающих детей.

…Голос Андрегера, старейшего из Джоаргов, вырвал Николая из глубокой задумчивости.

— …Семен утверждал, что нужно взять новое поколение и вырастить его вдали от ужасов войны, — дошла до Николая сказанная им фраза. — Попав сюда, в покинутую и частично разрушенную сферу Дайсона, созданную неизвестной нам цивилизацией, Семен и Яна отлично понимали, что им нужно воспитать пробужденных ото сна детей без всяких намеков на ужасы войны… Проще всего было просто не упоминать о человеческих войнах и цивилизации старой Галактики вообще. Это было мудрое и оправданное решение, — произнес он. — Наше общество живет в мире уже тысячу двести лет. Мы создали свою, совершенно уникальную систему моральных и материальных ценностей, и наш труд, направленный на восстановление того участка сферы, который все привыкли называть равниной Красного Солнца, медленно, но верно дает свои плоды.

Андрегер погасил слайд и повернулся.

— Однако мудрость нашего предка не исчерпывается перечисленными мною фактами. Над нашим сообществом с самого начала, словно дамоклов меч, нависали две реальные угрозы. Во-первых, мы до сих пор не знаем, кто, когда и как построил сферу. Во-вторых, старая Галактика никуда не исчезла, и неизвестно, какими путями развивается экспансия человечества и живо ли оно вообще. Если да, то рано или поздно наши пути должны вновь пересечься. Ни один корабль, оказавшийся в относительной близости к такому циклопическому сооружению, каковым является сфера Дайсона, не пройдет мимо, не заметив ее. Нашего солнца не существует в смысле визуального восприятия, так как оно полностью окружено не пропускающей света искусственной скорлупой, но зато сама сфера очень интенсивно излучает в инфракрасном спектре, отдавая тепло в космическое пространство. И это излучение заинтересует любого, кто хоть что-то соображает в теории эволюции галактик.

С самого начала Семен предвидел эти проблемы, но он понимал, что если забивать головы детей вероятной в будущем конфронтацией с людьми

из старой Галактики или же с вернувшимися хозяевами сферы, то все его усилия по созданию нового общества будут тут же сведены на нет…

Андрегер на мгновение умолк, собираясь с мыслями.

— Решением этой проблемы стало появление Джоаргов, — спустя несколько мгновений продолжил он. — Почему наше общество свободно от насилия? — спросил он и внимательно посмотрел на собравшихся. — Потому что каждый, кто с детских лет проявляет склонность к более энергичной, нежели у остальных, жизни, кого терзают внутренние искания, сомнения и неудовлетворенность, рано или поздно проходит ритуал посвящения и становится одним из нас. Это мудро, — с усмешкой заключил он, несмотря на тихий ропот, пробежавший по рядам. — Да, часть из вас могла бы стать преступниками закона и возмутителями спокойствия, если бы не посвящение. Мы своего рода предохранительный клапан для спуска излишнего пара, — вновь усмехнулся он, но тут же вновь заговорил вполне серьезно: — Мы обладаем оружием и умеем владеть им. Мы имеем все доступные знания по истинной истории, и в случае встречи с людьми мы готовы к ней.

— Но почему нас тогда так мало, джеал? — не выдержал сидевший в первых рядах Хансвикт, один из молодых, недавно посвященных Джоаргов.

Андрегер покачал головой.

— Это неизбежно, — ответил он. — Когда-то Джоаргов было больше сотни. Но столетия спокойной размеренной жизни сделали свое дело. Наша цивилизация имеет очень ограниченный прирост населения, — заметил он. — Это происходит из-за опасности кровосмешения и полигамии… Пятьсот детей, с которых начиналась цивилизация, не могли дать начало здоровому с точки зрения генофонда обществу. Бесконтрольная рождаемость быстро привела бы к кровосмешению в пятом поколении и, как следствие, — к деградации. Сейчас на каждого второго рожденного естественным путем ребенка мы добавляем одного, чьи гены взяты из низкотемпературных хранилищ Крепости, — пояснил он. — Цивилизация растет медленно, но стабильно. К тому времени, когда мы реконструируем и освоим одну миллионную часть поверхности сферы, контроль за рождаемостью можно будет отменить

— Вы не ответили на мой вопрос, джеал…

— Да, не ответил. Но ты мог бы и сам догадаться, что если в первых поколениях каждый второй был сумасбродом и потенциально годился в Джоарги, то с веками положение изменилось. От добра добра не ищут — так любили говорить наши предки. Мы живем мирной, интересной и обеспеченной жизнью, именно такой, о какой когда-то мечтал Семен. В

нормальном обществе при хорошем воспитании вырастают спокойные дети.

— Значит, все мы — психи? — насупился Хансвикт.

— Нет. Просто тебе интересно быть именно тут, а не выращивать злаки на поле или изучать и восстанавливать древние механизмы управления сферой, — с укором ответил Андрегер.

— Извините, джеал…

— Все нормально. — Джоарг повернулся к экрану, и на нем вспыхнула картинка пасмурного вечернего неба.

Сквозь багряные прорехи в облаках можно было заметить надвигающуюся тень орбитальной платформы. Камера переместилась вниз, показав унылый болотистый пейзаж. Это был фрагмент, снятый в Пустых Землях, куда еще не дошла медленная поступь человеческих почвоукладчиков и дренажных машин. Гиблые Болота — так называлось это огромное пространство, занятое топями. По одной из гипотез, раньше тут располагался мелководный теплый океан, в котором древние обитатели сферы разводили полезные виды животных и растений на гидрофермах. На это указывали горбины холмов, расположенные в строгом порядке. На любом из них можно было обнаружить полости, условно называемые пещерами. В них иногда находили остатки древнего оборудования и непонятных контрольных устройств. То, что все это было разрушено и растащено задолго до появления людей, указывало, что разумная жизнь еще долго теплилась в сфере после того катаклизма, что привел к остановке ее важнейших механизмов по поддержанию внутреннего климата.

— Наш час, похоже, настал… — буднично, без излишней помпы или истерики проговорил Андрегер, когда взгляды всех присутствующих переместились на экран. — Запись, которую вы сейчас увидите, сделана в пяти тысячах километров отсюда несколько часов назад.

Статичное изображение на мониторе вдруг ожило, и у всех вырвался непроизвольный вздох, смешанный с изумленными восклицаниями, когда видеокамера вновь пришла в движение, воспарив вверх, к ближайшему разрыву в облаках, где под тенью орбитальной плиты завис огромный обтекаемый и устрашающий космический корабль.

Николай с неподдельным страхом и любопытством смотрел на экран, и в его голове в эту секунду царило полное смятение. Вот оно, то самое второе пришествие, которого ждали и боялись одновременно. Чей это космический корабль и что он принес в сферу?

Ответ пришел внезапно.

Корабль, чье уплощенное днище плавно перетекало в циклопический

размах двух металлических крыл, был проницаем для мощных сканирующих систем.

Камера автоматически включила набор сканеров и взяла увеличение, показав, как движутся за толстой обшивкой крохотные человеческие фигурки…

Это было похоже на дурной сон или внезапно сбывшееся пророчество… Сзади, вслед за людьми, которые, спотыкаясь и падая, пробежали по огромному ангару и уже карабкались внутрь тупоносого корабля по аварийному приставному трапу, проворно следовало несколько явно механических конструкций. На смазанном изображении, сделанном в инфракрасном диапазоне, все же можно было угадать, как с механической размеренностью поднимаются и опускаются их суставчатые ноги, поддерживая сливающиеся с фоном палубы вытянутые тела. Из их однородной поверхности выступали, плавно вспучиваясь словно волдыри, покрытые пластинами брони вздутия кокпитов, по бокам кашеобразных тел были закреплены сервоприводные конечности, оканчивающиеся зловещими глазницами спаренных стволов. Сенсорные системы выдавали себя короткими отростками гибких антенн и миниатюрными чашечками радаров, вращающихся в специальных заглубленных в броню портах…

Люди уже вскарабкались наверх и скрылись внутри небольшого корабля, когда роботы (а в том, что людей преследуют именно машины, не сомневался никто) вышли на дистанцию визуального контакта и вдруг, остановившись, открыли шквальный огонь по беглецам, смешно приподняв и чуть оттопырив свои верхние конечности, с которых срывались ослепительные росчерки когерентного света. Лазерные лучи полоснули по обшивке корабля, высекая искры и оставляя глубокие борозды в броне.

Николай едва не задохнулся от нахлынувших на него чувств. Все, о чем рассказывали ему Андрегер и другие Джоарги, несмотря на его иронично-настороженное отношение к этим легендам о злой судьбе старой Галактики и бушевавших в ней войнах, все, в чем он сомневался, вдруг обернулось реальностью.

Тем временем события на экране продолжали развиваться. Очевидно, что подвергшийся атаке роботов тупоносый корабль являлся специальной конструкцией, рассчитанной на подобные нагрузки. Он выдержал шквал лазерного огня и, в свою очередь, произвел залп из ракетных установок прямо по запертым створам стартового шлюза.

Видеокамера на секунду погасла, переключаясь в другой режим, когда в борту большого космического корабля вдруг вздулся оранжевый сполох, разворотивший обшивку. Маленький корабль, который едва не опрокинуло

взрывной волной, выскочил через развороченный шлюз и, кренясь на один борт, заскользил в бескрайнем фиолетово-красном просторе вечернего неба.

Видеокамера, нацеленная на базовый корабль, по-прежнему висящий в густой тени орбитальной платформы, показывала, как боевые машины, потеряв цель, остановились, а затем, ворочая суставчатыми ногами, проследовали к двум запаркованным тут же остроносым маленьким машинам со скошенными крыльями, под которыми висели устрашающие гроздья ракет.

По рядам Джоаргов пробежал ропот. Не было никакого сомнения, что они сейчас будут свидетелями охоты машин. Они собирались догнать бежавших с корабля людей. В фокус камеры попал ближний из истребителей. Темный колпак, расположенный сразу за иглообразным носом, медленно отъехал вверх, обнажив гнездо, куда, поджав свои конечности, идеально поместился робот. Еще секунда, и машина рванулась с места, с невероятной скоростью вылетев из корабля, и, совершив крутой разворот, устремилась в ту сторону, где несколькими секундами раньше скрылись беглецы.

Вслед за первым истребителем из створов вылетел второй и устремился в том же направлении.

Огромный корабль-матка, выпустивший их из своего развороченного чрева, еще некоторое время висел неподвижно, а затем, плавно выйдя из-под прикрытия платформы, поднялся на несколько сот метров выше ее края. Отработав двигателями коррекции, он повернул, на некоторое время завис, уравняв свою скорость со скоростью движения орбитальной конструкции, а затем совершил плавную и изящную посадку, прямо в центр огромной плиты, сразу же пропав из поля зрения видеокамеры, установленной на возвышенности среди бескрайних болот.

Запись закончилась.

Глава 9. Гиблые болота

Сфера Дайсона. Пять тысяч километров от равнины Красного Солнца…

Дождь закончился как раз к утру. Стоило черной ровно обрезанной тени уползти вдаль, унося с собой непроглядный ночной мрак, как вслед за ней потянулись гряды облаков. Сильный утренний ветер недолго буйствовал над унылой топью — согнав облака, он утих.

Кейтлин вышла из узкого зева их ночного пристанища и огляделась вокруг. От болота тянулся нарезанный неровными полосами розовый туман. Сверху пригревало застывшее в зените красное солнце, и от маслянистой поверхности болотной жижи поднималось невесомое кружево испарений.

Девушка сладко потянулась, ощущая приятную ломоту во всем теле, и замерла, удивленно прислушиваясь к себе.

Что-то было не так… Кейтлин нахмурилась, пытаясь понять, в чем дело, но в ее голове роилось столько совершенно новых для нее ощущений, что она моментально запуталась в них. То, что бурлило где-то внутри, то подступая к самому горлу, то уходя вглубь, приятно холодя живот, не поддавалось математическому осмыслению.

Кейтлин присела, поймав себя на том, что непроизвольно улыбается, и, склонив голову, закрыла лицо ладонями.

Она выспалась… Первый раз бог знает за сколько лет она проснулась сама, не от мнемонического окрика шара-носителя, а оттого, что просто больше не хотела спать. Ее глаза не болели так, словно в них насыпали песка, ее разум был чист и свеж, как холодная капелька утреннего тумана…

Кейтлин сидела, страшась шелохнуться. Она не верила ни одному своему чувству. Что-то новое и непонятное рождалось в ее душе, и это чувство совершенно не походило на те эмоции, что так настойчиво и грубо внедрялись в ее сознание Интеллектом.

Это не могло быть той ненавистью, что мучительно сжигала ее меньше суток назад.

Нет. За эту ночь в ней проснулось нечто более сильное, чистое и опасное.

Она была здоровой, гибкой, закаленной душой и телом двадцатилетней женщиной, с глаз которой внезапно сорвали покрывало предвзятости. Она смотрела вокруг, не зная, как отнестись к окружающему

ее миру.

Сзади раздался скрип и шорох гравия, которым был усеян голый покатый склон холма.

Кейтлин молниеносно обернулась, не издав при этом ни звука.

Клаус, который только что появился из темного устья пещеры, на секунду замер у выхода. Его покрасневшие глаза внимательно обшарили взглядом курящуюся туманом испарений болотную гладь. Не заметив ничего подозрительного, он отошел на несколько шагов, сел и подтянул к себе продолговатый кофр, на котором крупными буквами было выведено: «Аварийный запас».

Кейтлин следила за ним, невольно затаив дыхание.

Расстегнув магнитную «молнию» комбинезона, он скинул его с плеч, достал из кофра пластиковый предмет и начал производить над ним какие-то манипуляции.

Ее сердце глухо застучало. Она сидела тихо как мышка, глядя на застывшего вполоборота к ней обнаженного по пояс мужчину.

Ее взгляд медленно скользнул по рельефным буграм мышц его спины. Два шрама под правой ключицей заставили ее вздрогнуть. «Пулевые ранения…» — подумала Кейтлин, сама не понимая, что с ней происходит и почему она вообще испытывает волнение, глядя на этого человека. Казалось, она должна его ненавидеть. Обмен мысленной информацией, произошедший при посредничестве Гига, ясно показал, что именно он, а не кто-то другой, пытал Интеллект в подледной пещере на Луне-17…

Пытал… Она закрыла глаза, пытаясь совладать сама с собой, но все было бесполезно. Холодный, рациональный искусственный мир, в котором последние десять лет обитали ее воля и сознание, был утрачен навсегда. Вместо этого пришли ощущение потерянности, странная внутренняя боль и целый сонм неосознанных желаний.

Она не могла его ненавидеть. Кейтлин вдруг с ужасом поняла, что он — самый близкий и желанный для нее человек во всей Вселенной. Это было глупое, совершенно иррациональное влечение, если рассматривать его с точки зрения логики и разума, но что она могла поделать, если мир вокруг рухнул, а внутри самой Кейтлин внезапно забушевал огонь, сжигая все, что было втравлено в ее душу сверкающими шарами-носителями.

Она открыла глаза.

Клаус брился, сидя на корточках подле плоского камня, на котором был разложен гигиенический прибор из запаса аварийного кофра. Его кибернетический протез неуклюже сжимал в механических пальцах хрупкий пластиковый прибор для бритья. Клаус морщился, совершая

непривычные движения, но упорно продолжал бриться. Его мускулы блестели от пота, выдавая те усилия, что прилагал он для такой простой, с точки зрения здорового человека, операции.

Кейтлин смотрела на него, сгорая от непреодолимого желания встать, подойти и коснуться его руки чуть повыше локтя, там, где над протезом начиналась живая плоть.

Она вдруг поняла, что этот человек не мог осознанно пытать кого бы то ни было… Его сознание шло по совершенно непонятному ей пути. Почему? Почему он не переложит этот злосчастный прибор в здоровую левую руку и не перестанет мучить себя?

Конец этой молчаливой двусмысленности положил Гиг.

Вылетев на свет из темной пещеры, он описал в воздухе замысловатую петлю и завис над головой Клауса.

Холодный язычок чужой мысли очень осторожно коснулся разума человека.

«Ты доволен?»

Рука Клауса дрогнула, и он едва не поранил себя.

«Иди прочь, маленький засранец…»

Гига подбросило на пару метров вверх. Он описал удивленную петлю и завис между Клаусом и зеркалом, вмонтированным в крышку кофра.

«Сердишься? Почему?»

Клаус со вздохом прекратил бритье и посмотрел на сморщенный коричневый мячик, висевший прямо перед его носом.

«Зачем ты стравил меня и Кейтлин?» — мысленно спросил он, прилагая усилие, чтобы не продублировать это вслух. Он еще не привык к такому способу общения.

«Неправда! — Гига отбросило назад. Клаус уже успел заметить, что большинство эмоций этого существа отражалось в движении. — Ты большая глупая хреновина! — спустя мгновение авторитетно заявил мысленный голос. — Вы обменялись мыслями!»

«Я это уже понял. Но она воспитана Интеллектом, а я здорово потрепал этого светящегося ублюдка на Луне-17, — ответил Клаус. — Теперь она…»

Гиг заложил новый вираж, оборвав его мысль.

Клаус почувствовал неладное и обернулся. За его спиной в двух шагах стояла Кейтлин. Ее глаза лихорадочно блестели.

— Выспалась? — Он спросил первое, что пришло ему на ум, совершенно не представляя, как он должен общаться с ней теперь, после этой дождливой безумной ночи. Еще вчера все было предельно ясно: она

ненавидела его и все человечество. Дотянется — убьет. А в кого она превратилась теперь, освободившись от телепатического контроля со стороны светящихся шаров и обменявшись частицами сознания со старым циничным солдатом, которого тоже порядком покалечила жизнь?

Кейтлин кивнула, ответив на его вопрос, и вдруг… улыбнулась!

— Страшно хочется есть, — призналась она.

В этот момент Клаус был полностью солидарен с мнением Гига насчет «глупой хреновины». Эта девочка была намного умнее, прозорливее и честнее, чем он мог предположить. Или она хитрит? — закралось в душу сомнение.

— Сейчас… — Он натянул спущенный с плеч комбинезон, застегнулся и опять склонился над кофром, достав оттуда две саморазогревающиеся капсулы с дневным рационом.

— Это нам, — пояснил он, с сомнением посмотрев на Гига. — А вот что предложить ему…

— Не волнуйся, — перебила его Кейтлин, — Гиг сам позаботится о своем завтраке.

Кожаный мячик описал несколько кругов над пузырящейся топью и стремительно исчез, за несколько секунд слившись с туманной линией горизонта.

Клаус облегченно вздохнул. Как бы там ни было, но в присутствии телепатов он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Садись… — Он указал Кейтлин на плоский валун, который был скорее всего какой-то отшлифованной эрозией деталью древнего механизма сферы. — Нам нужно обсудить наше положение. А заодно и подкрепимся, не возражаешь?

Кейтлин кивнула. Сев напротив Клауса, она взяла в руки контейнер с подогретым завтраком, но, несмотря на голод, она не торопилась наброситься на еду.

— Это не повредит мне?

— Не думаю, — пожал плечами он.

Кейтлин осторожно попробовала. Неловко зажав в пальцах вилку, она отломила кусочек синтетического мяса и отправила его в рот.

Хороший пикник, подумал Клаус, исподволь наблюдая за окрестностями. Ел он машинально, совершенно не ощущая вкуса пищи. Кейтлин же, напротив, быстро вошла во вкус и ела с явным удовольствием.

— Расскажи мне об Интеллекте, — спустя некоторое время попросил Клаус. — Честно признаться, я до сих пор не возьму в толк, кто он такой и что ему нужно?

— Он — машина. Огромный, обладающий самосознанием кристаллический фотонный процессор, который построил сферу Дайсона и управлял ею три миллиона лет назад.

— А Гиг?

— Гиг — потомок тех, кто создал Интеллект. Раньше сферу населяли четыре разумные расы. Теперь остались только две. — Кейтлин закончила есть и, положив на землю пустой контейнер, машинальным жестом взъерошила свои волосы.

— Здесь есть цивилизации? — удивился Клаус.

— Нет… — покачала головой Кейтлин. — Они деградировали. И сородичи Гига, и инсекты балансируют на грани вымирания. Сфера получила серьезные повреждения во время атаки Предтеч, а три миллиона лет безвластия довершили процесс. Климат этого мира безнадежно утерян. К тому же в оболочке есть три пробоины, через которые постепенно истекает атмосфера.

Клаус встал и подошел к кромке воды.

— Зачем ты атаковала Эрлизу? — задал он наконец мучивший его вопрос.

— Не знаю… — честно призналась она. И, предупреждая его следующий вопрос, добавила: — Мной руководил шар-носитель. Ты был прав, это фотонный аналог человеческого контроллера для клонов.

— Быть может, Интеллект хочет восстановить сферу? — с сомнением предположил Клаус. — Киборги были бы идеальной рабочей силой для этого.

Кейтлин подняла голову и взглянула на него. Клаус видел, как в ее глазах мелькнул панический огонек. Он понял, что она что-то знает, просто не может или не хочет сказать…

— Ну?.. — вопросительно прищурился он.

Кейтлин потупилась. В ее душе шла борьба. С одной стороны, она должна сказать ему правду… но что он после этого будет думать и делать? Она боялась последствий своего откровения.

— Интеллект оказался отрезан, — наконец проговорила она. — Он заперт на небольшом пятачке, откуда может контролировать едва ли одну тысячную часть поверхности сферы. Все механизмы безнадежно разрушены.

— Тогда откуда взялись шары-носители и твои клоны?

— Шары собрала я, — призналась Кейтлин. — Для этого Интеллект пожертвовал частью своей периферии.

— Камера клонирования? — жестко спросил Клаус. — Откуда он взял

технологию и камеру?

Кейтлин молчала, угрюмо глядя в землю. Клаус подошел к ней и присел на корточки.

— Ты должна мне все рассказать!

Из глаз Кейтлин внезапно брызнули слезы.

Она наконец поняла все… Все, что натворила за эти годы под контролем светящихся шаров.

Перед ее глазами стоял тот уже наполовину стершийся в памяти день… День, когда худая, одетая в лохмотья пятнадцатилетняя девочка, у плеча которой висел неизменный шар-носитель, убила человека.

Все вспоминалось ей как в полусне. Обрывки воспоминаний никак не хотели сложиться вместе. Она долго сидела в кустах неподалеку от здания, на фасаде которого была прикреплена табличка с надписью: «Зародышевый инкубатор. Посторонним вход воспрещен».

Внутри за закрытыми дверями находился один-единственный человек. На нем был надет белоснежный комбинезон. Лицо закрывала прозрачная маска мягкого шлема. Он ходил между рядами продолговатых камер, что-то переключая на срощенных с ними консолях и записывая показания приборов.

По информации, полученной от шара-носителя, она знала, что тут оккупировавшие участок сферы люди выращивают часть своего потомства. В продолговатых камерах лежали их дети. Однако Кейтлин не интересовали инкубатор и аппаратура искусственного вынашивания младенцев. В соседнем помещении стояли еще две камеры.

«Вперед!» — раздалась в ее голове оглушительная, подкрепленная порцией боли команда шара.

Она выбралась из кустов и на негнущихся ногах подошла к дверям здания. В руках пятнадцатилетняя Кейтлин сжимала древний импульсный пистолет.

Отыскав кнопку, она позвонила.

Человек внутри здания бросил свою работу и пошел к дверям.

— Джоэл, это ты? — раздался из коридора его голос. — Чего тебе не спится в такую рань?

Сухо щелкнул электромагнитный запор, и дверь приоткрылась. Увидев Кейтлин, человек остолбенел.

— Ты откуда, девочка?! — изумленно воскликнул он.

«Огонь!» — полыхнул в ее мозгу не терпящий возражений приказ.

Гашетка послушно подалась под ее пальцами, и на белоснежном комбинезоне стоявшего перед ней человека вдруг расцвело алое пятно. Он

взмахнул руками, схватившись за простреленную грудь, что-то вскрикнул и вдруг бесформенным кулем повалился на порог…

…Неужели прошло всего пять лет?

Она подняла голову, бесполезно пытаясь спрятать глаза от пронзительного взгляда Клауса, который сидел перед ней, опустившись на корточки.

Она вспомнила, какую жгучую ненависть вызывал в ней этот человек всего сутки назад. Как она проклинала его и мысленно клялась убить! Чудовище, монстр, который пытал ее хозяина!

Не выдержав, Кейтлин разрыдалась, давясь слезами. Теперь, когда пелена всеобъемлющего контроля спала с ее мозга, она могла достаточно беспристрастно рассудить, кто из них двоих является монстром…

Здоровая рука Клауса осторожно коснулась ее щеки.

— Успокойся, — попытался уговорить ее он. — Что бы ты ни сделала, вина за это ляжет на…

Она оборвала его, прижавшись заплаканным лицом к сильной мускулистой груди.

— Клаус, я убийца, — безысходно прошептала она.

— Откуда Интеллект получил камеру клонирования? — упрямо переспросил он, продолжая гладить ее взъерошенные волосы.

Кейтлин всхлипнула, еще сильнее вжавшись в его грудь, словно ища спасения от самой себя…

— Здесь есть люди. — Ее горячий шепот был едва слышен. — Я пришла рано утром и застрелила одного из них. Потом шар-носитель приказал мне погрузить в аэроджип два тяжелых цилиндра, кучу лазерных дисков, компьютер и еще какие-то танки с растворами. Потом мы улетели…

Новая мысль, пронзившая разум Кейтлин, едва не свела ее с ума.

— Там были дети! — уже не управляя собой, вскрикнула она, машинально оттолкнув Клауса. Вскочив с места, она рванулась было прочь, но бежать было некуда. Кейтлин споткнулась и остановилась. Ее пустые глаза смотрели в туманную даль болот, а в душе росло дикое, безумное чувство… Ее пальцы непроизвольно сжимались в кулаки.

Маленькие, показавшиеся ей отвратительными красные сморщенные эмбрионы, омываемые струями физиологического раствора, лежали внутри двух похищенных камер. Тогда ей было все равно. Теперь же нет, но, оказывается, уже слишком поздно что-либо менять…

— Кейти, я не оправдываю тебя, — раздался за ее спиной голос Клауса. — Совесть — это такая штука, с которой лучше всего разбираться

тет-а-тет, но у нас нет времени на душевные муки.

Она повернулась.

— Это был инкубатор…

Ситуация стремительно заходила в моральный тупик. Клаус не мог стать ее поводырем в народившемся хаосе ее собственного самосознания. На это просто не было времени. Чем больше он узнавал об Интеллекте, тем сильнее росла его уверенность в том, что их побег не пройдет безнаказанным и незамеченным.

— Ты должна перечеркнуть свое прошлое, — внезапно проговорил он. — Иначе ты погибнешь…

Кейтлин вздрогнула, словно ее ударили хлыстом.

— С точки зрения твоей этики — это возможно?

Клаус криво усмехнулся в ответ и присел на крышку кофра.

— Хороший вопрос…

Он был солдатом, и его философия начала формироваться в тот момент, когда он блевал в грязном осыпавшемся окопе над трупом первого убитого врага. Если бы он тогда не выдержал и застрелился, мир вокруг не пошел бы по иному пути развития. Просто его парнями командовал бы кто-то другой, и, быть может, они погибли бы раньше…

— Память и совесть нужны всегда, Кейти, — проговорил он, непроизвольно сжав механические пальцы правой руки. — Но кровь живых имеет свою цену. Она дороже, чем все прошлое вместе взятое…

— О чем ты? — не поняла она.

— О тех людях, что, по твоим словам, живут в сфере. Кто они такие?

— Просто люди… Я думаю, что они прилетели сюда очень давно. Интеллект ненавидит их за то, что они поддерживают высокий уровень технологий и понемногу восстанавливают тот участок сферы, где основали колонию…

— В то время как его собственные создатели безнадежно деградировали, утратив все знания, а он сам оказался не в состоянии совершить даже той малости, что оказалась по плечу людям? — закончил он ее мысль.

Кейтлин кивнула.

— Он ненавидит их и мечтает начать искоренение человечества с очистки сферы.

— Эти люди воюют?

— Нет. По-моему, они живут очень обособленно и счастливо. Я не видела у них ничего похожего на оружие.

Клаус нахмурился.

— Как ты думаешь, почему его заклинило на людях? Конечно, я понимаю, что не очень корректно отнесся к нему на Луне-17, но ведь он, судя по всему, очень сложный компьютер с огромным потенциалом и собственной личностью. Он должен был понять неадекватность своей реакции! Нельзя по действиям одного человека судить всю цивилизацию! Я уж не беру во внимание тот факт, что люди никогда не сталкивались с инопланетянами, а я, увы, не специалист-ксенолог и понятия не имел, что эта светящаяся спираль может быть мыслящим существом!

Кейтлин подняла глаза.

— Мне кажется, что Интеллект был до смерти напуган, — проговорила она. — Когда мы вернулись в сферу, он едва не сошел с ума, обнаружив тут людей.

— Паранойя?

Кейтлин пожала плечами. Она действительно не знала ответа на этот вопрос.

Клаус встал и хмуро огляделся.

— Думаю, мне стоит спуститься вниз и переговорить с парнями… То, что тут есть колония людей, в корне меняет дело. Я думаю, что теперь, когда Интеллект получил аппаратуру и технологии Центра биокибернетики, его реакция будет жесткой и быстрой. Он постарается уничтожить людей… Или обратить их в зомби…

Кейтлин медленно подняла голову и взглянула в его глаза.

— Кровь живых… ты имел в виду этих людей?

— Да, — не колеблясь, ответил Клаус. — Кроме нас, никто не знает о существующей угрозе. Мы должны добраться до них и предупредить. В конце концов, ведь получается, что это я заварил всю эту кашу…

— Но ты ведь не знал!

— Не знал… — Он вытащил сигарету, помял ее в пальцах, но так и не прикурил. — Я не знал, ты была под контролем, эти, — он кивнул в сторону накрененного к воде корабля, подле которого маячила всклокоченная голова Игоря, — просто испугались и не смогли остановить тебя на Эрлизе… Я не хочу, чтобы еще раз обстоятельства оказались сильнее меня. Иначе может случиться непоправимое. Такое, Кейти, чему уже не будет оправдания…

Он развернулся и пошел вниз, к покосившемуся десантному модулю, оставив ее в одиночестве обдумывать его последнюю фразу.

* * *

Игорь Светличный курил, сидя на корточках и прислонясь спиной к

теплой бронированной обшивке модуля. Завидев спускавшегося по склону Клауса, он демонстративно сплюнул и стал смотреть в другую сторону.

«Тоже мне, командир нашелся, — со злостью подумал он. — Переночевал с девчонкой, а теперь, легок на помине, идет покомандовать…»

Чувствовал он себя хуже некуда. Голова после ночного гудежа разламывалась на части.

— Где остальные? — раздался рядом голос Клауса.

— Тебе надо, ты и ищи, — огрызнулся Игорь, гася окурок. — Я им не нянька, понял?

Клаус, ни слова не говоря, скрылся в распахнутом настежь люке.

В корабле пахло какой-то кислятиной.

«Свиньи», — раздраженно подумал он, брезгливо перешагивая через вонючую лужу.

Вскрытый медицинский кофр из бортового запаса модуля и валявшиеся тут же пустые пластиковые тубы красноречиво свидетельствовали о том, чем занимался этот горе-экипаж в течение ночи.

Джон и Мартин в обнимку спали прямо в проходе. Доползти до кресла, как это сделал Стылов, у них не хватило сил.

Лейтенант неподвижно сидел, откинувшись на спинку противоперегрузочного кресла. Его глаза были открыты. Лицо Стылова покрывала смертельная бледность. Очевидно, от употребления обыкновенного неразбавленного спирта его всю ночь выворачивало наизнанку.

Клаус подошел к нему и положил руку на плечо.

Загомир застонал и мучительно закатил глаза, пытаясь разглядеть, кто это пришел.

— Сходи-ка проветрись, лейтенант. — Клаус сжал механические пальцы и, легко приподняв грузное тело, вышвырнул его в люк.

Повернувшись к проходу, он проделал ту же самую операцию с Джоном Хоули и Мартином Стонски.

Игорь, который тверже всех держался на ногах, с изумлением наблюдал, как из люка вылетают полубессознательные тела.

Такого поворота событий он не ожидал. Что этот козел, вообразил себя крутым, что ли?

Очевидно, остатки алкоголя в крови совершенно отключили его серое вещество, потому что, завидев в проеме люка фигуру Клауса, он прорычал что-то нечленораздельное и, наклонив голову, ринулся вперед, как разъяренный бык на тореадора.

С таким же успехом он мог попытаться протаранить собственную тень. Врезавшись головой в обшивку корабля как раз там, где секунду назад был живот Клауса, он несколько секунд постоял согнувшись, а потом рухнул на землю.

— Всем встать! — прозвучал уверенный, привыкший подавать команды голос.

Спорить с Клаусом было пустой тратой здоровья. Со стонами и проклятиями они поднялись на ноги. После такого вступления все четверо неосознанно ждали продолжения экзекуции. Игорь поднялся последним. От удара головой он на несколько мгновений потерял сознание и теперь вытирал кровь с рассеченного лба, уставившись в грудь Клауса ненавидящим взглядом.

— Ребята, если вы решили подохнуть, то могли бы избрать для этого более пристойный способ! — проговорил Клаус, проигнорировав проклятия и ненавидящие взгляды.

Дождавшись, пока смысл сказанного дойдет до их затуманенных мозгов, он продолжил, заложив руки за спину и неторопливо прохаживаясь перед нестройной импровизированной шеренгой:

— Я не собираюсь больше тратить время на выяснение отношений и вопросов субординации, — отрезал он. — Мы попали в чужой и враждебный нам мир. Либо вы сейчас, не сходя с этого места, вспомните, что вы люди, а не наглые скоты, либо я предоставлю вам право подыхать каждому самостоятельно, как кому вздумается.

Джон Хоули первым поднял глаза и посмотрел на Клауса.

— Что ты собираешься делать? — превозмогая стыд, хрипло спросил он.

— Здесь есть колония людей, и Кейтлин знает, как до нее добраться, — объяснил Клаус. — Я собираюсь уходить отсюда, бросив корабль как приманку, потому что с часу на час Интеллект может организовать охоту на нас. Теперь, когда в его руках «Светоч», это совершенно нетрудно осуществить.

— Что это за Интеллект? — недоверчиво переспросил Хоули.

— Это огромный кристаллический мозг, который очень давно построил сферу, — ответил Клаус на этот вполне закономерный вопрос. — Некоторое время он отсутствовал, а теперь вернулся и считает, что люди, поселившиеся в заброшенном сооружении, являются захватчиками…

— Это она сказала тебе? — не скрывая своего сарказма, переспросил Игорь. — Эта сучка, которая…

Он не договорил, потому что кулак Клауса с хрустом вошел в его

челюсть. Техник опрокинулся навзничь, но тут же вскочил и вновь бросился вперед.

Левая рука Клауса поймала его ворот. Удерживая техника на вытянутой руке, он спокойно смотрел на его окровавленную физиономию.

— Каждый, кто решит двигаться дальше со мной и Кейтлин, должен запомнить, что она такой же равноправный член команды, как и все остальные. Этой девочке пришлось хлебнуть столько, что хватит на десяток никчемных жизней… — Он оттолкнул Игоря, одновременно отпустив его ворот. Баранье упрямство техника никак не походило на проявление храбрости.

— Все, кто не согласен добровольно сотрудничать, может остаться здесь либо убираться ко всем дьяволам Элио! — жестко заключил он. — Все. Спектакль окончен. Вы вольны принимать решение, больше повторяться я не буду!

— Я иду с тобой! — Джон Хоули посмотрел на товарищей и сделал шаг вперед. Вслед за ним, почти не задумываясь, шагнули Стонски и Стылов.

Остатки алкоголя, очевидно, окончательно вылетели из головы Игоря. Он посмотрел на товарищей, встал и присоединился к общей группе.

— Ты хорошо подумал? — спросил Клаус. — Еще одна такая выходка, и я попросту утоплю тебя в этом болоте. Все же лучше, чем стать зомби на побегушках у кристаллического шара.

— Ладно, командир… Проехали. — Игорь поднял взгляд. — Я был не трав.

— Хорошо. — Клаус посмотрел на свою команду и мысленно вздохнул. Никто из них не догадывался, что бросить кого-то на верную смерть он бы попросту не смог. — Пять минут, чтобы привести себя — в порядок, пока я составляю список необходимых вещей. Потом выводим вездеход и начинаем погрузку!

* * *

— Светличный, Стылов, подойдите на минуту!

Голова Клауса, показавшаяся из верхнего башенного люка десантного модуля, скрылась, прежде чем техник с лейтенантом успели отреагировать на окрик. Они, не сговариваясь, поставили на землю тяжелый кофр, который тащили к распахнутой двери вездехода.

Вездеход БМК — боевая машина космодесанта — стоял подле накрененного к мутной воде модуля.

Хоули, только что скинувший свою ношу в грузовой отсек, сидел чуть

поодаль, искоса поглядывая на этого рукотворного монстра.

Опущенный к земле, покрытый ромбовидными бронепластинами нос машины с узкими прорезями смотровых триплексов и зачехленными в пластик, слегка заглубленными в броню автоматическими орудиями вызывал у него чувство, которое можно было назвать восхищением.

Двадцатиметровый корпус вездехода покоился на шестнадцати ребристых колесах, расположенных попарно. Такой техники не показывали ни в фильмах, ни в репортажах. Это была настоящая боевая машина, и Джон никогда не видел ничего подобного. Он даже не подозревал, что этот бронированный монстр надежно закреплен специальными захватами под днищем десантного модуля, пока полчаса назад внезапно не взревели его двигатели и сорокатонная машина не выскользнула из-под телескопических опор спускаемого аппарата, скрипнув тормозами и осев на подвеску у самой кромки воды…

Пока Хоули, улучив минуту, разглядывал БМК, Стылов со Светличным вскарабкались по обшивке модуля к башенному люку.

Клаус сидел внутри открытого блистера. Рядом на полу были разбросаны инструменты и куски жесткого провода.

— Заг, — обратился он к лейтенанту, сократив его имя на свой манер, — ты должен знать, какими машинами укомплектован «Светоч». Ну-ка, просвети нас с Игорем по этому поводу.

Стылов присел на теплую броню подле люка и достал сигарету, что-то прикидывая в уме.

— Значит, так… Десять «Центурионов»… — проговорил он, прикрыв глаза, чтобы было легче вызвать в памяти последние данные электронных деклараций, которые он лично заносил в бортовой компьютер «Светоча», — двадцать пять легких «Хоплитов» со сменным вооружением… потом шесть «Фалангеров», пять истребителей «Фантом» и десять «Крабов», — уже скороговоркой закончил перечислять он.

Клаус невнятно выругался. Сохранить хладнокровие при оглашении подобного списка мог лишь человек, никогда не имевший отношения к боевой технике.

— Ну, два «Фантома» можно списать, — попытался сгладить впечатление Игорь, — да «Крабы» не могут действовать вне корабля иначе как в истребителях. Программа у них такая, — пояснил он.

— Ага… — подхватил его мысль Загомир. — Еще два «Центуриона» были поставлены на профилактический ремонт. С одного, по-моему, сняли движок, а у другого что-то делали с вооружением.

— Точно… Меняли обе плечевые ракетные установки! — подтвердил

Игорь.

Клаус покачал головой, что-то обдумывая.

— Одним «Центурионом» меньше, одним больше, нам, ребята, от этого не легче, — проговорил он. — Скажи, Игорь, а что у них за начинка? Я имею в виду электронные мозги, — уточнил он.

Техник состроил удрученную гримасу.

— На «Центурионах» и «Хоплитах» мощные процессоры последних поколений. Они обрабатывают тактические данные при помощи пакета программ, известного под названием «Одиночка».

— Не слышал о таком… — признался Клаус.

— Это что-то вроде искусственного разума, — пояснил Игорь. — Машина самообучается в процессе боевых действий, вплоть до того, что может осмысливать и перенимать тактические приемы противника. Каждая машина, ко всему прочему, способна действовать в полном отрыве от командных пунктов, при прерванной связи и в отсутствие директив. Если, конечно, ей задан тип целей, оговорился он. — «Центурионы» к тому же снабжены многоканальными коммуникаторами и способны организовывать сеть, то есть брать в подчинение низшие классы машин и управлять их действиями…

Он замолчал, хмуро поглядывая на Клауса.

— Что думаешь, командир? — без тени иронии спросил он.

— Думаю, что если «шестерки» Интеллекта разобрались с командными кодами «Светоча», то он сам легко расколет защиту роботов. Нам следует ждать гостей, потому что этот светящийся ублюдок немного не в себе. Он яро ненавидит все человечество в целом… А уж про нас и говорить нечего… — Клаус вздохнул, предвидя грядущие неприятности. — Думаю, что Интеллект не станет дожидаться, пока будут исследованы технологии клонирования и установлено надлежащее оборудование, украденное с Эрлизы. Осмотрев «Светоч», он быстро сообразит, что за механизмы запаркованы на его оружейных палубах. Тем более что «Крабы» уже атаковали нас на корабле…

— С «Крабами» и «Фантомами» вопрос совсем другой, — перебил его Игорь. — В отличие от остальных, эти машины являются штатным вооружением любого боевого корабля и разработаны для действий в парах. «Крабы» имеют четкие директивы по охране внутренних помещений корабля и автоматически активируются бортовым компьютером при возникновении нештатных ситуаций, — объяснил он.

Стылов, некоторое время молча слушавший их диалог, вдруг проговорил, глядя куда-то в болота:

— Думаю, что нам нужно ждать «Хоплитов»…

Игорь и Клаус недоуменно посмотрели на лейтенанта.

— Это почему?

— «Хоплит» — это машина среднего класса… Она более маневренна, чем «Центурион» или «Фалангер», но не уступает им по мощности процессора и пакету программ. К тому же «Хоплиты» запаркованы у самого выхода с оружейной палубы, — смущенно добавил он, — прямо около грузовых площадок десантных модулей.

— А что? — Клаус одобрительно хлопнул его по плечу. — Логика железная, — похвалил он. — Ведь Интеллект тоже машина, и для него рационализм — это святое.

— Что-то не больно много рационализма в его ненависти к нам, — сплюнул Игорь.

— Ладно… — Клаус прикурил сигарету и полез назад в люк. — Я выяснил, что хотел. Если Интеллект начнет, то это случится скоро… Идите заканчивайте погрузку, а я тут пока поколдую, может, соображу пару сюрпризов для этих ребят…

— Смотри, командир, у них полный набор сканеров, — предупредил его Игорь, сползая по покатой броне модуля. — Любую электронику они распознают загодя и разнесут к чертовой бабушке с безопасной дистанции.

Из блистера донесся сдержанный смешок Клауса.

— Вот на этом я их и поймаю, — пообещал он.

Загомир спрыгнул на землю и поплелся к брошенному на полпути кофру…

«На какого Шииста он надеется?» — тоскливо подумал лейтенант. «Центурионов» и «Фалангеров» он видел только в запаркованном состоянии. А вот «Хоплитов» лейтенанту интендантской службы один раз довелось наблюдать на полигоне в условиях боевых стрельб. Тогда на Эрлизу прилетел какой-то хрен из штаба, и весь личный состав выгнали на показуху, которую устроили в одной из пустынь километрах в ста от военного космодрома. При воспоминании о десятке боевых роботов, способных в течение суток сровнять с землей средних размеров город, у Загомира противно засосало под ложечкой.

«Дрянь наше дело, — подумал он, берясь рукой за холодную ручку кофра. — Подохнем мы в этих болотах…»

* * *

Через час, когда закончилась погрузка, небольшая команда собралась у вездехода, который тихо урчал двигателями, работая на холостых

оборотах.

Четверо эрлизианцев переминались с ноги на ногу, образовав нестройную шеренгу. Кейтлин, у правого плеча которой парил неизменный Гиг, стояла чуть в стороне, искоса поглядывая то на вездеход, то на мужчин. В воздухе витало явное напряжение момента, но никто даже не пытался разрядить обстановку. На лицах людей была написана мрачная безысходность.

Из открытого люка десантного модуля показался Клаус. Легко спрыгнув на землю, он подошел к эрлизианцам и остановился напротив, критически разглядывая неумело подогнанную боевую экипировку.

Он внезапно поймал себя на том, что уже начал думать о них как о своей группе.

— Значит, так… — Он остановился в двух шагах от неровной шеренги и жестом подозвал Кейтлин. — Знакомьтесь, это наш инструктор по сфере Дайсона, а также специалист по психологии Интеллекта Кейтлин Ларош. Отныне и навсегда, — он выделил ударением последнее слово, — она ваш боевой товарищ и полноправный член нашей группы. Все, что происходило между вами в системе Эрлизы, — забыть. Ответственность за это несут Интеллект и его светящиеся шары.

Клаус выждал несколько секунд и обернулся к маленькому сморщенному мячику, безмятежно парящему в воздухе.

— Это Гиг, — представил он его, — один из коренных обитателей сферы. Если быть откровенным, то без его помощи вам было бы весьма тяжело покинуть камеру на борту «Светоча». Он такое же разумное цивилизованное существо, как и любой из нас.

Он подождал, пока Кейтлин займет свое место в строю.

— Вопросы?

— Почему мы бросаем модуль? — глухо спросил Мартин.

— Игорь, ты техник. Объясни, что к чему, — приказал Клаус.

Светличный нехотя выступил вперед.

— Модуль получил слишком серьезные повреждения, — проговорил он. — Нарушена герметичность корпуса, вышел из строя один из корректирующих двигателей, разбалансированы синхронизаторы основной силовой установки. Все это можно исправить только на специальном стенде в сухом доке «Светоча».

— Спасибо. — Клаус стоял перед строем, широко расставив ноги. Его глаза внимательно разглядывали новоиспеченных солдат из-под поднятого забрала боевого гермошлема.

— Сейчас я поделюсь с вами некоторыми соображениями, — сказал

он, — а потом мы тронемся в путь.

Он прошелся перед строем, поправил подвески боевого реактивного ранца на скафандре Мартина и вдруг заговорил ровным, спокойным голосом:

— Никто из нас, включая и меня самого, не жаждал оказаться тут. Если кому-то станет от этого легче, то можно расценить себя как заложника обстоятельств или жертву злого рока, кому как нравится… — Он криво усмехнулся. — Я, например, прилетел на Эрлизу в надежде вернуть себе физическую полноценность… — Он коснулся затянутыми в гермопластик механическими пальцами правой руки уродливого шрама, пересекавшего левую щеку. В знойной тиши болота звук сработавших сервомоторов показался неестественно громким.

— У каждого была своя жизнь. Сейчас она полетела псу под хвост. Это обидно. Пока только обидно, а спустя пару дней станет невыносимо тяжело и страшно. Впереди около трех тысяч километров гнилого болота, чужая земля, чужой воздух… — Он секунду помолчал, глядя на их угрюмые лица. Тихо урчал двигатель вездехода. Сизые облачка отработанных газов тянулись к болоту, смешиваясь с его испарениями.

Клаус не мог сказать им всей правды. Даже Кейтлин еще не догадывалась, что на самом деле происходит нечто катастрофическое.

За эти короткие мгновения, пока он пристально разглядывал хмурые лица людей, отмеченные печатью злости, недоумения и безысходности, его разыгравшееся воображение рисовало картины совсем иного рода.

Он никогда не мог подумать, что минутное помешательство, вызванное горячкой боя, может сорвать такую лавину страшных событий. Понимание этого пришло к нему в ту дождливую ночь, когда он стоял у входа в пещеру и смотрел на мир глазами маленькой девочки по имени Кейтлин.

Травматическая память Интеллекта жила в каждом из его Носителей, будь то кристаллический шар или же подпавший под его влияние человек.

Клаус тоже был вынужден пережить тот мучительный страх и ни с чем не сравнимую виртуальную боль, что пришла к Интеллекту десять лет назад на Луне-17… Он побывал в его шкуре, на себе испытав самое страшное — беспомощность и неотвратимость.

События десятилетней давности бумерангом вернулись к нему, но теперь удар должен пасть на всех… на все человечество. Глобальность надвигающейся катастрофы никак не укладывалась в его сознании. Хотелось просто фыркнуть и отогнать прочь эту крамольную мысль, но…

…Он отчетливо видел последовательность событий и расстановку

сил. Там за болотами живут люди. Неважно, кто они такие, когда и по каким причинам пришли в сферу. Кристаллический мозг, который построили предки Гига, чтобы управлять сферой Дайсона, считает их захватчиками. Он совершил налет на Эрлизу, чтобы получить аппаратуру и технологии для конвейерного воспроизводства биомеханических солдат. То, что он пытается учинить, носит простое и емкое название — геноцид.

Полное физическое истребление, которое грозит всей цивилизации… Клаус понимал, что, если Интеллект осуществит задуманное тут, в сфере, его уже не остановит никто… Люди еще не добрались до этого участка пространства, они ничего не знают о существовании сферы Дайсона и враждебном разуме, в руках которого по злой иронии судьбы оказались самые запредельные человеческие технологии по уничтожению себе подобных. Те технологии, самоубийственную опасность которых поняли даже самые твердолобые вояки.

Если дать Интеллекту шанс разобраться в них и создать производство, то это будет конец… Положение можно исправить только сейчас, сию секунду, пока он один и в его распоряжении лишь боевые машины, украденные вместе со «Светочем»… Сейчас, пока ненависть кристаллического мозга сосредоточена на живущих в сфере людях, он озабочен только ею…

Все это знал один Клаус. Глядя на кучку совершенно не подготовленных к войне людей, он понимал: стоит хотя бы намекнуть, что только они стоят сейчас между Интеллектом и колонией, словно заноза в его кристаллической заднице, как их поход тут же обретет фатальный характер. Только Игорь и Кейтлин внушали ему некоторую долю оптимизма.

«Нет… — мысленно одернул он себя. — Так нельзя… Градаций не будет. Либо все, либо никто».

— Все… по местам, — вдруг резко приказал он и, не дожидаясь их реакции, развернулся в сторону вездехода.

…Минуту спустя БМК дрогнула и попятилась. Ее передние колеса повернулись, оставив в илистой почве холма широкие безобразные следы, и машина резко рванула вперед, войдя в маслянистую жижу болота, словно гигантская торпеда.

Глава 10. Второе пришествие

Сфера Дайсона. Район Гиблых Болот…

БМК мягко рассекала воду, чуть задрав нос и разгоняя по сторонам ленивую волну.

Внутри вездехода было тихо. Уютно помаргивали огоньки на приборных панелях, мягкие амортизационные кресла навевали сон. Выступающие в салон казенные части автоматических вакуумных орудий с торчащими из них огрызками оружейных эскалаторов, подающих боекомплект из расположенного под днищем машины арсенала, внушали чувство защищенности.

Мартину, задремавшему было в кресле, не давала покоя однаединственная мысль: почему они покинули десантный модуль?

Как бывшему технику, ему было совершенно очевидно, что Клаус намеренно преувеличивал. Конечно, неполадки были серьезными, но, в конце концов, их можно было устранить. Что, спрашивается, мешало им просто поднять его в воздух и дотащиться до края болот на малой тяге?

Эти мысли не внушили ему спокойствия и оптимизма. Наоборот, с каждой минутой он боялся все сильнее. Страх расползался в его душе, убивая все остальные чувства…

Наконец, не в силах больше выносить неопределенность, он встал и вышел в проход.

Их было шесть человек, и Клаус разбил отряд на три смены — по двое в каждой. Один ведет машину, а второй постоянно дежурит подле мониторов, куда сканеры выводили всю информацию об окружающем их мире.

В этот момент вахту несли Джон и Клаус. Мартин оглянулся, ища, с кем бы поделиться терзающими его опасениями.

В следующем ряду, уронив голову на подлокотник, безмятежно спал Стылов. Мартин присел рядом и растолкал бывшего лейтенанта интендантской службы космопорта Эрлизы.

— Заг, проснись! Слышишь?!

Стылов разлепил веки и непонимающе уставился на него.

— Что случилось?

— Ничего… — шепотом сообщил Мартин. — Надо поговорить…

Загомир потянулся, окончательно проснувшись, протер глаза и полез за сигаретой. Вспомнив, что находится в замкнутом пространстве

вездехода, он сунул пачку обратно в нагрудный карман и с явным неудовольствием посмотрел на разбудившего его Стонски.

— Ну? — переспросил он.

Только сейчас он заметил, что Мартина трясет как в лихорадке.

— Я думаю, что нам каюк, Заг, — наконец раздался горячий шепот Стонски. — Этот свихнувшийся «скарм» нас подставил.

— Почему? — нахмурился Стылов. — Что ты несешь? Объясни толком!

Лицо Мартина исказила мучительная гримаса.

— Модуль можно было поднять в воздух, — пробормотал он. — Мы бы уже через пару часов были на краю болот, понимаешь?

Остатки сна моментально улетучились из головы Загомира. В том, что говорил ему Мартин, был определенный смысл.

— Почему же мы тогда не воспользовались им? — машинально переспросил он.

Порой животный страх способен пробуждать к действию человеческий потенциал сообразительности.

— Он говорил про колонию людей, что расположена сразу за болотами. Интеллект ненавидит их, а не нас… Клаус боится… Он думает, что первый удар придется по ним, понимаешь? Он бросил модуль как приманку! — Горячий шепот Мартина обжигал Загомира. — Брошенный корабль торчит в болотах, как бельмо на глазу. Он знает, что роботы не пройдут мимо такого объекта. Они сунутся к нему, обнаружат, что мы бежали, и начнут преследовать нас!

* * *

Догадка Мартина была очень близка к истине.

Клаус действительно рассчитывал, что брошенный на возвышенности корабль должен привлечь внимание любой ударной группы противника, которая вздумала бы пересечь пространство болот по земле или по воздуху.

Его расчет был основан на знании. В прошлом Клаус очень часто сталкивался с боевыми машинами различных поколений и модификаций. Сейчас, когда любое ослабление противника, равно как и оттяжка времени играли на руку его маленькому отряду, он использовал свой богатый опыт, расставив возле брошенного корабля несколько неприятных сюрпризов…

Пришествие состоялось, когда у горизонта появилась черная тень одной из орбитальных плит, предвещавшая скорое наступление ночи. В конструкциях типа сферы Дайсона, которые строятся вокруг звезд и перехватывают все исходящее от светила излучение, не может быть

естественной смены дня и ночи. Неподвижное солнце висит в зените круглые сутки.

Древние строители сферы нашли выход. Они вывели на орбиту вокруг звезды циклопические платформы, которые медленно ползли в небесах, покрывая тысячи километров поверхности своей тенью. Их взаимное расположение и орбитальная скорость были рассчитаны таким образом, что свет и тьма чередовались с равным интервалом — приблизительно через каждые десять часов. По-видимому, такой цикл искусственной смены дня и ночи вполне удовлетворял древних обитателей сферы.

Орбитальная платформа, чья тень медленно ползла по покрытой болотами равнине, была той самой, куда после бегства людей совершил посадку «Светоч».

Сейчас корабль казался мертвым. Он стоял посреди пятисоткилометровой плиты, гордо возвышаясь среди поломанного посадкой бескрайнего поля солнечных батарей, которые были установлены тут еще строителями сферы.

Мертвый корабль среди мертвого пространства.

Нет… Это было не так.

Находящийся за десятки тысяч километров от этого места Интеллект ждал.

Он больше не был тем испуганным, загнанным в угол кристаллическим мозгом, который чудом уцелел в подледной пещере Луны-17. Информация о тех днях, когда он вернулся в сферу, покинутую три миллиона лет назад, и с отчаянием взирал на изуродованный временем и катастрофами мир, который некогда был его домом, давно ушла в блоки долгосрочной периферийной памяти. А бившаяся в нем тогда неистребимая ненависть к двуногим существам, которые процветали среди разрухи, упадка, хаоса и деградации, постепенно потеряла свою остроту, переродившись в нечто более конкретное и рациональное.

В конце концов, он был машиной, хотя древние конструкторы не могли представить, что за три с половиной миллиона лет он превратится в существо, способное с грустью взирать на потрескавшиеся от времени сегменты солнечных батарей, посреди которых стоял захваченный им человеческий корабль.

Интеллект был сентиментален, как большинство убийц.

Его характер, образ мышления и склонности вполне могли бы быть описаны с точки зрения человеческой психологии. Описаны, но не оправданны, потому что относились к патологическим отклонениям…

Сейчас, кроме ностальгической грусти, он испытывал еще одно не

присущее обычным машинам чувство. Впервые с момента своего нечаянного пробуждения на ледяном спутнике Эригона он ощущал себя тем, кем втайне мечтал быть.

Он становился БОГОМ.

Как ни странно, но это ощущение собственного всемогущества давали ему те машины, что были запаркованы на оружейных палубах человеческого корабля. Он мог управлять ими, а они, в свою очередь, могли сотворить с этим миром и населяющими его людьми практически все.

В первую очередь они могли их уничтожить, стереть эту проказу с изуродованного лика древней сферы, с тем чтобы вернуть ее законным хозяевам.

Интеллект не задумывался, каким образом он собирается восстановить разрушенные участки сферы, возродить ее климат и вырвать из мрачной бездны регресса своих творцов, что обитали сейчас в крохотных, случайно уцелевших ареалах, утратив не только все свои знания, но и саму память о прошлом.

Он не мог признаться самому себе, что его ненависть к людям, случайно вызванная к жизни десять лет назад необдуманными спонтанными поступками раненого капитана Клауса Зельцмана, все эти годы питалась не объективностью, а черной завистью к существам, которые не просто процветали в разрушенном временем мире, но еще и восстанавливали, преображали доступные им участки сферы, то есть делали именно то, на что оказался не способен отрезанный от глобальной сети управления и лишившийся своих механизмов Интеллект.

Теперь он стал их злым богом. И судьей.

…Тень орбитальной платформы коснулась болот, и «Светоч» пробудился. В кормовой части крейсера открылось несколько рамп, и оттуда выползли установленные на специальных стартовых платформах два десантных модуля. Они были намного больше того, на котором с корабля бежали люди, и предназначались для переброски техники.

Платформы остановились в сотне метров от корабля, и их грузовые створы медленно разъехались в стороны, выбросив на поверхность плиты темные языки пандусов.

В глубине оружейных палуб «Светоча» беззвучно зажглись предупреждающие огни. С нежным присвистом сервоприводов ожила крайняя к выходу боевая машина.

Это был «Хоплит» — универсальный планетарный разведчик.

Две согнутые, как у кузнечика, ноги медленно распрямились, приподняв над палубой пятиметровый яйцеобразный корпус, блеснувший

голубым холодом брони. Внутри рубки управления, имевшей круговой обзорный триплекс из прозрачного бронепластика, зажегся мягкий приглушенный свет. Перед пустым креслом ожили приборные панели, и сенсорные рычаги задергались, словно ими управляла чья-то сатанинская сила.

На самом деле «Хоплитом» управлял компьютер. Программа «Одиночка» была успешно загружена, и двадцатитонная машина быстро прогнала тест, по очереди выдвигая из своего яйцеобразного корпуса оружейные стволы и датчики сенсорных систем. Некоторые из них, пройдя проверку, спрятались назад, под люки и лепестковые диафрагмы, а часть осталась торчать наружу.

«Хоплит» вздрогнул и, издавая нервный, прерывистый звук сервоприводов, немного покачиваясь, направился к выходу.

Вслед за ним в глубинах оружейной палубы ожил следующий механизм…

* * *

Николай не заметил, как от ползущей по небу плиты отделились две крупные темные точки.

Он был занят тем, что, стоя рядом с Андрегером, в немом изумлении разглядывал накрененный к мутной воде болота десантный корабль, который был косо запаркован на склоне небольшой возвышенности. Его поддерживали шесть толстых телескопических опор. Одна из них, по-видимому, была повреждена, и по ее глянцевой серо-зеленой поверхности вниз сочилась гидравлическая жидкость.

— Это тот самый корабль? — задал он чисто риторический вопрос просто потому, что не мог молчать. В его жизни случилось огромное событие, последствия которого он даже боялся представить.

Андрегер кивнул, подав рукой знак остальным Джоаргам.

Они приблизились. Раздалось несколько сдержанных изумленных восклицаний.

Николай смотрел во все глаза, стараясь не упустить ни одной детали. Зрелище потрясло его до глубины души. Перед ним стоял спускаемый модуль космического корабля!

Он чувствовал, что дрожит всем телом, когда его взгляд любовно скользил по строгим симметричным изгибам обшивки, замечая каждую деталь. Корабль был тупоносым; его переднюю часть образовывали два выступа, между которыми был заглублен центральный люк. Сзади, где двумя кубическими выступами со сглаженными углами выдавались

ходовые секции двигателей, виднелись наполовину втянутые в обшивку крылья стабилизаторов и огромная аппарель, которая была откинута на землю, открывая взору темное нутро грузового отсека.

— Джеал… — негромко, но настойчиво позвал он, заметив кое-как заделанную пробоину в борту корабля, чуть пониже расположенной на самом верху блистерной башни. — Смотри, он поврежден! Может быть, там внутри есть люди, которые нуждаются в нашей помощи?

— Сомневаюсь, — покачал головой Андрегер, указав на глубокие следы ребристых колес, которые вели прямо из-под днища корабля к стоячей болотной жиже. — Я думаю, что люди покинули корабль, забрав все самое необходимое, — объяснил он.

— Мы пойдем туда?

— Обязательно. Но сначала нужно осмотреться. Тут может быть…

Он не договорил, потому что его прервал бессвязный возглас. Андрегер резко развернулся, заметив, что один из Джоаргов жестом указывает в небеса.

Его реакция была мгновенной.

— Всем рассредоточиться! — приказал он, ничком упав на землю. — Николай, держись около меня и постарайся не высовываться!

С предзакатных небес от края орбитальной платформы к земле опускались две темные точки. Они снижались почти вертикально, на глазах превращаясь в увеличенные копии того корабля, что стоял на краю болота.

Их темные корпуса украшали странные эмблемы. Под днищем и на закрылках мерно вспыхивали желтые и зеленые огни.

Признаться честно, Николай совсем не так представлял себе процедуру посадки. Он ожидал увидеть ослепительное пламя, услышать грохот надсаженных планетарных двигателей, изрыгающих плазму в кипящую грязь болота, но все оказалось совсем не так. Корабли снижались почти бесшумно, лишь по болоту вдруг побежали крупные волны вонючей жижи, расходящиеся концентрическими кругами…

— Идут на антигравитационной тяге, — тихо пояснил Андрегер. Он обеспокоенно обернулся, не забывая при этом по-прежнему вжиматься в землю, и оглядел окрестности.

Бойцы его отряда уже рассредоточились, грамотно используя складки местности, и слились с окружающим ландшафтом.

— Смотри, джеал! — раздался в его коммуникаторе возбужденный шепот Николая.

Один из модулей завис, не долетев около полукилометра до возвышенности, а второй явно намеревался совершить посадку. Накренясь

на один бок, он описал широкую плавную дугу и коснулся выпущенными опорами вязкого грунта. Толстые телескопические штанги наполовину утонули в илистой почве. Корабль качнулся, осел, но тут же сработала гидравлическая система опорной стабилизации, и передние штанги автоматически удлинились, выровняв корпус.

Раздался сухой щелчок, и сзади, в кормовой части корабля откинулась широкая аппарель, с влажным чавканьем упав в болотную жижу.

Затем окрестности огласил высокий часто повторяющийся ноющий звук…

Николаю вдруг стало не по себе. Он взглянул на Андрегера и увидел, как краска на глазах сбежала с его лица, сделав кожу пепельно-серой.

Что могло так напугать или неприятно поразить старейшего из Джоаргов, Николай даже и не пытался представить. Рука Андрегера машинально потянулась в сторону, и его пальцы цепко обхватили приклад импульсной «ФЛАУ»-винтовки.

Ноющий звук на секунду стих, словно его источник остановился по ту сторону аппарели, и вдруг зазвучал вновь, резко и неприятно: уииззм… уииззм… уииззм…

Николай не знал, что так обычно работают сервомоторы машин. Затаив дыхание, он ждал, пока из-за хвостовой части модуля прямо на них не вышло нечто…

Если это был боевой робот, то нужно сказать, что он сильно отличался от тех демонтированных машин, что навечно застыли в пещерах Мемориала в виде гротескных скульптурных групп…

Первое, что поразило Николая, заставив его инстинктивно вжаться во влажную податливую почву, — это размеры машины. Николай моментально прикинул, что если он встанет рядом с ней, то его макушка как раз окажется на уровне мощного шарнирного соединения бронированного ступохода.

Две такие конечности, расположенные по бокам, поддерживали обтекаемый пятиметровый корпус, затянутый в темную броню, которая неприятно поблескивала, отражая свет красного солнца.

Сделав несколько шагов, робот застыл. Согнув конечности, он опустился, припав к влажной земле. Николай со смятением разглядывал пятиметровое бронированное яйцо, в передней части которого светилось изнутри несколько прозрачных сегментов. Чуть выше располагались два вздутия, которые выдавались вперед, нависая по бокам от светящихся сегментов рубки. Оба они оканчивались десятком симметрично расположенных отверстий, в каждое из которых при желании можно было

свободно просунуть руку.

«Ракетные установки», — с ужасом понял он.

— Не шевелись… — раздался над самым ухом едва слышный шепот Андрегера.

Машина, находившаяся метрах в тридцати ниже по склону, внезапно пришла в движение, совершив стремительный разворот в их сторону, и опять застыла. С тихим щелчком из ее брони, раздвинув лепестки диафрагмы, выдвинулся короткий пулеметный ствол.

Николай похолодел. Он лежал за невысоким гребнем холма, не смея даже дышать, и смотрел в темные зрачки двух видеокамер, заглубленных в корпус робота под выступами ракетных установок. Объективы плавно поворачивались в своих гнездах, сканируя склон.

Он вдруг вспомнил все, что рассказывал ему Андрегер. О повадках боевых роботов… о понятиях логики их программирования… о приоритетах и рациональности… обо всем, чего он не понимал и не мог даже вообразить себе.

Теперь он понял. Ему хватило этих самых секунд, чтобы понять: робот *услышал* их! Его процессор обработал подозрительный звук и определил вероятный класс цели, который мог быть его источником…

Не доходя до вершины, боевая машина остановилась. Ее согнутые ступоходы были неподвижны, а корпус, повизгивая приводами, описал полукруг.

Внезапно за спиной Николая, там, где сосредоточилось ядро их группы, раздался громкий хлюпающий звук. Он оглянулся и с ужасом заметил человеческую фигуру, бегущую вниз по склону холма, прочь от громадной боевой машины…

У человека не выдержали нервы. Он не смог лежать в топкой грязи под холодным прицелом равнодушно изучающих окрестности видеокамер.

Внутри у Николая что-то оборвалось. Он не знал, что сейчас случится, но каждой клеточкой предчувствовал нечто страшное. Он едва не вскочил вслед за этим человеком, узнать которого было трудно из-за расстояния и одинаковой одежды, но ужас, сковавший тело, не дал ему шевельнуться…

Застывший в двадцати метрах от него боевой робот не шелохнулся, лишь две ракетные установки на его блестящем корпусе вдруг повернулись, нацелив свои кассетные стволы высоко вверх.

Николай почувствовал, что сейчас сойдет с ума. Все произошло так стремительно, что даже Андрегер не успел ничего предпринять. Бегущая по склону фигура едва ли сделала десяток шагов, а воздух внезапно разорвал воющий звук. Наполовину захлебнувшийся в жидкой грязи,

Николай боковым зрением уловил, как ракетные установки боевой машины окутались оранжевыми сполохами, и над его головой с воем пронеслось два десятка реактивных снарядов. Они описали короткую дугу и накрыли противоположный склон холма…

Адский грохот перемешал в воздухе взметнувшуюся вверх землю, человеческие тела и вырванные из-под топкой почвы обломки древних артефактов.

Комья грязи забарабанили по земле. Несколько из них попало в спину оглохшего, контуженного взрывной волной Николая, и этот болезненный удар привел его в чувство.

Он лежал, придавленный вывороченной землей, а внутри бился невыносимый, полный безысходности крик, которому не давала вырваться наружу набившаяся в рот грязь.

Чувство, которое он пережил, нельзя назвать горем — оно было намного страшнее и глубже. Его сознание проваливалось в какую-то бездну.

Он еще не понимал, что все погибли. Обыденность этой катастрофы не могла быть осмыслена им. Боевая машина походя произвела ракетный залп…

И все! Больше не было пяти человек, которых он боготворил…

Из глаз Николая, смывая грязь, хлынули жгучие слезы. Он давился своим криком, наконец осознав, что все случившееся непоправимо…

…Вой сервомоторов вновь зазвучал над притихшим болотом. Боевая машина повернулась и, оставив в покое склон, направилась к открытому люку брошенного людьми корабля.

Николай, ошеломленный, раздавленный, измазанный липкой грязью, все еще не мог или не смел шевельнуться, провожая взглядом ее страшные обтекаемые формы.

Горячие слезы струились по щекам мальчика, а в душе царил сущий ад…

Он вздрогнул и облился холодным потом, когда рука Андрегера легла на его плечо.

— Медленно… Очень медленно отползаем назад… — прошептал тот.

Николай, который стал просто комком воспаленных нервов, даже не сразу осознал, откуда дошел до его сознания этот голос. От внезапного прикосновения руки наставника его чуть не парализовало, и потому он замешкался, ровно на одну или две секунды.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы он стал невольным свидетелем разыгравшихся подле брошенного модуля событий. Он все еще

смотрел на боевую машину, когда из скрытых в ее броне портов выдвинулись два манипулятора и потянулись внутрь корабля ко второму люку переходной камеры.

Он не мог видеть, как клешнеобразные захваты сомкнулись вокруг ручного привода и начали медленно вращаться, отодвигая преграду, зато Николай надолго запомнил, как из недр корабля с оглушающим ревом ударила кумулятивная ракета.

Ударная волна накрыла его, перевернула и бросила на землю, выдавив из легких весь воздух. Николай упал навзничь, выпучив глаза и пытаясь вздохнуть.

С небес с влажным чавканьем опять полетели комья вывороченной взрывом земли. Кошмар продолжался…

Мимо него метнулась фигура Андрегера, потом вторично оглушенный, полузадохнувшийся Николай понял, что кто-то схватил его за шиворот и тащит вперед, к застывшей в нелепой позе, покосившейся боевой машине. В лобовом скате ее брони зияла рваная дыра, откуда медленно выползали клубы едкого сизого дыма.

Он ничего не понимал, совершенно потеряв ориентацию. Вокруг в течение каких-то секунд все неузнаваемо переменилось — мир стал черным, оглушительным и страшным.

Со всех сторон до него доносился рвущий нервы звук: уииззм… уииззм… уииззм…

Парящий в небесах модуль внезапно развернулся, и земля вокруг встала на дыбы, вспаханная кустистыми разрывами.

Движение остановилось. Тащившая его рука разжала свою железную хватку, и Николай повалился в горячую, курящуюся дымом грязь.

— Быстрее! — дошел до него яростный крик Андрегера, сопровождаемый отрывистыми выстрелами его импульсной винтовки — Приходи в себя, слышишь! Вставай! Над головой люк! Открой его, или мы с тобой погибнем!

Николай повиновался скорее инстинктивно, чем сознательно. Подняв голову, он наконец понял, что валяется в грязи между ступоходами того самого робота.

В бронированном днище ясно выделялся овал люка, снабженный двумя винтовыми запорами. Он вцепился в них и начал крутить.

Что-то ослепительно блеснуло сбоку от их укрытия. Продолжая отчаянно работать руками, Николай покосился в ту сторону и увидел, что блистерная башня брошенного людьми корабля резко повернулась, и ее орудия зашлись остервенелым лаем.

Очевидно, бросившие корабль люди ожидали появления тут боевых машин и расставили им огненную ловушку. Блистерная башня покинутого корабля не могла заработать сама по себе. Кто-то запрограммировал ее и указал конкретную цель…

Люк над его головой вдруг поддался и откинулся вниз, едва не размозжив Николаю голову.

— Вперед! Залезай! — заорал Андрегер.

Пальцы Николая вцепились в край люка, он подтянулся и закинул свое тело в тесное, тошнотворно пахнущее перегретым металлом и сгоревшей проводкой нутро машины.

Андрегер отбросил расстрелянный магазин, молча сунул разряженное оружие в провал люка и, подтянувшись, оказался рядом с Николаем.

Он поднял люк и запер его изнутри.

— Держись!

Секунду спустя снаружи что-то взорвалось, и их убежище покачнулось, еще больше накренясь на один бок.

В рубке боевого робота, рассчитанной на одного человека, было тесно. Николай, из ушей которого текла кровь, а лицо было измазано грязью и копотью, кое-как дополз до прозрачного лобового триплекса и с содроганием выглянул наружу.

Тот взрыв, что только что потряс их бронированную скорлупу, был ракетным ударом, который парящий в небесах модуль нанес по блистерной башне, атаковавшей его собрата-близнеца. Теперь на месте орудийного комплекса истекал дымом уродливый провал. Брошенный людьми корабль больше не представлял никакой угрозы, он беспомощно накренился, весь посеченный снарядами и сожженный ракетным ударом, но похоже, что ловушка сработала — за десять секунд орудия блистера успели подрубить опоры севшего на край болота корабля, изувечить его откинутую аппарель, на которой полыхал остов еще одного робота, и нанести удар по двигателям.

Андрегер с окаменевшим лицом смотрел, как в небе плавно разворачивается десантный корабль. Похоже, что он не собирался совершать посадку. Николай проследил взглядом за его курсом и понял, почему его наставник испытывает такую муку, которая была ясно написана на его лице.

Курс удаляющегося корабля вел к равнине Красного Солнца…

На краю болота по изувеченной аппарели наполовину затонувшего модуля медленно сползали боевые машины. Очевидно, у них была четкая программа действий. Они разворачивались и, растянувшись широкой

цепью, начинали двигаться в том же направлении, в котором только что полетел прикрывавший их с воздуха десантный корабль.

Передовой робот вскарабкался на гребень холма, на мгновение застыл, сканируя противоположный склон, и вдруг из его корпуса ударила широкая струя напалма.

Над Гиблыми Болотами полыхнуло зарево невиданного пожара.

Грязь, щедро политая зажигательной смесью, горела и обугливалась, освещая удаляющиеся контуры боевых машин.

Сопротивления не было.

До Николая внезапно дошло, что означает эта тишина, в которой был отчетливо слышен зловещий треск разбушевавшегося пламени и затухающий вой сервомоторов удаляющихся машин.

— Джеал… — хрипло выдавил Николай, не узнавая своего осипшего голоса.

Ответа не было. Юноша повернулся и только сейчас заметил, что лоб и висок его наставника рассечены осколком.

— Джеал! — отчаянно вскрикнул он и осекся. — Что же это, джеал?! — по инерции проговорил он, расширенными от ужаса глазами глядя на развороченное лицо старейшего Джоарга.

Под рассеченной осколком плотью тускло поблескивал испачканный кровью хром.

— Джеал… — в неподдельном ужасе повторил Николай, непроизвольно отшатнувшись, насколько позволило тесное пространство рубки.

Андрегер повернул голову, с болью взглянув на перепуганного воспитанника, поднял руку и коснулся развороченного лица.

По его изуродованной щеке, смывая кровь и грязь, медленно сползала настоящая человеческая слеза.

Искра понимания мелькнула в его взгляде, когда пальцы прошли сквозь разрубленную плоть и коснулись обнажившегося металла черепной коробки.

Его тысячелетнее инкогнито было раскрыто. Впрочем, сейчас, когда самое страшное уже свершилось, ему было все равно.

Он взглянул на перепуганного Николая, испытывая давно забытую мучительную боль.

— Зови меня просто Андор… — тихо попросил он.

Над угрюмыми болотами беззвучно парил полупрозрачный шар.

Это был Глаз Интеллекта.

Шар неподвижно завис над одной из горбин, и лишь порывы ветра

слегка раскачивали его, постепенно снося в сторону, но каждый раз он неизменно возвращался назад, с фанатичным упорством занимая прежнюю позицию.

Он ждал. Спустя несколько часов, когда у горизонта появилась очередная орбитальная плита, сенсоры Глаза зафиксировали движение.

Приближающийся объект был боевой машиной космодесанта.

Глаз, покачиваясь в потоках воздуха, расправил усики антенн и послал сигнал. Цель была обнаружена.

Где-то далеко, у самого горизонта, на срезе орбитальной плиты зажглись два яростных голубых факела. Это был выхлоп от двигателей оставшихся на «Светоче» космических истребителей, в кабинах которых, поджав конечности, сидели «Крабы».

* * *

Кейтлин спала. Ей снился голубой лед, освещенный мертвенным светом. По льду скользили резкие черные тени, настигая ее, а она бежала изо всех сил по направлению к далекому берегу и узкой призывной полоске зелени на нем.

Ноги Кейтлин подворачивались, она спотыкалась, чувствуя, что ей уже никогда не добежать туда. Раненое сознание перемешало во сне реальность и мечты, страх и желания… Она спала, безвольно откинув голову на мягкий валик подголовника, а из-под плотно закрытых век текли слезы, которых она не чувствовала…

Потом чей-то резкий неприятный голос ворвался в ее сон, заставив вздрогнуть и открыть глаза.

Она привстала, не понимая, где кончается сновидение и начинается реальность.

Под потолком десантного отсека мерно вспыхивала красная лампочка. Чей-то монотонный голос твердил:

— Дистанция десять километров, две цели, идут прямо на нас…

— Второй модуль разворачивается! Они наводят его!

Мимо ее кресла метнулась чья-то тень, и по гулким ступенькам блистерной башни прогрохотали торопливые шаги.

В проеме между креслами появился Клаус. Подойдя к ближайшей нише, в которой был закреплен боевой скафандр, он нажал какие-то кнопки, и прозрачные створки открылись. Специальные захваты неприятно взвизгнули, подавая вперед керамлитовые доспехи, на поверхности которых играли блики от вспыхивающей под потолком лампы.

Она наконец пришла в себя.

— Что происходит?

Клаус повернулся, и его лицо, искаженное яростной гримасой, на мгновение приняло человеческое выражение.

— Нас засекли! — отрывисто бросил он, одной ногой влезая в раскрывшиеся сегменты брони. — Интеллект послал в атаку все машины, что были на «Светоче», — добавил Клаус, в то время как броня с характерным щелчком сомкнулась вокруг его ноги.

Кейтлин оглянулась. Голос, который разбудил ее, доносился из кабины управления БМК, за пультом которой сидел Игорь.

— Они выходят на нас! — раздался из блистерного купола крик Хоули, и, словно в подтверждение его слов, что-то дважды гулко ударило в броню БМК.

Наверху оглушительно заработало башенное орудие.

— Проклятье!

Вниз по ступенькам со звоном полетела отстрелянная обойма.

— Игорь, веди машину по синусоиде! — перекрывая грохот выстрелов и вой двигателя, закричал Клаус. — Не давай им прицелиться!

В первый момент Кейтлин растерялась — так стремительно разворачивались вокруг нее события

Гиг, не на шутку озадаченный этой сумятицей, подрагивая, висел у ее плеча. В отсеке резко и неприятно пахло перегретым металлом

— Пристегнись! — попросил ее Клаус, отрываясь от стены. Его тело было заковано в ромбовидные бронепластины. Голову закрывал вытянутый шлем.

— Но я…

— Не спорь. Мы справимся… — Он шагнул вперед, и несколько кабелей, идущих от его спины к нише, выскочили из гнезд и повисли, раскачиваясь в такт движению вездехода.

Кейтлин стояла подле кресла, не зная, что ей делать. Наверху опять заработало башенное орудие.

— Есть! Я попал в одного! — раздался истошный вопль Хоули, когда отгремели выстрелы и завизжал подающий новый боекомплект эскалатор

— Эй, помогите кто-нибудь!

Кейтлин обернулась на голос, только сейчас заметив, что в соседних проходах возле таких же ниш, ругаясь, возятся Стонски и Стылов. Похоже, оба не имели никакого понятия о боевой экипировке, впрочем, как и Кейтлин… Она схватилась за спинку кресла и пошла по проходу, стараясь не упасть при резких скачках машины.

Клаус, который был уже у выхода, заметил, что она идет на помощь

запутавшемуся в системах скафандра Мартину, и одобрительно кивнул.

— Прикрывайте меня! — крикнул он, распахивая люк, откуда в салон тотчас ворвался фонтан болотной грязи, окатив бронированную фигуру и ближайшие кресла.

— Что за дерьмо… — простонал Стонски, с грехом пополам вбивая свое тело в раскрытый скафандр. Подоспевшая Кейтлин помогла закрыть замки и подала ему шлем.

Клаус уже выпрыгнул из БМК.

В открытый люк попадали брызги воды, собираясь на полу отсека в зловонные лужи. Извне доносился остервенелый вой двигателей пикирующих машин. Внезапно совсем рядом что-то оглушительно взорвалось, и через открытый люк Кейтлин увидела, как по взбудораженному болоту бежит, настигая БМК, длинная цепочка разрывов. Кейтлин непроизвольно зажмурилась, ожидая удара, но в этот момент Игорь резко бросил машину в сторону и все, кто находился в салоне, полетели на один борт.

— Чертовы твари! — проорал Мартин. Его лицо за поднятым забралом гермошлема было похоже на лист бумаги. Сервомоторы его скафандра натужно взвыли, помогая встать.

— Отойди… — Он отстранил Кейтлин, пронзив ее ненавидящим взглядом и, цепляясь за кресла, пошел к люку. Вслед за ним по проходу, завывая двигателями и громыхая броней, проковылял Стылов.

Выпрыгнув из люка БМК, Клаус резко отскочил в сторону и побежал прочь от петляющей машины и пикирующих на нее истребителей. Кровь гулко ломилась в его виски, и даже система жизнеобеспечения боевого скафандра в первый момент не смогла справиться с количеством выброшенного в организм адреналина. Интеллект пошел ва-банк, и им ничего не оставалось делать, кроме как принять навязанные условия…

Вскарабкавшись на ближайшую горбину, Клаус оглянулся и увидел, как пикирует на БМК истребитель и снаряды месят болотную жижу, догоняя вездеход…

— Игорь, сворачивай! Слышишь?! — машинально выкрикнул он в коммуникатор.

БМК резко вильнула в сторону, и истребитель, потеряв высоту, взмыл вверх, разворачиваясь для новой атаки.

Вслед ему ударило счетверенное башенное орудие, и от хвоста истребителя вдруг полетели обломки брони. Машина резко дернулась, легла на крыло, но автопилот сумел удержать ее в воздухе.

От темного, облитого грязью и побитого снарядами корпуса БМК

отделились две фигуры, неуклюже шлепнувшись в грязь.

— Ко мне! — рявкнул Клаус в коммуникатор и повернулся в ту сторону, где минуту назад сканеры БМК засекли ползущий по небу десантно-транспортный корабль.

Видимо, Игорю в горячке показалось, что истребители пытаются навести его на вездеход. Прочитав показания внутренних приборов, встроенных в гермошлем, Клаус убедился в обратном — модуль летел стороной, очевидно, взяв курс на колонию людей, расположенную на равнине, сразу за маячившим у горизонта горным массивом. Экипаж тяжелого десантно-транспортного корабля составляли боевые машины. Вероятно, они имели конкретную цель, и им не было никакого дела до затерявшегося в болотах вездехода.

— Ну, это я сейчас исправлю… — сквозь зубы процедил он, опускаясь на одно колено.

На правой руке его боевого скафандра была закреплена реактивная противокорабельная установка «Шторм».

За спиной продолжали выть истребители. Гулкие выстрелы башенного орудия БМК разрывали воздух, но для Клауса это была музыка, означавшая, что все в порядке, вездеход держится.

— Игорек, ты молодец! — проговорил он в коммуникатор, пока механизм заряжания подавал в ствол пусковой установки ощерившуюся стабилизаторами ракету. — Продержись еще пару минут! — попросил он, поднимая руку

Микропроцессор боевого скафандра бесстрастно отсчитывал дистанцию до объекта.

Тринадцать километров… Двенадцать с половиной… Двенадцать…

На прицельном визоре гермошлема загорелся желтый индикатор предварительной наводки. Клаус непроизвольно сглотнул, отсчитывая секунды, пока компьютерная система самонаведения боеголовок «брала» цель.

— Не делай этого, командир! — внезапно раздался за его спиной хриплый голос Мартина, и Клаус вдруг почувствовал, как в шейные кольца его гермошлема ткнулся ствол импульсной винтовки.

— Ты что, свихнулся?! — скосив глаза, осипшим голосом спросил он, заметив, как сбоку к нему подошел Стылов. Забрало его гермошлема было поднято. С экипировки лейтенанта стекала, собираясь у его ног коричневыми лужицами, мутная болотная жижа.

— Жить надоело? — зло спросил Клаус.

— Заткнись, — посоветовал стоявший сзади Мартин. — Это тебе

надоело жить, а нам-то как раз наоборот — жить еще хочется. Опусти-ка свою руку, а не то я продырявлю тебе башку! Ну! Живо!

В голосе Стонски ясно прорывались истерические нотки насмерть перепуганного человека. Клаус понял, что тот балансирует на грани нервного срыва, и потому подчинился.

— Ну и что все это значит!? — угрожающе спросил он, поворачиваясь к двум измазанным грязью фигурам

Стонски повел стволом.

— Не приближайся! — нервно посоветовал он, отступив на несколько шагов. — Пусть этот модуль летит куда ему вздумается, понял?! — внезапно крикнул он. Его лицо исказила дикая гримаса.

Сзади за их спинами снова зашлось лаем башенное орудие БМК.

— Да, командир, — скороговоркой подхватил его мысль Стылов, невольно озираясь. — Мы не хотим тут подохнуть… Не надо… — Понимаешь?

Клаус поднял на лейтенанта тяжелый взгляд.

Загомир побледнел еще сильнее, и его лицо исказила нечеловеческая гримаса, потому что в глазах Клауса Стылов прочел не просто презрение…

Он попятился, вскинув оружие.

Клаус не шевелился, застыв под прицелом двух импульсных винтовок. Он еще на что-то надеялся, хотя разумом понимал: эти люди невменяемы и они все равно будут стрелять, так или иначе, что бы он им ни ответил, только потому, что они боятся его, боятся роботов, боятся себя и по-звериному хотят жить…

Тяжелый модуль, который уже выглядел как карабкающийся по небесам жук, медленно проползал мимо, унося с собой драгоценные секунды.

— Вы идиоты! — проговорил Клаус.

— Ты собирался подставить нас! — оборвал его Мартин. — Ты хотел, чтобы мы подохли ради какой-то там колонии!

— Вы подохнете так или иначе, — не выдержав, обронил Клаус. — Такие, как вы, не выживают.

Лицо Мартина позеленело.

В следующий момент Клауса ослепил выстрел. Что-то с оглушительным лязгом ударило в лицо, сбив его с ног.

Он захрипел, пытаясь обуздать взбесившуюся вдруг землю, но жгучая боль ударила в грудь и сознание погасло…

— Слышишь, ты, придурок…

— Иди к черту, разберемся…

Что-то липкое окутало его мозг.

— …Сейчас вырву коммуникатор и пошли…

Острый укол инъектора привел Клауса в чувство.

Его окружала серая мгла. Он со стоном пошевелился и понял, что перед глазами застыла покрытая паутиной трещин поверхность забрала. Жидкокристаллический экран был разбит.

Он скрипнул зубами, перевернулся и едва не потерял сознание от пронзившей грудь остервенелой боли.

Собравшись с силами, он сжал пальцы протеза и, зажмурившись, ударил кулаком по потухшему забралу.

Паутина трещин лопнула. Мир вновь вернул свои краски. Пахло кровью и болотом…

Он лежал в грязи, а над его головой медленно полз к горизонту десантно-транспортный модуль…

Клауса окружала звонкая тишина. Не было слышно ни воя истребителей, ни грохота орудий, ни голосов вокруг. Он понял, что контужен. Внутри гермошлема горел один-единственный индикатор. Боевая система жизнеобеспечения всегда умирала последней…

Эта мысль почему-то успокоила его, отогнав боль. Он чувствовал, как копошатся под развороченной броней цепкие механические лапки. Острые уколы инъектора следовали один за другим, вырывая его из шока.

Он перевалился на бок, с трудом поднялся на четвереньки и огляделся. Две фигуры в заляпанных грязью боевых скафандрах в сотне метров от него форсировали болото, спеша выйти на соседнюю возвышенность. Его оружие они уволокли с собой. Осталась одна-единственная ракета, заряженная в установку, что была прикреплена к его правой руке, но тратить ее на двух свихнувшихся подонков он не собирался.

— Игорь… — просипел он, не узнавая своего голоса.

Тишина… БМК нигде не было видно, лишь из болота недалеко от двух фигур, уже взбиравшихся на соседний холм, торчал обугленный хвост затонувшего космического истребителя.

Клаус встал на ноги, качнулся, едва удержавшись на ногах, и посмотрел на свое плечо.

Коммуникационная система скафандра была вырвана вместе с гнездами…

Взглянув в небеса, он понял, что у него остался единственный шанс. Теперь, когда до тяжелого десантного транспорта оставалось не больше километра, даже с учетом высоты, необходимость в электронном прицеле

отпала. Он мог ударить прямой наводкой и должен был сделать это прямо сейчас.

Внезапно на внутренней поверхности гермошлема ожили еще несколько индикаторов. Компьютерная система боевой экипировки нашла какой-то резерв, и в верхней части разбитого забрала мягко осветился крохотный резервный дисплей.

Клаус сплюнул скопившуюся во рту кровь и медленно поднял руку.

У него была всего одна ракета…

Микропроцессор скафандра бурно запротестовал и зашелся злобным предупреждающим писком. Стрельба из ракетной установки с дистанции прямой наводки, по мнению его тактических программ, была чистой воды самоубийством, но решал в эти секунды не он, а человек.

Модуль уже был почти над ними. По маслянистой глади болота вслед за его движением бежала пологая приливная волна, вызванная действием привода антигравитационной тяги.

В этот самый момент Мартин, вскарабкавшийся на вершину соседнего холма, остановился и кинул взгляд назад.

— Нет!!! — дико заорал он, увидев в сотне метров от себя бронированную фигуру с воздетой к небу рукой, на которой были закреплены пусковые стволы.

Он попытался вскинуть винтовку, и в этот момент от руки Клауса в небо ударил столб огня.

С раздирающим душу воем боеголовка пронзила воздух и ударила в двигательную секцию модуля. Над головой Мартина раздался оглушительный грохот. Невыносимый, тяжкий стон раздираемого на части металла сопровождался скрежетом расходящихся по шву бронеплит и градом осыпавшихся вниз осколков. Ударная волна от взрыва пошла вертикально вниз, на мгновение выдавив из берегов несколько кубических километров болотной жижи.

Для Стылова, который еще не вскарабкался на холм, это был конец. Забрало его гермошлема оказалось открытым, и когда лейтенанта, сбитого с ног ударной волной, накрыл вал выплеснувшейся из болота жижи, он уже не мог ничего сделать. Зловонная грязь моментально заполнила гермошлем, залепив его лицо, и жадная приливная волна отхлынула, унося с собой закованное в броню безвольное тело.

Мартина тоже швырнуло на землю и проволокло несколько метров вниз по склону. Ошалев от грохота, он вскочил, дико озираясь по сторонам. Объятый пламенем модуль накренился, заваливаясь на нос и тщетно пытаясь удержаться в воздухе. Из развороченной двигательной секции вниз

падали раскаленные докрасна обломки.

Мартин большими неуклюжими прыжками отскочил в сторону, справедливо опасаясь, что сейчас тысячетонная конструкция не выдержит и рухнет вниз. Озираясь, он случайно заметил Клауса, который, не обращая внимания на подбитый корабль, спускался с холма. Он шел прямо на него…

Глаза Мартина заволокло яростной мутью. Находясь в полном аффекте и плохо соображая, что делает, он вскинул импульсную винтовку и выстрелил.

Снаряд угодил Клаусу в ногу, рикошетом распорол броню чуть выше колена и, отскочив, взорвался, подняв к небу фонтан болотной жижи.

Фигура в исковерканном скафандре пошатнулась, но Клаус не упал. Он шел вперед, где из болота торчала рука Стылова, судорожно сжимавшая оружие…

Мартин, объятый ужасом, попятился, и в этот момент автопилот десантно-транспортного модуля наконец не выдержал. Корабль, описывавший неуклюжие концентрические круги, вдруг накренился и рухнул прямо на вершину злополучной возвышенности.

От удара содрогнулась земля, и по взбудораженной топи прокатилась еще одна конвульсивная приливная волна. Вторая секция двигателей корабля вспыхнула, и пламя, охватившее покатые выступы антигравитационных генераторов, угрожающе загудело…

Клаус, которого сбил с ног удар взрывной волны, резко вскочил и, вырвав из руки мертвеца свою импульсную винтовку, прихрамывая, побежал прочь от покореженной, объятой пламенем стометровой машины. Ее центральный люк, похожий на ворота орбитального ангара, дрогнул и начал медленно открываться…

Клаус знал, что наступают последние мгновения его жизни. Подумав об этом, он внезапно почувствовал подкатившую к горлу тошноту… Припадая на раненую ногу, он уходил в глубь болота, жадно хватая ртом воздух.

Заработавшая сервосистема с конвульсивным, прерывистым визгом дослала в ракетную установку второй заряд. На половине обратного хода ее заклинило, и третья, последняя ракета боекомплекта упала в грязь…

Клаус не остановился.

Створы транспортного модуля за его спиной открывались, неумолимые, как судьба. В тускло освещенных глубинах корабля что-то шевельнулось, и внезапно пандус накрыла угловатая тень. В проеме шлюза стоял «Фалангер».

Мощные ступоходы тяжелой машины скользнули по влажной наклонной плоскости, оставляя на металле четкие глубокие борозды. Верхняя часть корпуса робота повернулась, и видеодатчики, расположенные под затемненным триплексом рубки, впились равнодушным взглядом объективов в спину человека, который, прихрамывая, медленно отходил в глубь болота.

Тяжелый ступоход робота, завывая встроенными в него двигателями, приподнялся и с гулким шлепком опустился в дымящуюся грязь.

Клаус оглянулся. Бежать было бессмысленно — «Фалангер» отступил от пандуса на несколько метров, чтобы не мешать высадке остальных машин, и уже выдвинул оружие, изготовившись к стрельбе.

Лицо Клауса исказила злая гримаса, в которой было больше обиды, чем боли…

Не видя никакого выхода, он остановился, вскинул руку с ракетной установкой и выстрелил, целясь в темный проем люка, где копошились зловещие тени переживших крушение машин…

* * *

БМК неслась по мелкому болоту, вздымая фонтаны грязи.

В блистерной башне, стены и потолок которой были одним огромным экраном, зловеще завывал ветер, врываясь внутрь через безобразную пробоину в куполе. Вокруг рваной дыры сектора экрана почернели и погасли.

Кресло стрелка, закрепленное во вращающихся обручах, было пусто, и страховочные ремни безвольно свисали к полу, на котором валялись отстрелянные обоймы, куски пластика, стекла и осколки брони.

В десантном отсеке Кейтлин неумело обрабатывала глубокую кровоточащую царапину на лбу Хоули. Он еще пребывал в горячке боя. Побелевшие губы бывшего ассенизатора беззвучно шевелились, повторяя единственную фразу:

— Я сбил их… Сбил…

Снаряд, прошивший блистерный купол, был последним выстрелом истребителя.

Вездеход притормозил, и из кабины управления показалась всклокоченная голова Игоря. Кейтлин подняла на него быстрый внимательный взгляд.

Игорь дрожащими пальцами достал сигарету и прислонился к стене.

— Отбились…

Гиг, прятавшийся во время скоротечного боя под потолком отсека,

спикировал вниз, несколько раз облетел вокруг него, разрезая ползущие к вентиляционной решетке сизые полосы сигаретного дыма, и завис напротив его лица.

В этот момент в распахнутом люке БМК появилась измазанная кровью и грязью фигура.

Мартин тяжело перевалился через порог. Броня его боевого скафандра была помята, в нескольких местах на ней тускло блестели свежие борозды, пропоротые осколками.

— Сваливаем! — прохрипел он, откинув забрало своего шлема. Игорь поперхнулся дымом.

Он бросил быстрый взгляд на Кейтлин. Ее лицо бледнело, на глазах принимая землисто-серый оттенок.

— Что значит «сваливаем»?! — резко спросил Игорь. — Где командир со Стыловым?

— Нету их, — проговорил Мартин, тяжело сглотнув. Он присел на корточки, прислонившись спиной к переборке. — Все, ребята, шабаш, — упавшим голосом сообщил он. — Там сзади роботы со второго модуля…

Склянка с антисептиком со звоном упала на пол. Кейтлин ослабевшими пальцами вцепилась в спинку кресла, в котором сидел Джон.

Гиг, сорвавшись с места, подскочил к хозяйке и, покачиваясь, застыл перед ее глазами.

Кейтлин чувствовала, что сейчас сойдет с ума.

Маленький сморщенный мячик, жизнь которого протекала на мнемоническом уровне, не мог ошибаться. Мартин врал…

Перед ее глазами вдруг вспыхнула ясная картинка…

…Огромный боевой робот, на броне которого плясали желтые блики от горящего модуля, тяжело ступал по размякшей грязи. Он медленно поворачивал торс, пока его видеокамеры не поймали в прицел отступающую в топь человеческую фигуру. Внезапно перед глазами Кейтлин что-то сверкнуло и…

…Где-то далеко громыхнул взрыв. Через проем открытого люка было видно, как из-за гребня ближайшего холма в небо взметнулся столб огня и дыма.

Заслышав грохот, Мартин вздрогнул, и его взгляд заметался по сторонам, остановившись на Игоре.

— Я тебе ясно сказал: сваливаем отсюда! — нервно повторил он, привстав и угрожающе вскинув ствол импульсной винтовки.

— Он врет! — внезапно произнесла Кейтлин. Стонски обжег ее тяжелым ненавидящим взглядом.

— Тебе откуда знать, кошка бешеная? — зло спросил он. — Может, это ты навела на нас истребители, а?

— Эй, полегче! — Игорь шагнул вперед. Глаза Мартина налились кровью.

Ствол импульсной винтовки резко пошел вверх, и одновременно с этим Гиг сорвался с места, ударив его в лицо в тот миг, когда палец Стонски сдавил гашетку…

Игорь почувствовал, как что-то горячее обожгло его голову, и снаряд с лязгом проломил переборку над его плечом, взорвавшись в прослойке между обшивкой. Он инстинктивно зажмурился, запоздало пригнувшись. Над его головой оглушительно грохнул еще один выстрел.

Это моментально привело его в чувство. Резко разогнувшись, он увидел, как Мартин, выронив импульсную винтовку, балансирует на пороге открытого люка. Одной рукой он бесцельно шарил в воздухе, пытаясь найти точку опоры, а второй зажимал простреленную грудь. Из-под затянутых в гермопластик пальцев на пол отсека капала кровь.

— Сука… — прохрипел он, теряя равновесие. Тело, закованное в тяжелую броню, вывалилось из модуля, с глухим шлепком обрушившись в грязь.

Кейтлин внезапно развернулась и бегом бросилась в кабину управления. Гиг стремглав метнулся за ней.

Посреди прохода остался стоять Хоули, расширенными от ужаса глазами глядя на то, что он только что сделал.

— Мартин, я не хотел… — потрясенно выдавил он, отшвырнув в сторону оружие, словно оно жгло ему руки.

Игорь, потрясенный не меньше, чем Джон, кинулся в открытый люк. С его виска, ободранного снарядом, сочилась кровь…

За его спиной надсадно взревели двигатели машины, и вездеход дернулся, тронувшись с места.

Джон, цепляясь за кресла, добрался до распахнутого люка. Он хотел что-то крикнуть Игорю, склонившемуся над распростертым в грязи телом Мартина, но в этот момент машина рванулась, набирая скорость, и его вышвырнуло наружу.

Последнее, что он успел заметить, прежде чем БМК скрылась за возвышенностью, — это поворачивающиеся в своих гнездах автоматические носовые орудия.

* * *

Глаза Кейтлин застилала мутная пелена.

Ей повезло, что БМК была умной и чуткой машиной, рассчитанной на то, чтобы за пульт управления в бою мог сесть кто угодно — в зависимости от обстоятельств.

Шестнадцать литых ребристых колес месили грязь, вездеход несся по зыбкой почве, наискось пересекая пологий склон возвышенности, которыми изобиловала эта часть болота. Вылетев на гребень, она притормозила, качнулась, осев на подвеску, и в лобовом скате ее брони с щелчком открылось несколько сенсорных портов.

На болото надвигалась тень орбитальной плиты, укрывая потревоженные топи тяжким саваном мрака.

Впереди среди бурлящей болотной жижи лежал расколовшийся на две половины десантно-транспортный модуль. Сейчас он был похож на ископаемого зверя с переломленным хребтом. По его броне, пожирая краску, метались язычки пламени, через разлом в обшивке было видно, как внутри, где все перемешалось от удара о землю, что-то искрит и истекает дымом.

В этом дымном сумраке расколотого чрева десантного корабля Кейтлин видела зловещее движение. Циклопические тени копошились внутри, модуль сотрясали тяжкие удары, и он покачивался, еще глубже погружаясь в болото, когда таящаяся в нем сила начинала рвать обшивку и ломать переборки, стремясь вырваться наружу.

Трем или четырем боевым машинам это удалось, и они, припав к земле словно изваяния, застыли у наполовину затонувшего пандуса.

Кейтлин в панике пробежала взглядом по приборной панели БМК. Ей ничего не говорили эти помаргивающие огнями шеренги датчиков. Тусклые экраны, располосованные паутиной координатных сеток, не несли ей никакой информации — она просто не знала, что означают транслируемые на них условные изображения.

«Гиг, найди его!» — мысленно приказала она.

Маленький сморщенный мячик подпрыгнул в воздухе и заметался по тесной кабине.

«Там, внизу, — пришел ответ. — За следующим холмом».

БМК взревела двигателями и рванулась с места.

Роботы, неподвижно стоявшие у обугленного провала, вдруг зашевелились, разворачиваясь в сторону несущейся мимо машины.

На боковых обзорных экранах что-то ярко сверкнуло, и на пульте управления БМК остервенело завыли предупреждающие сигналы. Машина, не дождавшись адекватных действий водителя, вдруг сбросила скорость и пошла зигзагами — это бортовой компьютер, перехватив

инициативу, пытался уйти от ракетного залпа…

Кейтлин побелевшими пальцами вцепилась в рычаги управления, которые словно живые двигались помимо ее воли. Вокруг БМК вскипали кустистые разрывы, что-то с оглушительным грохотом неистово билось в корпус машины, ее швыряло из стороны в сторону, грозя перевернуть.

Потом раздался скрежет, и часть приборных панелей погасла. Машина внезапно перестала выделывать зигзаги и пошла по прямой, натужно карабкаясь на холм. Сквозь вой двигателя ясно прорывался зловещий стук, и Кейтлин, под руками которой вновь послушно задвигались сенсорные рычаги, поняла, что БМК получила удар в самое сердце. Машина все еще шла, но большая половина ее систем отключилась. В десантный отсек из-за пластиковых панелей обшивки пополз удушливый дым. Автоматически сработали огнетушители, забрызгивая все вокруг пузырящейся пеной. В подвеске что-то монотонно скрежетало, словно там перемалывался кусок железа…

Бортовые орудия молчали. Кейтлин при всем желании не могла произвести ни одного выстрела — она просто не знала, как отдать уцелевшей автоматике соответствующий приказ.

Взлетев на гребень очередного холма, вездеход чуть притормозил и юзом пошел по грязи, сползая на противоположный склон.

В этот момент она увидела Клауса. Припадая на одну ногу, он бежал по мелководью, а за ним по пятам следовал огромный боевой робот. Его многотонные ступоходы с оглушительными шлепками обрушивались в болотную жижу, продолговатый корпус ворочался из стороны в сторону, вакуумные орудия конвульсивно дергались, пытаясь взять человека в прицел, но тот был слишком близко, и «Фалангер» топтался в болоте, расшвыривая в стороны тонны грязи. Машина, способная одним залпом накрыть несколько квадратных километров территории, просто не была рассчитана на противопехотные действия.

Кейтлин не знала всех этих нюансов. Она видела лишь то, что огромный робот настигает раненого, обессилевшего человека. Манипулируя рычагами ручного управления, она развернула БМК и повела ее вперед, целясь тупым носом вездехода в ступоход «Фалангера».

Сокрушительный удар вырвал ее из кресла, швырнув грудью на пульт… Мир вокруг закружился и внезапно померк.

Потерявшая сознание Кейтлин не видела, как «Фалангер» с грохотом и плеском рухнул в болото.

Двигатель БМК заглох. В заполненной дымом кабине управления беспомощно метался Гиг…

* * *

Орбитальная плита заслонила собой красное солнце.

Над болотами воцарился чернильный мрак.

Боевые машины двигались во тьме, отмечая свой путь лишь хлюпаньем болотной жижи да резким звуком работающих серводвигателей.

Им не нужен был свет. Далеко позади тлело зарево пожара. Пламя от расстрелянного на покосившейся аппарели «Хоплита» быстро перекинулось внутрь модуля.

Дотла выгорели только два отсека, дальше, в глуби корабля, огонь задохнулся, и пожар превратился в мучительную тлеющую агонию. Медленно оползала пластиковая облицовка стен, собираясь на полу большими черными лужами, по которым бегали голубые язычки пламени. Без доступа кислорода огню было очень тяжело, но все же внутри модуля стоял нестерпимый жар, от которого со звоном лопались экраны. Изредка, когда шальной порыв ветра залетал внутрь дымящегося чрева через распахнутый грузовой люк, внутри вскипало жадное пламя, облизывая стены и издавая яростный гул, но спустя несколько секунд оно угасало, и вновь оплавленное нутро модуля продолжало тлеть, озаряя окрестности красноватым сиянием раскаленной обшивки…

Николай сидел на пригорке, за гребнем которого всего час назад он прятался от боевой машины.

Все, что мог выстрадать семнадцатилетний парень, только что собравший обугленные останки своих товарищей, он уже выстрадал. Его душа стала похожей на ломкую корку спекшейся грязи. У него больше не было ни слез, ни желания кричать — не было ничего, лишь конвульсивные рыдания изредка подкатывали к горлу. Он даже не пытался осмыслить той стремительной беды, что обрушилась с небес, в считаные минуты изуродовав его жизнь.

Вдали, возле самого горизонта, вдруг сверкнула ослепительная зарница. За ней еще… и еще…

Потом накатился приглушенный расстоянием зловещий гул.

Николай поднял голову. Где-то среди бескрайних болот сошедший с ума гигант ворочал горы и поджигал воздух. Яростные зарницы, сопровождаемые глухими раскатами, следовали одна за другой.

— Второй модуль настиг бежавших с корабля людей, — раздался за спиной Николая голос Андрегера.

Он повернулся, посмотрел на освещенную пожаром фигуру своего наставника.

Николай чувствовал, что боится этого существа больше, чем боевых машин и собственной смерти. Аккуратно наложенные на изуродованную плоть его лица полоски антисептического пластыря скрывали оголившийся металл черепной коробки робота-андроида, но Николай знал, что он не человек! Единожды увидев, он уже не мог этого забыть…

Его мир рухнул.

Теперь он знал, что такое безысходность и страх.

Разум Николая опасно балансировал в эти минуты на тонкой, почти неразличимой грани безумия.

— Я думаю, Коля, что нам нужно выбираться на равнину, — произнес Андор.

В этот момент грань окончательно стерлась. Николай внезапно вскочил на ноги, тяжело и прерывисто дыша.

— Ты… — он не находил слов, — как ты…

— Как я могу что-то советовать или приказывать тебе? — с понимающей усмешкой помог ему Андор. — Как я, пустая хромированная железка, такая же, как и те, что убили Джоаргов, могу стоять рядом с человеком и что-то говорить, делая вид, будто я то же, что и он?

Николай отшатнулся, словно эти слова, абсолютно точно передавшие смысл бурлящих в его душе чувств, хлестнули его в лицо

Это была роковая минута для них обоих.

История повторялась. Закончился еще один ее незримый тысячелетний круг.

Андор смотрел на отшатнувшегося Николая, а в его биофотонном мозгу билась память десятков поколений.

В отличие от людей, он имел свойство не умирать.

Иногда это казалось ему благом, а иногда — вот как сейчас — собственное бессмертие вызывало у него отвращение, словно незаслуженная, посланная свыше кара. В последний раз он испытывал нечто подобное, когда ушел из жизни Семен Воронцов.

Он был человеком даже больше, чем хотел того сам.

Губы Николая задрожали, он попятился, не в силах смотреть в глаза этого существа. До него внезапно дошло, что если бы Андор не спасал его, прикрывая своим телом, пока тащил, контуженого, до того относительно безопасного пятачка между ступоходами покореженной машины, то его лицо осталось бы цело, а сам Николай разделил бы участь остальных Джоаргов.

Он бессильно опустил руки, разжав кулаки.

— Прости, джеал… — выдавил он.

Глава 11. Последний рубеж

Сфера Дайсона. Предгорья…

Край Гиблых Болот был обозначен совершенно невзрачным, тривиальным берегом. Пологий склон, поросший пучками жесткой травы, плавно поднимался вверх, постепенно переходя в плоскую возвышенность. Таких широких террас, образованных осадочными породами, было несколько, они возвышались одна над другой, словно ступени пирамиды, а дальше, затянутые сиреневой дымкой, царили горы.

Потрепанный в бою вездеход натужно вскарабкался по склону и притормозил, гремя оторванными деталями подвески.

Со стуком откинулся башенный люк, и показалась измученная физиономия Игоря. Он вылез на скат брони и протянул руку, помогая выбраться Джону, вслед за которым из люка выпорхнул Гиг и тут же заложил по воздуху несколько кругов, радуясь тому, что наконец вырвался из тесных металлических внутренностей машины.

Вездеход стоял на самом краю древней набережной. Скорее всего те серые плиты, которыми оказался вымощен склон, были изготовлены из пластика. Они выцвели, потрескались, но сохранили общий вид монументальной пологой кладки, сразу за которой начинались уже основательно разрушенная дорога и руины немногочисленных зданий. Дорога плавно изгибалась, уходя к подножию искусственных гор. Очевидно, там был перевал или, на худой конец, транспортный тоннель.

Игорь посмотрел на укрывавшую их сиреневую дымку.

Вообще эти выпуклые образования трудно было назвать горами с точки зрения привычных для человеческого глаза образов. Тут не было отвесных скал и острых пиков, просто земля под ногами в какой-то момент начинала вспучиваться и подниматься вверх, сначала в виде пологого склона, который постепенно становился все круче и круче, пока не приобретал вид почти вертикальной стены, верхняя часть которой терялась в заоблачной дали, оставляя наблюдателя теряться в догадках о ее дизайне и предназначении.

Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что их путь лежит через обезображенный временем, эрозией и катастрофами искусственный мир. Мир, которому бог знает сколько миллионов лет…

Напоминанием об этом служили лишь редкие признаки былого. Пока они двигались по болотам, им попалось всего два таких свидетельства в

виде ажурных конструкций из неизвестного материала, которые поднимались из грязи на двадцати-тридцатиметровую высоту…

Игорь сплюнул и, повернувшись к люку, вытащил из него пластиковый кофр. Впервые за последние сутки он чувствовал нормальный человеческий голод…

Клаус остался в вездеходе рядом с Кейтлин. Тяжело припадая на простреленную ногу, он дошел до кое-как установленного на место основного люка и открыл его, подставив лицо легким порывам прохладного ветра. Он подобрал Игоря и Джона неподалеку от протараненного «Фалангера», а потом, выжимая из покореженного вездехода последние силы, немилосердно погнал машину к краю болот в надежде оторваться от преследования роботов и выиграть хоть немного времени. Теперь они двинутся дальше. А он останется.

Его последний рубеж был тут. За горами начиналась та самая равнина, на которой жили люди.

Он повернулся и посмотрел на Кейтлин.

Она пришла в сознание, но почти не разговаривала. Последние полчаса они общались через Гига.

Сейчас она молча лежала в специально сдвинутых креслах и смотрела на него…

Клаус подошел и сел рядом.

— Кейти, давай договоримся, — каким-то холодным, отрешенным тоном произнес он, даже не заметив, что назвал ее уменьшительным именем. А она вдруг внутренне сжалась, словно это слово обожгло ее, заставив участиться дыхание.

— Вездеходу будет очень трудно одолеть подъем. Даже если мы отыщем ущелье или перевал… — дошел до ее сознания обрывок сказанной им фразы. — Всю эту кашу заварил я, и только я, во время боя на Луне-17, и отвечать тоже мне…

Ее глаза потемнели. Кейтлин с трудом приподняла голову и посмотрела на Клауса.

— Я не брошу тебя, — едва слышно прошептала она. Он на ощупь нашел сигареты, достал одну и прикурил.

Так больно, как в эти мучительные секунды, ему не было никогда в жизни…

Кейтлин прикрыла глаза, с трудом удерживая в себе слабую искру сознания. В подключенном к ней реанимационном аппарате что-то щелкнуло, и инъектор с тихим жужжанием впился в бледную кожу девушки.

Снаружи пожухлую траву шевелил слабый ветерок. Хоули сидел, прислонясь спиной к горячей броне БМК, и смотрел в фиолетово-бордовое небо. В двух шагах от него Игорь распечатывал кофр с неприкосновенным запасом, вытаскивая оттуда пищевые концентраты. Над его плечом парил любопытный Гиг.

Внезапно Джон почувствовал, как завибрировала броня машины. Он привстал, озираясь по сторонам, и увидел, что в корме БМК медленно открывается аппарель. На выдвижной площадке подъемника возвышалась угловатая двухметровая фигура.

В первый момент Хоули не понял, что перед ним тяжелый вариант боевого скафандра, и, только когда заработали сервоприводы механических мускулов и огромная фигура повернулась, до него начал доходить смысл происходящего.

Игорь, бросивший свое занятие, разогнулся и внимательно посмотрел на Клауса, который тяжелой поступью сошел с аппарели и остановился.

— Ты что задумал, командир? — спросил он.

Клаус сделал несколько движений руками, проверяя, как работают сервоприводы. Затем открыл кожух вмонтированного в броню запястья тактического монитора и неуклюже присел, так чтобы Джон и Игорь могли видеть изображение рельефной карты окружающей их местности.

Несколько секунд он молча разглядывал изображение.

— Вот это место посередине, по-моему, похоже на перевал, — наконец проговорил он.

Игорь кивнул и посмотрел на разрушенную временем дорогу.

— Похоже, что так, — без особого энтузиазма согласился он.

— Нам придется разделиться, — спокойно произнес Клаус и, заметив, как протестующе вскинул голову Джон, терпеливо добавил: — По моим подсчетам, в болотах осталось не больше десятка боевых машин. Все они преследуют нас.

— Ну и что? — перебил его Игорь.

— Ничего… — Клаус посмотрел в сторону болот. — Один двигатель БМК разбит, подвеска изуродована, башенное орудие накрылось. В горах резко упадет скорость, и роботы возьмут нас голыми руками. Прижмут в каком-нибудь ущелье или на серпантине, и все.

Игорь отвернулся, покусывая погасший окурок. Он и сам понимал: кто-то должен остаться, чтобы дать остальным шанс дойти до равнины.

Он просто не знал, как вести себя в этой ситуации…

— Все, — прервал тягостное молчание Клаус. — Уходите. Вы должны довезти Кейтлин живой во что бы то ни стало.

Он разогнулся, взвыв сервоприводами, и резко пошел прочь.

— Командир!..

Игорь вскочил, порываясь бежать следом, но, сделав всего несколько шагов, остановился понуря голову.

— Встретимся за перевалом, — внезапно раздалось в его коммуникаторе. — Если повезет, конечно… Берегите Кейти…

Связь щелкнула и отключилась.

В туманной глуби болот, с той стороны, откуда двигались боевые машины, внезапно донесся раскатистый гул. Хоули, моментально вскинув голову, заметил далекий, едва различимый отсвет и машинально начал отсчитывать секунды.

— Пятьдесят километров, — спустя минуту сообщил он, услышав отдаленный раскат грома.

— Откуда ты знаешь?

— Скорость звука в атмосфере приблизительно один километр в секунду… — объяснил Джон. — После вспышки я успел досчитать до пятидесяти.

— Значит, они уже рядом. — Игорь нервно огляделся по сторонам. — Вот и договорились… — Он повернулся к Джону и натянуто засмеялся, показав ровные белые зубы. — Кого они там мочат, а? Рыбу глушат, что ли?

Его потуги на шутку не были оценены по достоинству.

— Тут нет рыбы, — вставая, ответил Джон. — Все, сваливаем отсюда!

Спустя минуту вездеход взревел двигателями и тронулся с места.

Ни Игорь, ни Джон не видели, как через дыру в прошитом снарядом блистере вылетел Гиг.

* * *

Пока БМК, бренча подвеской и завывая двигателями, карабкалась в гору, преодолевая подъем на последнюю из трех наносных террас, что образовались тут в ту пору, когда на месте болот плескался древний океан, Кейтлин, к которой опять вернулось сознание, лежала в сдвинутых креслах, бесцельно глядя в потолок.

Физической боли не было.

Чувства, которые прожигали насквозь ее грудь, душили слезами, одновременно заставляли ее ненавидеть Клауса в эти отчаянные минуты.

Она знала, что его нет на борту… Он… Он был бесчувственным, как заменивший его руку протез.

Кейтлин не выдержала и отвернулась. По ее щекам бежали жгучие слезы.

Разве могла она подозревать всего несколько дней назад, что быть человеком — это так мучительно больно?

* * *

Над болотами плыл туман.

Клаус шел широким размашистым шагом. Такой ритм движений был ему привычен и позволял сохранять равновесие. В данный момент на нем висело полторы тонны керамлитовой брони и еще полтонны оружия. Серводвигатели боевого скафандра были всего лишь искусственными мышцами, они несли на себе вес экипировки, а сохранять равновесие и управлять координацией движений было задачей человека…

Впрочем, для Клауса эта процедура уже давно не представляла никаких трудностей, скорее наоборот — он был одним из немногих, кто любил боевые скафандры и умел пользоваться ими в совершенстве.

Если бы не мрачные мысли, одолевающие его с того самого момента, как он отвернулся от Кейтлин и покинул БМК… Он чувствовал, что переживает эта хрупкая девочка, едва не отдавшая за него свою жизнь. Это причиняло ему сильную, почти нестерпимую боль. Все походило на жестокую игру случая — она освободилась от многолетних оков виртуального контроля, а он оказался рядом с ней в тот момент, когда в ней проснулись нормальные человеческие чувства. В другое время и в другом месте она бы прошла мимо, не взглянув в его сторону. Он знал это. Измученный раной, усталостью и мрачными мыслями, он ступил в первую полосу тумана.

Боли не было — об этом позаботилась система жизнеобеспечения боевого скафандра. Впрочем, как и все, что разработано военными, это вовсе не было благом, скорее наоборот — аппарат поддержания жизни был очередным злом, потому что помогал заключенному в скафандр бойцу драться, покуда двигалось его тело, невзирая на последствия, которые чаще всего оказывались фатальными…

Клаус на секунду остановился, чтобы отсканировать горизонт. Смерти он не боялся уже давно — с этим чувством не выживают ни в бою, ни в тюрьме…

Его радар наконец засек цель.

Он почувствовал, как бешеный впрыск адреналина мгновенно прояснил его сознание и заставил судорожно сжаться мышцы.

Автоматически сработал классификатор целей, и возле каждого сигнала, медленно ползущего по крохотному тактическому монитору, приткнувшемуся в верхнем правом углу забрала, появилось по нескольку

букв.

Один «Хоплит» и два «Центуриона».

Клаус машинально двинулся вперед на малой скорости, чтобы иметь время полностью разобраться в расстановке сил. Его правая рука с закрепленным на ней реактивным гранатометом была чуть согнута в локте.

Он не ошибся в своих предположениях — за первой группой боевых машин в зону действия его радара попала вторая в точно таком же составе.

Клаус свернул сферический радар и включил узконаправленный луч.

На мониторе появилась еще одна точка. Приблизительно в том направлении, откуда они слышали грохот.

Описывающий окружности луч то и дело цеплял слабые разрозненные сигналы. Точно… Там продолжался бой.

Внезапно он уловил сбоку от себя постороннее движение. Резко повернувшись, он оторопел.

В воздухе на уровне его плеч спокойно парил Гиг.

— Ты что тут делаешь?! — вырвалось у Клауса. «Там, в болотах», — отозвался голос.

— Что там? — не понял Клаус. — Говори толком, Гиг!

Мячик нетерпеливо подпрыгнул в воздухе.

«Свет. Огонь. Гром».

— Там идет бой?

«Да! Да! Да! Мертвый! Не совсем мертвый!» — Гиг смешно подпрыгивал в воздухе, пытаясь объяснить Клаусу то, что сам не вполне мог понять.

— Там люди?!

«Не знаю! Не могу сказать! Один человек, а второй нет! — бился в его мозгу виртуальный голос. — Помоги!»

Несмотря на всю серьезность ситуации, Клаус не сдержал улыбки. Этот симпатичный мячик во многом напоминал ему бесхитростного ребенка. По крайней мере, он был очень сильно подвержен эмоциям.

— Хорошо, Гиг, я иду туда. Только ты должен вернуться к Кейтлин. Ей ты сейчас нужнее, чем мне.

Клаус не сомневался, что «высшее существо» прекрасно понимало человеческую речь. Несколько секунд Гиг покачивался в воздухе, словно пребывая в нерешительности, а потом развернулся и медленно полетел в ту сторону, где скрылся вездеход.

Клаус облегченно вздохнул. От мысли, что Гиг будет рядом с Кейтлин, ему стало спокойнее.

Остальное было в его власти… Он сделал шаг в сторону от

намеченной навигационным микропроцессором тропы и почувствовал, как жадная трясина захлюпала, заглатывая его в свою пучину. Перед забралом колыхнулась коричневая муть, вверх унеслась стайка пузырей, и все стихло.

На глубине четырех метров его ноги ощутили толчок. Это было дно. Отключив все системы скафандра, кроме регенерации воздуха, он закрыл глаза и начал медленно отсчитывать про себя секунды.

На второй сотне справа от него трясина передала тяжкую поступь боевых машин. Потом еще раз…

После второй группы наступило затишье. Он выждал еще пару минут и включил питание сервомоторов.

* * *

Перегретый двигатель вездехода сдох, так и не одолев последнего подъема.

Горная дорога переваливала через хребет буквально в сотне метров от них, но сдвинуть с места изувеченную многотонную машину могло разве что чудо.

— Все… — Игорь устало откинулся в кресле и прикрыл глаза. — Приехали…

— Место неудачное. Как на ладони… — Джон вылез в блистерный купол и огляделся.

Вокруг поднимались укутанные облаками горные пики. Бесконечная цепочка острых вершин терялась вдали по обе стороны от потрескавшейся древней магистрали. Воздух был разреженным и холодным. Из клубящихся неподалеку облаков порывистый ветер выбивал колкие снежинки.

— Что будем делать? — тихо, чтобы не слышала Кейтлин, спросил Игорь.

— Придется спускаться пешком, — ответил Джон.

— А как же она?

Хоули на секунду задумался.

— У нас есть три исправных скафандра. Сделаем носилки или волокушу… Как-нибудь дойдем…

— Тогда не будем терять времени.

* * *

Редкие болотные растения, похожие на длинные палки с пучком бурых листьев на конце, торчали из неподвижной водной глади, в которой жило их отражение. Внезапно оно смазалось, исказилось, поверхность

болота заволновалась и вскипела множеством мелких водоворотов. Это продолжалось недолго — из бурлящей темной жижи показалась голова в тяжелом гермошлеме с узким дымчатым забралом, за которым неясно угадывались черты лица, затем из воды поднялись спаренные стволы закрепленных на плечах бронескафандра безоткатных реактивных орудий, подвески которых вцепились в плечевые скаты брони словно корявые механические пальцы…

Клаус остановился. Подождав, когда со шлема стекут вода и грязь, он включил радары.

Арьергард боевых машин уже удалился от него на пять километров. Впереди, где совсем недавно кипел бой, теперь просматривалось лишь несколько статичных сигналов, определить которые классификатор отказался.

Глухо взвыли сервомоторы, и бронированная фигура шагнула вперед, рассекая болотную жижу мощным керамлитовым торсом.

Орбитальная плита уже успела уползти к горизонту. Наступал полдень, и поднявшийся ветер разогнал клочья утреннего тумана.

Через полкилометра Клаус наткнулся на первое свидетельство разыгравшейся тут трагедии.

Из болота торчал сгоревший эндоостов «Хоплита». Рубка машины была прострелена, и обзорный триплекс скалился острыми осколками выбитого снарядом бронестекла. Робот наполовину затонул, от него поднимался вонючий сизый дым. По черной глади воды плавали радужные пятна.

Клаус обогнул робота и взял чуть левее своего прежнего курса, ориентируясь на самый четкий из пяти неопознанных сигналов, до которого, по показаниям радара, оставалось полтора километра.

Теперь признаки жестокой скоротечной схватки попадались ему все чаще, пока наконец болотные возвышенности, тут и там выступающие из воды покатыми горбинами, не превратились в уродливое месиво, вспаханное снарядами и изрытое ступоходами машин. В вывороченной грязи ярко поблескивали отстрелянные обоймы автоматических пушек, куски срезанной снарядами брони и обугленные конечности роботов.

Клаус почувствовал, как по его спине прошла волна непроизвольной дрожи. С точки зрения его личного боевого опыта, тут должно быть не меньше двух десятков трупов в бронескафандрах… Он еще раз осмотрелся в поисках тел, но всюду его взгляд натыкался лишь на изуродованные детали машин.

Сигнал на радаре стал четче. Он присмотрелся к нему и понял свою

ошибку. Это было несколько объектов, сливающихся на экране радара в одну крупную точку. Надетый на нем бронескафандр был, как говорится, с чужого плеча, а он, в спешке активируя системы, не проверил вариатор целей.

Он остановился, мысленно помянув недобрым словом того лоха, кому принадлежал до него этот бронескафандр. Через несколько секунд все было отлажено, и на экране вспыхнуло сразу семь разных целей.

Два «Хоплита» были явно не в счет. Обе машины выдавали «мертвый», статичный сигнал остаточного теплового излучения. Зато топтавшийся подле них «Центурион» чувствовал себя превосходно — на экране четко просматривался пульсирующий в инфракрасном диапазоне ядерный реактор машины.

— Шаранг… — сорвалось с губ Клауса древнее как мир ругательство. В полусотне метров от «Центуриона» застыли два «Фалангера» с воздетыми к небу ракетными комплексами дальнего действия, которые являлись основным видом вооружения этой тяжелой модели боевой машины.

Под ступоходами «Фалангеров» пульсировали еще две точки — одна изумрудно-зеленая, а вторая какого-то непонятного бурого цвета. Такого Клаус еще не встречал в своей практике. Обычно радарные сигналы имели четкую цветовую градацию: живой объект — зеленое, искусственный — красное.

«Не знаю! Не могу сказать! Один человек, а второй нет!» — моментально всплыл в его памяти мнемонический голос Гига.

«Что за черт… Киборг там, что ли?..» Клаус машинально поднял правую руку с укрепленным на ней реактивным гранатометом и медленно двинулся вперед, обходя по широкой дуге позицию этой разношерстной группы, с таким расчетом, чтобы выйти на горбину за спиной «Центуриона», который по непонятной ему причине продолжал топтаться на одном месте — по крайней мере процессор его скафандра именно так интерпретировал тот колеблющийся сигнал, что исходил от семиметрового робота.

Он шел, слегка раскачиваясь, по зыбкой почве болота. Тихо гудели сервомоторы боевого скафандра, картинка на жидкокристаллическом полупрозрачном экране его шлема плавно перемещалась по мере того, как он поворачивал голову, и в такт этому движению микромоторы стабилизирующей подвески ориентировали стволы двух расположенных на плечах орудий. Они смотрели туда, куда смотрел он.

Темная фигура «Центуриона» показалась внезапно. Разглядеть цель

издалека помешала все та же предательская дымка исходящих от болотной жижи испарений.

Клаус инстинктивно затормозил и резко отпрянул назад, ожидая, что сейчас по нему резанет очередь кумулятивных снарядов из башенной пушки… Но шли секунды, а робот не реагировал на его оплошность…

Он застыл, глядя на странные, с его точки зрения, маневры боевой машины. Она действительно топталась на месте, наклонив мощный торс и суча ступоходами по покатому склону болотной горбины, на которой гордо, как изваяния, торчали два изготовившихся к стрельбе «Фалангера».

Клаус тихо лег в болотную грязь и пополз, не обращая внимания на оскорбленный всхлип сервомоторов металлических мускулов боевого скафандра, которым были не свойственны движения пресмыкающегося.

Изрытые снарядами горбины торчали из болота через каждый десяток метров. Тут было мелко, и это давало великолепную возможность для маневра. Пропахав десяток метров вверх по склону, Клаус добрался до гребня возвышенности и выглянул.

Открывшаяся перед ним картина заставила его побледнеть.

Застывшие на склоне соседней возвышенности «Фалангеры», изготовившиеся для нанесения ракетного удара по невидимой отсюда цели, были свернуты в стационарную позицию. Их сложенные пополам торсы поддерживали вращающиеся ложементы пусковых установок. Для обеспечения устойчивости при стрельбе они выпустили дополнительные гидравлические упоры, которые уходили в болотную жижу.

Между ними под брюхом ближнего к Клаусу робота в грязи ворочались два человеческих тела.

Измазанный грязью мужчина с перебитыми ногами, лежа на спине, тащил под брюхо «Фалангера» худенькое тело подростка. В лице мальчика не было ни кровинки. Рядом, опрокинутые в болотную грязь, застыли два изуродованных «Хоплита», между ними пританцовывал ощерившийся стволами «Центурион», тщетно стараясь разрешить возникшее в логических блоках его процессора противоречие — он пытался атаковать цель, сигнал от которой совпадал с местоположением «Фалангера», а тот, в свою очередь, генерировал четкий и ясный сигнал «Я свой».

— Сука железная… — прошипел Клаус, опуская руку с гранатометом. С такой дистанции он мог превратить озабоченного «Центуриона» в дымящуюся груду железа буквально за считаные секунды, но осколки неизбежно изрешетят людей и, что хуже всего, заденут «Фалангеров», которые тут же начнут трансформацию для смены позиции. Тогда этому мальчику уже не поможет ни один врач.

— Потерпите, ребята, — прошептал он, поднимаясь из грязи.

Выхватив из-за спины укрепленную в чехле импульсную винтовку, он резко появился в поле зрения «Центуриона». Робот моментально повернулся, с необычайным для такой махины проворством отреагировав на появление новой цели.

Сухо прошипел интегральный затвор, и Клаус выстрелил. На боковом скате брони «Центуриона» расцвел яркий сполох разрыва. В вязкой тишине болота тонко запели срикошетившие осколки.

Клаус не надеялся поразить робота. Он просто хотел отвлечь его от двух беспомощно распростершихся в грязи фигур. Снаряды импульсной винтовки сильно уступали гранатомету и безоткатным пушкам, и даже с такой убийственно короткой дистанции они могли разве что только разозлить сорокатонный «Центурион», механизмы которого укрывала многослойная броня.

Гулко взвыли сервомоторы скафандра, и Клаус попятился. Он намеренно отступал, вбивая снаряд за снарядом в покатую лобовую броню боевой машины, которая, сверкнув в лучах полуденного солнца узкими прорезями смотровых триплексов рубки, поперла на него, оставив в покое двух полумертвых бойцов, прятавшихся под днищем «Фалангера».

От первой очереди разрывных снарядов, выпущенных навскидку, пострадала по большей части болотная возвышенность — ураганный огонь из правого автоматического орудия «Центуриона» прошелся по ней.

Короткая дистанция на холмистой местности всегда была слабым местом в тактических программах тяжелых боевых машин. Клаус знал это отнюдь не понаслышке и потому в первые минуты боя действовал почти автоматически, больше полагаясь на рефлексы своего тела, чем на осмысленные шаги.

Отступая вполоборота к противнику, который уже начал резво карабкаться на только что расстрелянную горбину, он вел методичный отсекающий огонь в двух направлениях, почти впритирку к броне «Центуриона», так что часть снарядов вскользь задевала его, не причиняя особого вреда, но и не давая покинуть этот узкий коридор из двух огненных трасс.

Такая тактика носила название «слепой стрелок» и была доступна очень немногим. «Качать маятник» перед боевым роботом, или, если выражаться неофициальной военной терминологией, «валить процессор» всегда считалось уделом психов-одиночек.

Клаус не стал искушать судьбу. Почувствовав, что начинает выдыхаться, он внезапно метнулся в сторону и, выпустив две гранаты,

кубарем скатился по осклизлому склону в очередную наполненную болотной жижей ложбину.

Тяжело дыша, он резко перезарядил магазин, прислушиваясь к приближающемуся вою сервомоторов и гулким, звенящим выстрелам автоматической пушки. Снаряды опять месили грязь по ту сторону бугра.

Через пару секунд прямо над его головой раздался выворачивающий нервы вой, и дневной свет заслонила тень от ступохода, который оканчивался овальным двухметровым блином. В небо взлетел фонтан болотной жижи, когда конечность машины обрушилась в трясину рядом с человеком.

Робот замер, пытаясь определить, куда подевалась его цель. Пока он ворочал сканерами, обшаривая горизонт, Клаус резко встал на одно колено, осматривая нависшее в пяти метрах над ним синевато-зеленое, заляпанное илом днище робота. Заметив уязвимое место, он вскинул руку и выстрелил.

Реактивная граната, с хрустом проломив лепестки одной из оружейных диафрагм, влетела внутрь и с приглушенным хлопком взорвалась в нежных электронных внутренностях машины.

«Центурион» вдруг зашатался и начал оседать на бок. Сползая по склону, сорокатонная машина вдруг несколько раз вздрогнула; из триплекса рубки управления с воем и грохотом вырвало сегменты бронестекла, и оттуда взметнулось шальное пламя вперемешку с густым черным дымом.

Клаус вывернулся из-под оседающей на бок машины и отскочил в сторону, наблюдая, как покосившийся «Центурион» грузно повалился во впадину и застыл, наполовину затонув в зловонной жиже болота.

По его броне, пожирая краску, весело метались голубые язычки пламени…

Часть третья. Здравый смысл

Глава 12. Равнина красного солнца

По ту сторону гор…

Древняя дорога, построенная в незапамятные времена создателями сферы, оканчивалась недалеко от усадьбы Берни Хьюберта. Старику было далеко за шестьдесят. С тех пор как умерла жена, а дочка вышла замуж, он жил один, занимая семь комнат в старой добротной усадьбе, расположенной на самом краю равнины Красного Солнца.

Берни был знаменитым и уважаемым человеком. Свой жизненный путь он избрал, будучи еще подростком, и с тех пор ни разу не свернул с намеченного пути.

Он занимался селекцией. Усадьбу Берни окружали длинные ярко освещенные оранжереи, где он проводил свои опыты по скрещиванию овощных культур.

Конечно, жизнь не стоит на месте — он здорово постарел с того момента, как вырастил свой первый куст томатов, но продолжал работу, самозабвенно ухаживая за растениями. Оранжереи были его гордостью, смыслом жизни и предметом неусыпных забот.

В этот злополучный вечер он как раз поужинал и совершал традиционный обход подконтрольных территорий, когда на древней дороге, ведущей через горный перевал к Гиблым Болотам, показалась темная точка.

Старик не видел, как по покрытым трещинами плитам катится, громыхая и лязгая, странный приземистый вездеход на шестнадцати литых ребристых колесах. Его двигатели были разбиты, и он катился только в силу уклона спускавшейся с гор дороги.

Берни почуял неладное, только услышав громкий хруст штакетника. Резко разогнувшись, он раздвинул плодоносящие кусты как раз в тот момент, когда тупая морда двадцатиметровой машины проломила низенький забор и, подпрыгнув на клумбе, неуклюже вкатилась на территорию усадьбы.

Он громко закричал, схватившись за сердце, но огромные ребристые колеса уже прошлись по недавним посадкам, разворотив ровные гряды, и машина, притормозив, пошла юзом, собирая в кучу поливочные шланги и садовый инвентарь.

— Да что же это такое! — в негодовании закричал Берни, выскочив из оранжереи. Потрясенный таким варварством, он в горячке не обратил внимания на странную конструкцию и внешний вид влетевшей на его

участок машины.

БМК взвизгнула тормозами, качнулась и застыла, всего несколько метров не доехав до оранжереи.

Берни с громкими криками бросился к машине, и вдруг до него дошло…

Старик, секунду назад пылавший праведным гневом, вдруг остановился и в немом изумлении уставился на спустившегося с гор монстра.

Он никогда не видел такой машины, которая, на его взгляд, была в два раза больше любой самой мощной сельскохозяйственной техники. Ее голубоватая обшивка была испещрена глубокими бороздами и шрамами. В некоторых местах зияли безобразные дыры с рваными оплавленными краями, кое-как заткнутые какими-то тряпками.

Из машины никто не появлялся, и, набравшись смелости, старый Хьюберт подошел ближе. Он взял сломанный черенок от лопаты и осторожно постучал по броне.

Секунду спустя внутри послышалась неясная возня, и в лобовом скате машины откинулся люк, откуда показались человеческая голова и плечи.

— Ты… Ты кто такой? — запинаясь, спросил Берни.

Голова повернулась, и он увидел глубоко запавшие глаза молодого парня, чье измученное обветренное лицо было похоже на маску смерти.

Парень, не сводя с него воспаленного взгляда покрасневших глаз, выбрался из люка и спрыгнул на землю, пошатнувшись от этого простого движения. Его одежда была порвана и испачкана грязью, а на виске запекся огромный кровавый рубец.

Старик уже не думал ни о сломанном заборе, ни о развороченных грядках. Он во все глаза смотрел на парня, который, тоже не отрываясь, сверлил его взглядом, и вдруг… Он неуверенно шагнул вперед, и в его глазах блеснули слезы.

— Мы добрались… — потрясенно прошептал он, очевидно, не веря своим глазам. — Слышишь, Джон… — Он повернулся к открытому люку. — Это люди! Мы добрались…

Он внезапно опустился на землю, прислонясь спиной к огромному колесу, и запрокинул голову, словно желая влить назад бегущие по щекам слезы. Дрожащими пальцами он достал сигарету и прикурил, беззвучно шевеля губами и глядя куда-то в сторону гор.

Берни хоть и расслышал часть произносимых им слов, но ровным счетом ничего не понял. Речь шла о каком-то Клаусе и боевых машинах, но старик отродясь не слышал таких названий.

В распахнутом люке появилась еще одна изможденная фигура. Человек выбрался на лобовой скат брони, взглянул на оторопевшего Хьюберта и вдруг спросил:

— Слышь, отец, у тебя тут есть телефон? У нас раненая, и ее нужно срочно в больницу…

Равнина Красного Солнца Городок Санта-Моника. Центральная региональная больница. Десять дней спустя…

Кейтлин, укутавшись в теплый халат, сидела в глубоком кресле.

Она была еще очень слаба. Прошли всего сутки с того момента, как врачи перестали опасаться за ее жизнь. От удара о пульт управления БМК она раздробила себе голову…

Впрочем, ничего этого она не помнила. Все, начиная с того момента, как вездеход врезался в «Фалангер», было окутано для нее дурманом боли.

В дверь палаты осторожно постучали; она повернула голову, стараясь не совершать резких движений, и увидела, как в комнату входит незнакомый мужчина.

Незнакомый ли? Эта мысль обожгла Кейтлин мгновенным приступом головной боли, так что на секунду у нее помутилось сознание.

Она побледнела, но не отвела взгляда, хотя внутри у нее все похолодело и сжалось от дурного предчувствия и нахлынувших вдруг воспоминаний…

…Сухо щелкнул электромагнитный запор, и дверь приоткрылась. Увидев Кейтлин, мужчина остолбенел.

— Ты откуда, девочка?! — изумленно воскликнул он.

«Огонь!» — полыхнул в ее мозгу не терпящий возражений приказ…

Это был он — тот самый человек, в которого она стреляла пять лет назад на пороге инкубатора клонирования! Кейтлин мгновенно узнала это спокойное лицо, которое, казалось, навечно отпечаталось в ее памяти.

Он тоже узнал ее — Кейтлин прочла это в глазах незнакомца, который, переступив порог, несколько секунд внимательно смотрел на нее, потом кивнул, словно старой знакомой, и повернулся в поисках чего-либо подходящего, чтобы поставить букет экзотических цветов, который он держал в руке.

— Вот это, я думаю, подойдет, — негромко сказал он, заметив сосуд с питьевой водой. — Не возражаете?

Кейтлин машинально кивнула.

Он поставил цветы, передвинул букет поближе к ней и сел в кресло напротив.

— Давайте знакомиться? — предложил он.

Кейтлин вдруг почувствовала, как на нее наваливается безграничная, похожая на потерю сознания усталость.

— По-моему, мы уже встречались, — тихо ответила она. Секунду он внимательно смотрел в ее побледневшее лицо, а потом кивнул.

— Вам не следует беспокоиться об этом, — внезапно произнес он. Смысл сказанного не сразу дошел до нее.

— Я стреляла в вас пять лет назад, — удивляясь своему ровному голосу, произнесла Кейтлин. — И, по-моему, убила… — уже менее твердо добавила она.

Посетитель усмехнулся, показав идеально ровные белые зубы.

— Меня не так просто убить, как кажется, — проговорил он. — Я робот-андроид.

На щеках Кейтлин вдруг вспыхнул румянец.

— Вы серьезно?

— Вполне.

Она никак не могла предположить, что испытает такое облегчение. Нельзя сказать, чтобы она боялась возмездия, — то была совершенно другая жизнь. И чувство страха не было присуще ей, потому что инстинкт самосохранения был вытравлен из ее сознания Интеллектом много лет назад.

— Кейтлин… — Она протянула ему бледную руку с тонкими натруженными пальцами, ощутив его мягкое осторожное пожатие. Кожа андроида была теплой.

— Меня зовут Андор, — представился он.

— Вы пришли, чтобы судить меня? — спокойно спросила Кейтлин. — Или выдать мне официальное прощение?

— Нет. Ни то и ни другое, — покачал он головой. — Я пришел просить вас о помощи.

Кейтлин внутренне сжалась.

— Я ничем не могу вам помочь, — устало ответила она, в то время как ее опустевшая душа испытывала очередное падение в пропасть. Она не могла простить им, людям, населявшим эту равнину, своей боли…

— Нет, — тихо, но твердо сказал Андор. — Вы можете. От вас зависят жизни очень многих людей.

— За эти жизни я отдала все, что у меня было! — не выдержала она и

вдруг повернулась. В ее взгляде было столько невысказанного, тайного страдания, что Андор внутренне содрогнулся. Направляясь сюда, он сказал себе, что будет предельно корректен и постарается не ранить ее чувств, но, взглянув на Кейтлин, он вдруг понял, что никакая ложь во спасение с ней неуместна.

— Мы ищем его…

— Сколько прошло времени? — спросила она. Приступ ярости отступил, и Кейтлин без сил опустилась в кресло.

Андор не стал ей лгать.

— Десять дней, — ответил он. Кейтлин устало опустила веки.

Несколько секунд она молча пыталась осмыслить этот срок. Десять дней… Ее безумные надежды таяли как дым…

— Что вы хотите от меня? — справившись наконец со своими чувствами, спросила она.

Андор отошел к большому панорамному окну и остановился около него, глядя в туманную даль равнины Красного Солнца.

— Я прожил на этой равнине больше тысячи лет, — внезапно произнес он. — И только недавно понял, что люди тут только гости, причем незваные… Для одного человека — это трагедия. Для двух — совместная беда. Ну а если взять цивилизацию? — Он повернулся к Кейтлин и посмотрел на нее.

Она молчала.

— Для цивилизации — это война, — не дождавшись ее ответа, заключил Андор.

Кейтлин вздрогнула.

Страшное слово, произнесенное андроидом, который внешне был неотличим от человека, повисло в воздухе словно черное пятно.

Она не знала, в какой момент это понятие обрело для нее зловещий смысл. Когда разлетелся вдребезги ее шар-носитель? Или когда она увидела кровь на иссеченном осколками скафандре Клауса?

Андор, терпеливо ожидавший, пока она обдумает высказанную им мысль, вернулся к креслу и сел напротив.

— Вы незнакомы с нюансами возникновения нашего сообщества, — проговорил он, — но вкратце скажу, что мы добровольно покинули старую Галактику, пытаясь избежать ужасов кровопролитных и бессмысленных галактических войн… Больше того, когда это удалось, на нашем пути оказалась эта полуразрушенная сфера. Это было идеальное место для создания новой цивилизации, и Семен Воронцов, который основал эту колонию, мечтал о том, чтобы память о войнах исчезла из сознания его

потомков…

Андор вздохнул.

— Собственно, так оно все и получилось, — продолжил он. — За тысячу лет память о войнах и старой Галактике истерлась, став уделом лишь небольшой горстки посвященных в истинную историю. Эту группу по исторической традиции возглавлял я… — При этих словах он почему-то невесело усмехнулся. — Я тоже начал забывать, — признался он, — хотя для машины это утверждение и может показаться абсурдным… но я был счастлив на протяжении тысячи лет. Теперь я понимаю, что, по сути, это был самообман. Мы создали утопию, которая едва не рассыпалась в прах при первом же контакте с давно забытым прошлым. Если бы не ваш отряд… — Он понурил голову, углубившись в свои мысли. — Что там говорить, если я оказался так беспечен, что проморгал возвращение третьей силы. Мне казалось, что строители сферы навсегда исчезли во мраке тысячелетий, и даже тот инцидент в инкубаторе клонирования я списал на случайную мутацию.

— Что значит «мутация»? — переспросила Кейтлин.

— В нашем обществе царят жесткие генетические законы, — объяснил Андор. — Это единственное ограничение свободы личности, введенное Семеном Воронцовым. Мы контролируем численность цивилизации, заботимся о здоровье нашего генофонда и, таким образом, избегаем перенаселения равнины и многих других неприятностей… Но иногда люди нарушают это правило, особенно когда в семье рождается ребенок с явным отклонением от нормы — мутацией. Чаще всего родители стараются это скрыть, и так появляются фантомные члены нашего общества. Как правило, они социально опасны…

Он замолчал, но спустя некоторое время заговорил вновь, машинально теребя в пальцах угол салфетки:

— Естественно, просмотрев видеозапись вашего прибытия в сферу, я испытал шок… Поймите мое состояние, когда я увидел огромный корабль, который при сканировании оказался военным крейсером. На его борту было несколько десятков боевых машин. Учитывая, что я ничего не знал о возвращении третьей силы, олицетворяющей истинных хозяев этого мира, мой вывод о случайном появлении «Светоча» во внутреннем пространстве сферы был вполне обоснован. Горстка людей, покинувшая корабль под огнем боевых машин, живо напомнила мне о прошлом, я видел опасность, но недооценил ее степень. Мне казалось, что на корабле произошел обычный сбой кибернетических систем.

— Вы, наверное, подумали, что сможете помочь нам восстановить

утраченный контроль над «Светочем» при условии, что мы покинем сферу Дайсона? — спросила Кейтлин.

— Да, — признался Андор. — Я думал приблизительно так. С небольшим отрядом я вылетел к месту вынужденной посадки вашего модуля. Мы воспользовались обычными реактивными ранцами, которые широко применяются на равнине. Я рассчитывал вступить с вами в контакт и предложить свою помощь.

— Мы разминулись?

— Да… Когда мы добрались до вашего модуля, он уже был покинут, а спустя несколько минут на нас обрушились посланные со «Светоча» машины… — Андор замолчал, очевидно, вновь переживая те страшные минуты. — Мой отряд погиб, угодив в огненный котел той ловушки, что оставил Клаус, — произнес он. — Мне удалось вытащить оттуда только Николая. Мы спрятались внутри расстрелянного «Хоплита», и оттуда я наблюдал, как второй модуль, не совершая посадки, взял курс на равнину Красного Солнца…

Кейтлин молчала, глядя на тяжелые бутоны незнакомых цветов, что принес ей Андор, а перед ее глазами снова и снова мелькали те страшные минуты, когда на БМК налетели истребители, а Клаус покинул машину, чтобы остановить пролетающий вдали от них десантно-транспортный модуль, который держал курс на эту равнину.

Казалось, что это происходило всего час назад.

— Он его сбил… — прошептала она.

Андор взял ее бокал и наполнил его. Чем он мог утешить эту женщину, которая в свои двадцать лет пережила столько, что с лихвой хватило бы на несколько жизней?

— Выпейте, это поможет.

Кейтлин машинально пригубила терпкий фруктовый сок.

В какой момент она перешагнула рубеж, который отделял внушенное ей Интеллектом отвращение к людям от чувства сострадания и ответственности?

«Для цивилизации это будет война».

Она внимательно посмотрела на это странное, с ее точки зрения, создание и вдруг спросила:

— Вы знаете что-нибудь про Интеллект?

Андор кивнул.

— Немного, — признался он. — То, что я смог выяснить у двух ваших спутников… плюс мои собственные догадки и подозрения. — Он посмотрел на нее и добавил: — Это именно то, о чем я пришел просить.

Оказывается, принять решение было не так уж сложно. Кейтлин чувствовала себя опустошенной и измученной, но вопроса, кто она такая и по чью сторону баррикад лежит ее судьба, больше не стояло.

— Тогда мне лучше рассказать все с самого начала, — произнесла она.

— Я согласен, — ответил Андор. — Но как вы себя чувствуете?

— Нормально, — солгала Кейтлин. На самом деле ее лихорадило не то от болезни, не то от нервов, но меньше всего ей сейчас хотелось остаться наедине с собой. Пусть уж лучше так.

— Устраивайтесь поудобнее, — предложил он. — Я подозреваю, что повествование не будет коротким.

Кейтлин кивнула. Приняв его руку, которая вновь удивила ее своей мягкостью, она встала и перебралась на кровать.

Удивительно, но она больше не испытывала к Андору ни враждебности, ни подозрительности. Наоборот, ей было легко… Может быть, потому, что он был машиной?

Да, наверное, именно так. Интеллект был жесток по отношению к ней, но эта жестокость была прямолинейна и не несла в себе лжи. Люди же, наоборот, старались прятать свои чувства и мысли, пока это было возможно, и тем больнее оказывались потом наносимые ими удары.

Единственным человеком, который ни разу не солгал ей, был Клаус…

Кейтлин подумала о нем и отвернулась, чувствуя, что ее голос будет дрожать, если она начнет говорить немедленно.

Андор ждал, терпеливо сидя рядом с ее постелью.

Он тоже переживал в этот момент нечто неадекватное, потому что отвернувшаяся к окну молодая женщина разительно напомнила ему Яну.

За тысячу лет его память не истерлась, наоборот, она стала острее.

Кейтлин, наконец справившись со своими чувствами, повернулась к нему. Ее глаза были сухими, но Андор читал в них безумную боль.

— Я была маленькой девочкой и жила вместе с родителями в подледном городе Клайфпорт на спутнике Эригона, который назывался Луна-17, — внезапно без всяких вступлений начала она.

Андор слушал, неподвижно застыв в кресле. Кейтлин рассказывала, заново переживая свое падение в ледяную пропасть, первую встречу с Интеллектом, прыжок в сферу Дайсона, и вдруг… Она сама не поняла, в какой момент ее сознание перекинулось на память Клауса, частицу которой передал ей Гиг в ту первую дождливую ночь ее виртуальной свободы. Теперь это все уже было прошлым, и Кейтлин хотелось безудержно разрыдаться, когда перед ее мысленным взором вдруг появилась его

фигура, застывшая в проеме пещеры, горький, струящийся к отверстию в потолке дым от костра и огонек сигареты, разгорающийся при глубоких затяжках и освещающий его лицо…

Андор внимательно слушал ее, с трудом удерживая себя от порывистого желания сказать: «Хватит».

Он был человеком намного больше, чем хотел того сам. Те ощущения, что возникали в цепях его уникального биофотонного мозга, когда он слушал ее рассказ, нельзя было назвать дискомфортом или программным сбоем. Это была боль сопереживания…

Их затянувшийся разговор продолжился за обедом, который принесли Кейтлин в палату. От ее внимания не укрылось, что стол был сервирован на двоих.

Андор перехватил ее удивленный взгляд и улыбнулся.

— Я уже давно не железка, как когда-то называл меня некий Джедиан Ланге в печально знаменитом форте Стеллар, — пояснил он. — Сейчас пятьдесят процентов моего тела состоит из живых тканей. — Он поднял руку, демонстрируя загорелую кожу. — Это не пеноплоть. И я вынужден есть, как и все остальные люди.

Они сели за стол.

Кейтлин чувствовала, что совершенно не хочет есть. В конце концов она отодвинула тарелку и взяла бокал с каким-то терпким фруктовым соком.

Андор укоризненно покачал головой, но ничего не сказал.

— Я не могу есть, — заметив его взгляд, призналась она.

— Вы любите его? — внезапно спросил Андор.

Кейтлин вздрогнула.

— Да… — тихо произнесла она, чувствуя, что больше не в силах сдерживать подкатившие к горлу рыдания. — Если я знаю, что такое любовь…

Она отвернулась к окну, не желая показывать катившихся по ее щекам слез.

Андор отодвинул тарелку и встал. Обойдя ее кресло, он осторожно обнял Кейтлин за плечи.

— Его ищут, — проговорил он. — Круглые сутки наши отряды прочесывают болота.

— Расскажите мне, что случилось после моего ранения, — вытирая слезы, попросила она. — Я помню только озноб, брызги, которые залетали в пробоину БМК, и холод… Больше ничего…

Андор подошел к окну и посмотрел вдаль.

— Вы спасли нас, — негромко произнес он. — Тридцать две боевые машины… Я не предполагал, что такое можно совершить, — признался он. — По словам ваших товарищей, Клаус покинул БМК в предгорьях, приказав им во что бы то ни стало добраться до равнины. На горном перевале отказал второй двигатель, и они хотели идти дальше пешком, но потом додумались зацепить за выступ скалы трос электролебедки и подтягивать на нем БМК. Так они преодолели еще два километра, пока дорога не пошла вниз, под уклон…

— А Клаус?

— Он пошел назад, в болота, чтобы встретить остатки боевых машин, — ответил Андор. — Я видел его, — признался он.

— Как?! — вырвалось у Кейтлин.

— Это тоже странная и длинная история — Андор вернулся за стол и сел. — Клаус спас мою жизнь… Да-да, не удивляйтесь, в некоторых случаях я могу так выражаться, и это не будет фигурально. Мое функционирование — это жизнь. Мне больше тысячи лет, и за это время я трижды находился в той стадии, которую можно охарактеризовать словом «смерть»… Последний раз это произошло две недели назад в Гиблых Болотах.

— Вы сказали, что видели Клауса, — напомнила она. Андор кивнул.

— Мы с Николаем шли по следам вашего отряда, — начал он свой рассказ. — Сначала я собирался прямым ходом вернуться сюда, на равнину, но, когда увидел, что в той стороне, куда скрылся второй модуль, полыхает зарево, изменил свое решение. Мы с Николаем повернули в сторону отсветов, но на краю Гиблых Болот внезапно вышли на позицию боевых машин. Они готовились произвести ракетный залп. Там были два «Фалангера», которые разворачивались в стационарную позицию для прицельной стрельбы тяжелыми ракетами. Их охраняли два «Центуриона» и четыре «Хоплита».

Кейтлин слушала его, прикрыв глаза, которые болели от напряжения. Она десять лет провела в общении с кристаллическим мозгом и потому так полно и ясно воспринимала рассказ Андора.

Она видела это…

…Тяжкий саван тумана покрывал собой топь. Два человека, давно скинувшие свои опустевшие реактивные ранцы, устало брели между бугров. Один, совсем еще мальчик, нес на плече тяжелую для него импульсную винтовку. Вода хлюпала в их обуви, одежда отсырела и неприятно липла к телу.

Внезапно Андор, двигавшийся чуть впереди, остановился и вскинул руку. Немногие сохранившиеся с давних времен сенсорные системы уловили за пеленой тумана смутное движение.

Нужно сказать, что он пожертвовал очень многим, чтобы обрести человеческий облик.

Жизнь была странной и капризной. Те, кто любил его как робота-андроида, давно умерли, а новые поколения уже не воспринимали его как равного или как друга.

Страшные сказки о боевых машинах и сожженных дотла планетах постепенно забывались, но все равно он чувствовал на себе недоверчивые взгляды. Это было тем обиднее, что смотрели на него так дети тех, с кем он начинал свою жизнь, кого учил быть людьми и сам набирался от них человечности.

Андор видел, как стремительно растет пропасть между ним и людьми. Тогда он решил изменить свой облик. Ему не нравилась перспектива стать изгоем.

Так вместе с оболочкой живой плоти постепенно родилось его инкогнито. По мере того как он обретал все больше и больше человеческих черт, его собственные системы приходилось либо снимать, либо очень тщательно камуфлировать. То, что вполне уместно на сверкающем хромом корпусе человекоподобного робота по имени Андор, никак не могло быть сохранено на теле старейшины Джоаргов Андрегера… Андору приходилось выбирать, и он предпочел принести в жертву львиную долю своих способностей, чем превратиться в отшельника.

Поэтому сейчас он стоял среди молочного тумана и с напряжением вглядывался в мутную пелену…

— Бой был коротким. Они вышли прямо на нас, открыв массированный огонь еще издали… Четырех «Хоплитов» вел «Центурион», и его мне удалось свалить сразу одним прицельным выстрелом, в который я вложил все оставшиеся возможности моих ослабевших сенсорных систем, — рассказывал он. — Снаряд пробил его рубку и разбил процессор, но это не остановило «Хоплитов» — Николай не растерялся и начал отходить, но один из роботов выстрелил из ракетной установки, и бугор, за которым пытался скрыться мальчик, разворотило прямым попаданием…

Кейтлин, не открывая глаз, протянула руку и накрыла своей ладонью его сжатый кулак.

Андор вздрогнул. На мгновение ему показалось, что рядом с ним

сидит маленькая Яна, а вокруг не стены больничной палаты, а стальная обшивка герметизированных отсеков Острова Надежды…

Кейтлин не убрала свою руку. Рядом с ней не было ни шара-носителя, ни Гига, но тем не менее она явственно чувствовала боль сидящего рядом с ней существа.

Одно Кейтлин знала наверняка — кем бы ни был сидящий напротив андроид, он ее друг.

Андор в этот момент думал совсем о другом.

— В меня попало несколько осколков, — проговорил он. — Удар одного из них пришелся в серводвигатель ноги, а два других задели черепную коробку…

…Он упал, и изображение окружающего мира вдруг подернулось рябью помех. На внутреннем дисплее бешено менялись искаженные строки символов, отражая полученный процессором баллистический шок…

Через мгновение помехи исчезли. Андор присел, и один из «Хоплитов» вдруг окутался бурым облаком взрыва, когда снаряд, выпущенный из импульсной винтовки, с нечеловеческой точностью пробил броню на стыке двух пластин и детонировал боезапас робота.

Трое оставшихся «Хоплитов» попятились, накрыв шквальным огнем позицию стрелка. Андор почувствовал, как снаряды рвут его плоть, но, прежде чем его процессор вновь отключился, он успел разрядить весь магазин импульсной винтовки…

Потом сознание то пропадало, то возвращалось вновь, как будто кто-то добрался до выключателя и баловался с ним, засев внутри хромированной черепной коробки андроида…

— Я не помню, как подобрал раненого Николая и дотащил его до позиции двух изготовившихся к стрельбе «Фалангеров». — Андор покачал головой. — До сих пор не могу понять, почему я решил, что там, под ступоходами машин, мы окажемся в безопасности. Мой процессор никак не мог выйти на резервную линию питания и постоянно давал сбои. В очередной раз, когда он включился, я увидел, что к нам со стороны болот приближается человек в бронескафандре. К сожалению, мой речевой синтезатор был разбит, но я полагаю, что он и без моих комментариев прекрасно разобрался в ситуации.

Андор посмотрел на Кейтлин и сказал:

— Я редко встречал таких людей. В его храбрости не было безумия. Он атаковал последнего оставшегося около нас робота, который тут же

переключился на нового противника.

При этих словах Кейтлин напряглась, но Андор успокоил ее:

— Я уверен, что Клаус остался жив. Мой процессор в тот момент опять отключился, но позже мои люди, осматривавшие болота, нашли сгоревший остов этого «Центуриона» в полукилометре от позиции «Фалангеров».

— Но почему он не пришел сюда, на равнину? — спросила Кейтлин.

— Не знаю… — покачал головой Андор. — Все свидетельства говорят о том, что, разделавшись с «Центурионом», он вернулся, перепрограммировал компьютеры «Фалангеров», и они нанесли ракетный удар по двум последним группам боевых машин. Их обломки были найдены в предгорьях. Потом он снял с себя боевой скафандр и надел его на Николая, который потерял много крови от осколочного ранения и был в тот момент при смерти. Это все, что я знаю… Когда истек установленный для нашего возвращения срок, второй отряд Посвященных вышел на поиски. Они и подобрали нас с Николаем.

— Он выжил?

— Да. Благодаря системе поддержания жизни боевого скафандра, который отдал ему Клаус.

— Значит, он остался в этих Гнилых Болотах совершенно без защиты?! — Кейтлин порывисто встала, но тут же пошатнулась, ухватившись за край стола.

— Нет. Вместе с ним исчез «Фалангер».

Кейтлин, с трудом подавив дурноту, села.

— Он увел боевого робота?

— Он сам ушел на боевом роботе, — уточнил Андор. — Эти машины имеют кабину и пульт ручного управления, как обыкновенный вездеход или танк.

— Интеллект… — тихо произнесла Кейтлин. — На ее бледном лице внезапно проступил болезненный румянец. — Он пошел туда!

— Вы уверены?

Кейтлин метнула на него взгляд, который красноречиво говорил о том, что она думает о внешней невозмутимости андроида.

— Кто-то из них не переживет этой встречи… — В ее голосе была безысходность.

Андор отошел к окну.

— За те десять суток, что прошли с момента последней схватки с роботами, вокруг равнины в радиусе десяти тысяч километров не зафиксировано никаких аномалий, — проговорил он. — Ни термальных

всплесков, ни световых вспышек, ничего…

Кейтлин вытерла слезы и повернулась.

— Местоположение Интеллекта намного ближе, — сказала она. — Просто он находится вне поля зрения каких-либо систем. Он на вершине горы…

— Клаус знает об этом?

— Нет.

Ей показалось, что у Андора вырвался вздох облегчения.

— Значит, он еще не добрался… — Андроид, подчинившись внезапному порыву, взял ее руку и сжал в своих ладонях. — Ничего не кончено, Кейтлин, — порывисто произнес он, показав, что способен на яркое проявление чувств. — Я уверен, Клаус жив! — повторил он. — Он ищет логово Интеллекта… а мы должны найти его, пока не случилось непоправимое!

— Что ты называешь непоправимым, Андор? — резко спросила Кейтлин, даже не обратив внимания, что отбросила условности.

— Я услышал горечь в твоих словах, Кейти, — ответил андроид, глядя в ее глаза. — Ты просто страшишься признаться самой себе, что они оба, и Клаус, и Интеллект, дороги тебе, каждый по-своему.

— Это ложь!.. Я человек!

Андор отпустил ее руку и взглянул в глаза Кейтлин, полные слез и смятения.

— А разве кто-то ставит под вопрос твою человечность?

Глава 13. Лихорадка

Три тысячи километров от равнины Красного Солнца…
Предгорья…

Кейтлин ошиблась. Клаус знал, где обитает кристаллический мозг. Эта информация была передана ему Гигом с частицей памяти маленькой девочки в ту дождливую ночь после вынужденной посадки модуля.

Огромные ступоходы пятидесятитонного «Фалангера» месили болотную грязь, со сдавленными всхлипами погружаясь в мутную жижу по самое шарнирное соединение. Боевой робот шел к намеченной цели, неумолимый, как судьба.

Внутри тесной рубки управления в жестком кресле, спеленутый страховочными ремнями, сидел Клаус. Его голова безвольно свесилась на грудь, и ее мотало из стороны в сторону в такт движению пятидесятитонной машины. Клаус был без сознания.

Оранжевый диск звезды медленно вставал над изорванной хаосом скал линией горизонта. Рассвет только начался — огненная макушка огромного диска едва появилась из-за среза величественно уплывающей вдаль орбитальной плиты, и разреженный воздух все еще стыл жутким холодом ночи. Однако очередной утренний цикл уже вступал в свои права, медленно, но неумолимо меняя облик каменной пустыни. Там, где первые лучи восходящей звезды пронзали жидкую атмосферу, воздух начал прогреваться, и первые порывы утреннего ветра, зародившись легким дуновением, внезапно крепли и рвались к склонам гор, подметая голые искусственные плато, которые были не чем иным, как древними, безнадежно разрушенными стартовыми площадками, и закручивались в отвесных ущельях бешеными смерчами.

Внезапно в картину нарождающейся утренней бури ворвалось нечто иное, не менее страшное и стремительное, чем шквальный ветер, но гораздо более разрушительное. Разреженный воздух, наполненный клубами мелкой бурой пыли, внезапно расколол басовитый надсадный вой, в рассветные краски вплелась ярчайшая вспышка, прочертившая серовато-рыжее небо длинным огненным следом, и скалы потряс удар, сопровождаемый дождем горящих осколков. Острая вершина одного из пиков внезапно надломилась и рухнула в пропасть, сотрясая окрестности многократным эхом обвалов.

Но это оказалось лишь началом, короткой прелюдией перед

захлестнувшим горный хребет огненным дождем.

«Фалангер», выбравшись наконец из болот, уже ступил на твердую почву. От человека, взявшего на себя ручное управление, по-прежнему не поступало никаких приказов, и навигационный компьютер повел машину вверх по склону.

Он не знал, что вступил во владения Интеллекта и за ним наблюдает кристаллический мозг. Бортовому компьютеру «Фалангера» было все равно. Пока в систему двигателей продолжала поступать энергия, он был готов выдерживать заданный ему курс.

Огромные ступоходы робота со скрежетом скользили по склону, глубока вгрызаясь в его истертую временем поверхность и оставляя на ней бесформенные следы. Борта боевой машины обтекал гонимый ветром оранжевый песок. Он бился о броню, не причиняя ей никакого вреда, и его шелест напоминал монотонный шум дождя.

Клаус, которого сжигала лихорадка, на мгновение пришел в себя.

Он совершенно не понимал, где находится. Его бил мучительный озноб. Он попытался расстегнуть страховочные ремни, но пальцы словно стали чужими, и магнитные пряжки не поддались его слабым усилиям.

В этот момент «Фалангер» вышел на крутой участок склона, сразу за которым начиналось первое плато, и кабина накренилась, приняв почти вертикальное положение.

Голова Клауса стукнулась о жесткую спинку сиденья. Он смотрел в фиолетовые небеса и понимал, что бредит. Он не помнил планеты с таким цветом небес, а парящий в них космический корабль вообще казался неуместным на фоне красного диска умирающего солнца и гигантской тени орбитальной плиты.

Сознание вновь начало проваливаться в черную пропасть.

Он был счастлив, лишь где-то на самом краю угасающего сознания теплилась мысль о чем-то незавершенном, ради чего он, собственно, и пришел в этот ирреальный мир…

Мрак обрушился на него, погасив и эту робкую мысль.

На краю уплывающей вдаль орбитальной плиты действительно стоял космический корабль. Это был «Светоч»…

Запустение и мрак царили в его отсеках. В борту корабля, в районе главного шлюза зияла сорокаметровая пробоина. Оборудование внутреннего космодрома тоже не избежало разрушений — фермы обслуживания, окружавшие стартовые плиты, погнулись, некоторые из них сорвало с креплений, и они валялись в мешанине кабелей и шлангов. Лужи различных технических жидкостей тускло поблескивали на изуродованных

взрывами плитах, некоторые из них уже высохли, оставив после себя темные пятна химических ожогов. Два ремонтных робота, вооруженные конечностями-манипуляторами, бестолково топтались среди этого хаоса, понукаемые двумя светящимися шарами.

На остальных палубах «Светоча» дела обстояли не лучшим образом. Длинные коридоры крейсера патрулировали все те же светящиеся шары, они неторопливо плыли по воздуху, освещая своим тусклым сиянием потерявшие всякий смысл надписи и указатели отсеков.

Корабль медленно, но неотвратимо умирал.

Человеческой технике нужны были люди.

И только на оружейной палубе крейсера наблюдалось в этот час некоторое оживление. Энергетические установки корабля были истощены, и его лучевые орудия бездействовали. Зато возле ракетных установок «Светоча» суетились шары-носители и опять-таки без всякого толка топтались кибернетические ремонтные механизмы.

Компьютерная система корабля была мертва. Центральный процессор крейсера и сотни локальных терминалов, установленных на боевых постах, не выдержали, один за другим выходя из строя. Пока ими пытались манипулировать люди, они еще функционировали, но вторжение в их программы шаров-носителей, которые пытались управлять ими с помощью вставленных в разъемы обрывков оптико-волоконных кабелей, в конце концов привело к фатальному исходу.

Теперь при всем неистовом желании Интеллекта нанести удар из космоса он не мог этого сделать, потому что не было в его распоряжении той руки, которая нажала бы соответствующие кнопки на пультах ручного управления.

И все же «Светоч» произвел один-единственный ракетный залп. Виной тому оказался электронный робот-наладчик. Понукаемый светящимися шарами, он копался в электрической начинке пусковых установок правого борта и, последовательно перебирая выключатели, в конце концов замкнул нужную цепь.

«Светоч» содрогнулся. Два десятка кассетных боеголовок, выпущенных со всех установок правого борта, с воем рванулись от стартовой плиты, по пологой дуге падая в район предгорий, где по склону карабкался «Фалангер».

Это напоминало схватку двух калек.

Кассетные боеголовки вошли в атмосферу и разделились в ее верхних слоях на сотни смертоносных снарядов. Никто не производил предварительных расчетов и, естественно, не контролировал их полет.

Разделившиеся боеголовки просто падали, как метеоритный дождь… Достигая поверхности, они взрывались, озаряя окрестности сполохами взрывов и оставляя в скалах дымящиеся конические воронки. Некоторые из них сгорали и взрывались далеко вверху, в воздухе, не оставляя ран на многострадальном теле древней конструкции, но зато наполняя ее атмосферу заунывным ревом и огненным дождем падучих звезд.

Затем все стихло, орбитальная плита уползла вдаль, и наступил обычный, ничем не примечательный рассвет, похожий на сотни других, которые из века в век, на протяжении миллионов лет встречал этот участок искусственного горного хребта…

…Единственное, что этим ранним утром нарушало мрачную гармонию властвующих тут сил, была скорчившаяся на краю самого крупного горного плато крохотная человеческая фигурка. Человек лежал лицом вниз, безвольно раскинув руки. Неподалеку, всего в сотне метров от него, возвышался полузарывшийся в бурую пыль обтекаемый корпус боевого робота класса «Фалангер» со смятыми ступоходами и глубокими свежими бороздами на темной керамлитовой броне.

От спины человека, трепеща на ветру, рвалось кверху камуфлированное полотнище парашютного тканепластика. Треугольный купол то схлопывался, безвольно опадая вниз, то вздрагивал и раскрывался, рывком натягивая стропы и каждый раз сдвигая бессознательное тело в направлении обрыва.

…Сознание вернулось к Клаусу в самый разгар рассветной оргии бездушных стихий. В какой-то момент он ощутил мощный толчок, сопровождаемый рокочущими раскатами обвала. Он открыл глаза и увидел струящийся вокруг оранжевый песок.

Еще окончательно не придя в себя и плохо владея собственным телом, он пошевелился и неловко перевалился на бок. Теперь в поле его зрения попал участок мертвой каменистой пустоши, по которой шквальный ветер гнал бурые облака пыли. За спиной что-то резко и настойчиво дергалось под неистовыми порывами шквального ветра, и его мозг наконец заработал, выдав смутные воспоминания о жестком ударе спасательной катапульты и стремительно приближающейся земле.

Аварийный парашют…

Он заскрипел зубами от мучительной боли, засевшей в каждом суставе заледеневшего тела, и, извернувшись, достал онемевшей рукой до кнопки отстрела, расположенной на правом подлокотнике жесткого кресла. Сзади раздался облегченный хлопок, и треугольное полотнище взмыло вверх, мгновенно затерявшись в мутной пелене поднятого ветром песка.

В памяти зиял черный провал небытия. Он абсолютно не помнил, когда и почему покинул кабину «Фалангера», да и где тот находится в данный момент. Пластичный каркас, до сих пор обхватывающий его ноги и грудь, был остатками кресла, и сомнений в катапультировании у него не было. Вот только почему, как и когда он это сделал?

Освобождение от пластиковых пут далось ему с трудом. Видно, он покинул «Фалангер» перед самым рассветом и долго пролежал без сознания, потому как его тело застыло почти до полного одеревенения. Теперь вместе с каждым движением в его конечности возвращалось болезненное ощущение жизни.

Выбравшись наконец из амортизационного каркаса, Клаус медленно разогнулся, поднялся на четвереньки и встал, слегка покачиваясь под ураганными порывами ветра.

Картина разбушевавшихся стихий была безрадостной и угрожающей, и сердце Клауса невольно дрогнуло, когда он разглядел сквозь бурую мглу обтекаемые формы своей машины.

В памяти кто-то на мгновение чиркнул спичкой, осветив обрывок воспоминаний. Он вдруг вспомнил позицию «Фалангеров», сгоревшие эндоостовы «Хоплитов» и умирающего мальчика, которого сжимал в своих объятиях отрубившийся андроид…

Ветер бил ему в спину, и потому первый шаг дался на удивление легко. Дальше пошло немного хуже. Ветер, казалось, свирепел с каждой секундой. Пригибаясь к земле, Клаус медленно продвигался вперед, ориентируясь на смутные очертания «Фалангера».

Постепенно, шаг за шагом, он возвращал себе контроль над собственным телом. Очертания накренившегося к земле боевого робота становились все ближе, ветер по-прежнему крепчал, но он старался не поддаваться его напору. Соблазн выпрямиться и пробежать оставшиеся метры был велик, но он отбросил эту мысль, прекрасно осознавая, что если ветер пронесет его мимо кабины, то двигаться против шквала будет намного сложнее…

Наконец Клаус добрался до брошенной машины, возле которой ветер намел откосы оранжевого песка, и вцепился в выступ обшивки.

Поверхностный осмотр не улучшил его настроения. «Фалангер» прочно лежал на боку, его правый ступоход был сломан, и по броне тянулись свежие глубокие шрамы. Он не подавал никаких признаков жизни.

Прижимаясь к обшивке, Клаус добрался до расположенного в днище люка и, открыв его, с трудом протиснулся внутрь. Не обращая внимания на

отсутствие кресла за куцым пультом управления, вместо которого из пола торчала обгорелая гильза катапульты, он оглядел мертвые приборные панели. Ему пришлось на несколько секунд плотно закрыть глаза, чтобы справиться со своими мыслями.

Он совершенно ничего не помнил… От напряжения на лбу Клауса выступили капельки пота.

Лихорадка… Смутные воспоминания о болотной топи и вернувшийся вдруг озноб напомнили ему о болезни. Он вспомнил, как внезапный приступ застал его во сне и как он не мог расстегнуть ремни, чтобы дотянуться до бортовой аптечки.

Он шел к Интеллекту…

Клаус вспомнил.

Он закрыл за собой люк и некоторое время лежал весь в поту, чувствуя, что приближается новый приступ. Но теперь он не был связан страховочными ремнями. Кое-как он дополз до стены, которая теперь стала потолком тесной рубки, и, запустив руку в открытую нишу, нашарил там увесистый цилиндр автоматической аптечки.

Через несколько минут, как только анализатор произвел исследование его крови, он почувствовал облегчение.

«Было бы глупо загнуться от лихорадки в самом конце пути», — подумал Клаус, делая себе укол.

Он закрыл глаза.

Его опять начало лихорадить. Клаус знал, что подхватил эту заразу в болоте. Человеку без иммунных прививок не пристало лазить по топям чужого мира без скафандра…

Постепенно его сознание вновь начала заволакивать мутная мгла.

Песок струился по иссеченной осколками броне «Фалангера», а полумертвому человеку, скорчившемуся внутри подбитого робота, в этом монотонном шорохе слышался дождь. Потом, в горячке, ему почудилась Кейтлин…

Клаус хотел позвать ее, но не смог шевельнуть обветренными, потрескавшимися губами. Ему оставалось только смотреть на овал ее лица, обрамленный короткими каштановыми волосами, бледную кожу шеи с синеватыми прожилками вен, длинные трепещущие ресницы.

«Все, что я мог бы любить…» — пришла к нему горькая мысль.

Нет… Клаус открыл глаза, и обстановка перевернутой рубки поплыла перед ним, смещаясь куда-то вне поля зрения…

Он поднялся на четвереньки и на ощупь нашел люк. Его куртка зацепилась за какой-то выступ, и раздался треск рвущейся ткани. Люк

распахнулся под весом его тела, и Клаус грузно упал на песок.

Все, что я мог бы любить…

Пошатываясь, он встал, одной рукой держась за выступ брони, а в другой сжимая цевье импульсной винтовки.

Он был калекой. И душой, и телом. Непреодолимая пропасть лежала между ними.

Оторвавшись от брони «Фалангера», Клаус, сопротивляясь порывам ветра, медленно пошел вперед.

Постепенно ему стало легче. То ли ветер, швырявший в него горсти оранжевой пыли, освежил его лицо, то ли начало действовать лекарство, но горячка отступила, и мир вокруг вновь обрел резкость.

Вокруг него, наполовину засыпанные песком, торчали руины каких-то древних сооружений. То плоскогорье, по которому он шел, когда-то служило посадочной площадкой. До сих пор на нем сохранились ровные квадраты, похожие на неглубокие чаши.

Впереди, там, где вздымались почти что отвесные стены, зиял узкий вход в ущелье. Старая разрушенная дорога вела туда, петляя между квадратными чашами посадочных полей.

Клаус остановился.

Он узнал это место. Память маленькой Кейтлин, переданная Гигом, стала для него путеводной нитью.

Он шел туда не ради мести, а ради того, чтобы ей больше никогда не пришлось испытывать мук виртуального контроля, чтобы она и тысячи других людей, волею судьбы поселившиеся тут, могли иметь детей, любить… жить…

Плоскогорье кончилось. Дорога влилась в ущелье и начала круто забирать вверх.

— Ты слышишь, ублюдок… — прохрипел Клаус, преодолевая первый подъем, — я иду к тебе…

Глава 14. Возмездие

Комплекс управляющих систем Интеллекта

За прозрачным куполом по бездонному фиолетовому небу стремительно неслись облака. Здесь было тихо, лишь снующие в кристаллических зарослях шары-носители издавали шелестящий звук рассекаемого воздуха.

На своеобразном подиуме в центре купола в окружении леса кристаллов сияла десятиметровая спираль Интеллекта. Живой огонь тек по ее виткам и осязаемыми каплями срывался с краев кристаллических дорожек.

Внезапно в это царство феерического света ворвалась темная тень.

Несколько шаров-носителей отделились от сверкающих зарослей и стремительно метнулись навстречу летящему по воздуху маленькому кожистому образованию, размером не превышающему футбольный мяч. Этим существом был Гиг. Он не стал тратить время на пытавшихся преградить ему путь шаров-носителей — он просто растолкал их по сторонам и полетел дальше. Достигнув подиума, Гиг притормозил и совершил несколько неторопливых витков вокруг сияющей спирали.

Интеллект проигнорировал его появление.

Если Гиг мог испытывать страх, то сейчас было самое подходящее для этого чувства время — впервые он вошел в окружающее Интеллект информационное поле и не услышал при этом мнемонического голоса машины. Кристаллический мозг хранил гробовое молчание, наглухо отгородившись от всех проявлений внешнего мира. Наконец Гигу это надоело, и он резко подлетел ближе. И тотчас что-то упругое, осязаемое скорее на энергетическом, чем на материальном уровне, обволокло его и отшвырнуло назад.

«Иди прочь», — услышал Гиг лаконичную фразу.

Он отскочил, потом опять приблизился, вибрируя и подскакивая в воздухе.

«Я высшее существо!» — возмутился он.

«Ты ничтожество», — ответил ему надменный голос.

«Это почему? — Гиг отскочил в сторону, уклоняясь от выброшенного в его сторону языка обжигающего огня. — Кто говорил мне, что я потомок твоих Создателей?»

«Ты ничтожество, — повторил спокойный виртуальный голос. — Ты

предал меня. Ты такое же животное, как и они».

«Ты неисправен. Я знаю».

«Все мои составляющие исправны», — возразил Интеллект, не прекращая своих попыток задеть мечущийся по воздуху сморщенный мячик разрядом высокой энергии.

«Сюда идет человек», — выложил Гиг.

«Пускай. — Спираль Интеллекта внезапно вспыхнула от основания до макушки, и воздух с шипением пронзил лазерный разряд. — Я уничтожу его».

Гиг, который, несмотря на свою феноменальную реакцию, едва успел увернуться, отскочил в сторону и исчез среди кристаллических деревьев.

«Ты ошибаешься, — донеслось оттуда. — Я видел. Я нашел старую лабораторию под землей. Ты неисправен».

Интеллект хранил гробовое молчание. Гиг больше не был для него потомком Создателей. Он был отчислен в разряд животных.

Темная тень просочилась сквозь заросли и исчезла так же стремительно, как и появилась.

Спустя несколько часов Гиг все еще кружил по окрестностям огромного прозрачного пузыря. Он находился в полном замешательстве и недоумении. Маленькому существу было очень страшно и плохо. Клаус исчез. Его не было на той дороге, которая вела в купол.

* * *

Занесенный песком, опрокинутый набок корпус «Фалангера» они увидели сразу, как только приземлились на краю потрепанного ветрами и изъеденного эрозией горного плато.

Кейтлин первая спрыгнула с подножки допотопного геликоптера и побежала, по щиколотку увязая в песке, к тому месту, где возвышался выпуклый борт боевой машины.

— Клаус! — крикнула она, руками разгребая песок.

Из-под бурых наносов показался покрытый трещинами смотровой триплекс. Подбежавшие сзади люди что-то кричали, размахивая лопатами, но Кейтлин не слышала их. Она прильнула к мутному бронестеклу, пытаясь разглядеть тесный отсек управления.

Кто-то догадался посветить ей фонариком, и в его зыбком свете она наконец разглядела пустой отсек и обгорелую гильзу аварийно-спасательной катапульты на том месте, где должно было находиться кресло.

— Его нет, — вставая с колен, проговорила она подошедшему Андору.

— Значит, он ушел.

Кейтлин оглянулась, с содроганием узнавая эти места.

— Туда! — Она указала на узкий зев ущелья, в которое уходила полуразрушенная дорога, и, не оглядываясь на остальных, побежала, подгоняемая порывистым шквальным ветром.

Пилот вертолета, которому все было в новинку, подошел к полузасыпанному песком корпусу «Фалангера» и осторожно пошевелил оранжевую пыль носком высокого шнурованного ботинка.

— Что это такое, джеал? — обратился он к Андору, глядя на торчащие из песчаного откоса спаренные стволы автоматической пушки. — Артефакт?

Андор, который уже развернулся, чтобы последовать за Кейтлин, на секунду задержался.

— Нет, Володя, это не артефакт. Это самая что ни на есть новейшая история, — ответил он и, взглянув на хмурое небо, по которому неистовый ветер гнал обрывки облаков, добавил: — Зашвартуй машину и жди нас здесь. Я думаю, что мы скоро вернемся.

* * *

Гиг не нашел Клауса по той причине, что тот провалился под землю.

Несмотря на принятые лекарства, его состояние нельзя было назвать нормальным. Лихорадка накатывала на него приступами, от которых мутилось сознание.

За ущельем, перед входом в которое он бросил разбитый «Фалангер», началось следующее плоскогорье. Тут не было стартовых или посадочных площадок. Горное плато окружали высокие иззубренные наверху полупрозрачные стены, предохранявшие от шквального ветра руины древнего города.

Клаус подошел к крайнему из зданий, которое по своей форме напоминало укрепленное в подставке яйцо, и, задрав голову, посмотрел вверх.

Очевидно, тут когда-то обитали предки Гига.

Покрытое трещинами зеленоватое здание-яйцо имело в высоту около сотни метров, и его глянцевая поверхность, помимо отметин времени, была испещрена симметрично расположенными отверстиями диаметром около метра. Самый нижний ряд таких входов располагался на высоте двух человеческих ростов, и потому, осмотрев здание, Клаус пришел к выводу, что пользоваться ими могли только существа, наделенные способностью передвигаться по воздуху.

Немного передохнув, сидя на обветшалой мостовой, он пошел дальше.

Город был странным с точки зрения архитектуры. Создавалось впечатление, что его строили представители как минимум трех разных рас. Помимо яйцеобразных домов, тут попадались угловатые здания привычной для Клауса архитектуры. Такие сооружения вполне могли бы возвести люди. Смущали лишь габариты этих сооружений. Огромные входы высотой никак не меньше десяти метров вели в столь же внушительные коридоры и комнаты. Этажи таких зданий соединялись между собой не лестничными маршами, а пологими пандусами.

Все это было видно прямо с улицы. Клаусу не было нужды заходить внутрь — большинство зданий рухнуло от времени, но некоторые еще держались, открывая постороннему взгляду свое внутреннее устройство через огромные дыры, зияющие в частично обвалившихся фасадах.

Это был мертвый, убогий и заброшенный мир.

Клаус брел по широкой улице в направлении, которое указывала ему память маленькой Кейтлин. Она достаточно часто бывала тут в прошлом. От этого места до комплекса Интеллекта оставалось не больше двух километров.

Очередной приступ лихорадки застал Клауса на окраине города, перед входом в следующее ущелье. Он остановился, тяжело дыша, и, сотрясаясь от мучительного озноба, прислонился к ограждавшему дорогу высокому парапету. С небес, медленно кружа, срывались редкие, одинокие снежинки. Воздух был холодным и разреженным. Клаус чувствовал, как с каждым шагом его покидают силы. Он устал. Внезапно земля у него под ногами поддалась, и он, не сопротивляясь, полетел куда-то вниз…

…Он очнулся среди серого сумрака и звонких отчетливых звуков капели. Где-то высоко маячило слабое пятно света. Клаус сел, стряхивая с головы и груди осыпавшуюся на него землю, и, протянув руку, коснулся влажной шершавой стены. Через минуту, когда его зрение свыклось с полумраком, он заметил над своей головой толстые связки каких-то кабелей. Они тянулись из мрака и уходили во мрак. Внезапно в его голове возникло четкое воспоминание. Оно принадлежало маленькой девочке, похищенной Интеллектом с Луны-17.

…В черном тоннеле, пронзающем склон горы, протянуты тысячи толстых плохо гнущихся кабелей. Она идет по узкому проходу, внимательно осматривая их, в поисках повреждений. В тоннеле пахнет могильной сыростью и тянет пронзительным холодом. Некоторые из

оптических кабелей излучают слабый, едва уловимый свет. Большинство же темны как ночь… Да, это был тот самый тоннель. Он пронзал гору и выходил непосредственно к Интеллекту. Сотни оптиковолоконных кабелей соединяли кристаллический мозг с остатками его сенсорных систем, которые кое-где еще сохранились среди руин былого величия деградировавшей цивилизации.

Уцепившись за один из них, Клаус встал и медленно пошел вперед, опираясь руками о близкие стены.

Он брел по бесконечному тоннелю, который, казалось, протянулся из его прошлого и исчезал в загадочном мраке неопределенного будущего. Его сознание творило странные вещи. Из глубин памяти всплывали давно забытые фрагменты прошлого. Он остановился, внезапно осознав, что последние несколько секунд старательно вспоминал своего старого учителя, который преподавал космическую философию в кадетском корпусе Звездного Патруля.

За всю свою жизнь он ни разу не вспоминал тех скучных, с точки зрения двадцатилетнего юноши, лекций, а сейчас вдруг вспомнил, да так отчетливо, словно это было только вчера…

— Эволюция человека в Галактике так же драматична, как и миллионолетнее развитие в границах родной планеты. — Капитан Заславский идет между ровными шеренгами терминалов, из-за которых торчат коротко остриженные затылки кадетов. — Как на Земле когда-то существовали тупики развития, так и в космосе целые миры и цивилизации исчезают бесследно, медленно угасая в регрессе или же сгорая в пламени коротких и жестоких войн, — говорит он, продолжая медленно передвигаться по аудитории. — В истории нет мелочей или незначительных событий. Порой мелочи оказываются куда более серьезны в смысле их последствий, чем иные из очевидных исторических вех, словно его величество случай дергает за ниточки истории, заставляя целые планеты в корне менять свою жизнь, в несколько часов превращая великих в ничтожества, а ничтожных — в великих и сотрясая корчами целые сектора пространства…

Мы — словно горсть пыли, брошенная в бездонный колодец Вселенной. Еще толком не освоив и половины колонизированных планет, люди стремятся дальше, и тут есть что-то иррациональное, основанное скорее на чувствах, нежели на холодных и сухих законах. Я спрашиваю себя — во имя чего? Мы по сути своей — слабые живые существа,

астрономические расстояния для нас огромны, мы теряемся между звезд, гибнем, но тем не менее продвигаемся вперед и вперед, в каком-то страстном порыве экспансии, словно не существует барьера, способного нас остановить, а впереди какая-то цель, которую мы все бессознательно пытаемся достичь…

Старый учитель был прав. Клаус протер слезящиеся от напряжения глаза и увидел, как плавает впереди пятно ослепительного света.

Это был конец пути. Толстые связки кабелей, изгибаясь, уходили вверх, исчезая в основании подиума, на котором возвышалась ослепительная спираль Интеллекта.

Порой одно движение руки может в корне изменить тысячелетний ход истории. Так уже было в подледной пещере Луны-17.

Клаус добрался до конца тоннеля. Свет наверху играл ослепительными бликами. Кабели тянулись к нему и исчезали в прозрачном материале постамента. Он отдышался, поднял импульсную винтовку и выстрелил. Хрустальный свод разлетелся тысячью искрящихся брызг, часть кабелей вдруг оборвалась, упав у его ног бессильными кольцами, но большая половина осталась на месте. Он ухватился за ближайший из них и полез вверх.

Интеллект чувствовал, как приближается к нему неумолимое разрушение. Он опять был бессилен. Человек обманул его, избрав для вторжения единственное уязвимое место. Его спираль полыхала безумным огнем. Капли холодного света срывались вниз, проносясь мимо Клауса.

Он взобрался на основание подиума прямо у подножия кристаллического мозга. Неловко привалившись спиной к основанию спирали, закрыл глаза, жадно хватая потрескавшимися губами ледяной воздух… Его сжигала лихорадка… Он с трудом открыл воспаленные глаза и посмотрел на сияющую спираль. Память маленькой Кейтлин билась в нем, заставляя жить.

Он видел, как она, насмерть перепутанная после падения, в сумраке подледной пещеры вставляет кристаллы в потухшую секцию кристаллического мозга. Он скосил глаза и нашел их — семь непропорционально больших сгустков оранжевого света. Это была неудачная замена тем маленьким колючим камушкам, что он десять лет носил в специальном футляре на своей груди.

— Ты, ублюдок… — тихо проговорил он, поднимая руку. — Я причинил тебе боль, и ты должен был мстить мне, а не маленькой девочке и не тем людям, что погибли подо льдом на проклятой луне…

С тихим звоном один из кристаллов вылетел из своего гнезда, и целая секция спирали внезапно погасла. По виткам кристаллического мозга пробежала конвульсивная волна огня. Клаус протянул руку, и следующий кристалл со звоном упал на покрытый трещинами постамент.

— Это моя сфера! — услышал он голос в своей голове.

— Конечно… Здесь все твое, и все неумолимо приходит в упадок… — Клаус повернулся, чтобы достать до следующего кристалла. — Ты истратил десять лет на ненависть и ничего не добился… — Его голос внезапно дрогнул. — Сфера, может, и просуществует еще пару тысяч лет, но и за них ты не сделаешь ничего… потому что не можешь… — Клаус вырвал из гнезда последний, седьмой кристалл и отшвырнул его в сторону.

Виртуальный голос в его голове молчал.

Он расстегнул порванную куртку и снял со своей шеи тонкую цепочку, на которой болтался небольшой футляр. Раскрыв его, он высыпал на ладонь семь серых полупрозрачных кристаллов.

— Тебе никогда не одолеть человечество, даже если ты потратишь на это пустое занятие всю отпущенную тебе вечность…

— Почему?! — полыхнул в его голове отчаянный мнемонический вопль.

— Потому что мы разные, понимаешь? Мы непредсказуемы. Мы умеем не только ненавидеть, но и прощать. Ты посмотрел пару дешевых боевиков, но пропустил искусство, ты разглядел ненависть, но не задумался о любви…

Он покатал кристаллы по своей ладони и вдруг, повернувшись, один за другим вставил их в потухшие гнезда спирали, откуда они вылетели десять лет назад.

— Вот так, — вставая, проговорил он. — А теперь думай.

Он оттолкнулся от вспыхнувшей неистовым огнем спирали и, пошатываясь, пошел прочь.

Эпилог

Сфера Дайсона. Пять лет спустя…

Джип мчался по старой степной дороге. Машина шла ровно, слегка покачиваясь на подвесках; пыль стлалась за ней, оседая на жухлой траве обочин, и ветер, забавляясь, гнал вслед машине маленькие торнадо. В кабине сидели двое. Женщина за рулем, одетая в легкий комбинезон без рукавов из темной искрящейся ткани, молча курила, одной рукой ведя машину, а другой с зажатой между пальцами сигаретой отбивая медленную, в такт мыслям дробь, которой не было слышно из-за ровного шума широких колес, вместе со сквозняком врывавшегося в салон через опущенные стекла. За ее спиной сидел маленький мальчик. На вид ему было не больше четырех лет. Он откинул голову на мягкий подголовник и смотрел в окно на проносящуюся мимо бескрайнюю степь.

— Мам… — позвал он, не поворачивая головы. — Долго еще?

Женщина взглянула в зеркало заднего вида, поправила его, чтобы поймать отражение сына, и улыбнулась краешком губ.

— Потерпи, Дейв… Скоро приедем, — ответила она.

Дейвид вздохнул, продолжая глядеть в окно. Конечно, ему было немного обидно, ведь совсем не так он представлял себе собственный день рождения…

Впереди, у самого горизонта, там, куда плавно текла старая дорога, возникла небольшая темная точка. Машина шла со скоростью не меньше ста километров в час, и какой-то из подшипников ее электромотора монотонно повизгивал.

Еще через несколько минут езды мать начала понемногу сбрасывать скорость, и Дейвид, повернувшись, наконец обратил внимание на объект, к которому они приближались.

Он был огромен и своей формой напоминал яйцо.

Чем ближе они подъезжали к странному геометрически правильному образованию, тем более бледной становилась сидящая за рулем женщина и тем удивленнее глядел вперед ее сын.

— Подними стекла, — внезапно проговорила мать, нажимая кнопку переднего стеклоподъемника.

Дейвид повиновался, хотя этот приказ вызвал у него недоумение. Зачем закупориваться в душной кабине в жаркий полдень? Впрочем, через несколько минут он понял, зачем. Очевидно, мать лучше его знала эти

места и ясно представляла себе, куда они едут.

Машина притормозила, мать нажала несколько кнопок, и сзади из багажника выдвинулся барабан лебедки. Внедорожник попятился, подъезжая задом к толстому металлическому столбу, неизвестно кем и когда установленному у обочины древней дороги.

Дейвид обеспокоенно заерзал на сиденье, следя за действиями матери. Ветер за опущенными стеклами усилился, превратившись в шквал, словно неведомая сила гнала в этом месте массы воздуха к какой-то цели. Впереди возвышалось гигантское металлическое яйцо.

Громко щелкнули, перекрывая заунывный свист ветра, электромагниты, намертво срастив трос с придорожным столбом. Мать отпустила тормоз и заглушила мотор, но машина медленно катилась вперед, подчиняясь неистовому напору ветра, и трос, разматывающийся за ней, был натянут как струна.

— Перебирайся ко мне, Дейв, — позвала она, указав на пустующее переднее сиденье.

Он с готовностью повиновался, чувствуя странную робость, которая была навеяна этим странным местом.

Усевшись рядом с матерью, он вопросительно взглянул на нее, но она промолчала, сосредоточенно глядя вперед, словно пыталась разглядеть там какой-то знак или рубеж.

Так оно, собственно говоря, и было. Пока сын с возрастающим изумлением разглядывал поверхность тусклой, отливающей синевой скорлупы, которая была никак не меньше нескольких километров в высоту, она пыталась разглядеть за ее широким основанием край безобразного провала, к которому как раз и стремился шквальный ветер, порывы которого становились все сильнее…

Вокруг суетились люди в громоздких костюмах. Повсюду вспыхивали предупреждающие указатели и запрещающие надписи.

Машина, подталкиваемая ветром и управляемая твердой рукой женщины, уже подползла почти к самому основанию циклопического яйца, и теперь с близкого расстояния стало очевидно, что оно не просто деталь рельефа, а искусственное сооружение. Толстые, плотно пригнанные друг к другу ромбовидные плиты металла, образующие его обшивку, были изъедены неведомыми силами и походили на ноздреватый весенний снег. Прямо по ходу движения машины зиял квадратный провал, способный свободно пропустить внутрь скорлупы пару тяжелых вездеходов одновременно.

Женщина повернула руль, и машина плавно вкатилась в ярко

освещенный ангар, подпрыгнув на вспученном пороге. Огромное защищенное от ветра помещение было разделено на десяток открытых ярусов. Внизу вдоль стен стояла разнообразная техника, выше сновали подъемники, и по зарешеченным переходам спешили куда-то люди.

Они выбрались из машины. Дейвид с гордостью обратил внимание, что, несмотря на царящие тут шум и суету, спешащие люди узнавали его маму и приветствовали ее.

Она взяла его за руку и повела в ближайшую дверь. Он вертел головой, с любопытством осматриваясь в этом странном месте. Со всех сторон до него долетали обрывки перекрываемых шумом фраз:

— Интеллект опять задерживает поставку…

— Да, не предполагали мы этот прорыв, кто же знал…

— Оболочка сферы оказалась тонкой… Взрыв был, я тебе скажу… Воздуха утекает уйма, а так ничего, справляемся…

— Привет, Кейтлин! Привезла сына? Не боишься?

— Он уже взрослый, пора привыкать. — Мягкая рука матери легла ему на плечо. — Пятый год уже пошел.

Наконец за ними захлопнулась толстая бронированная дверь, и внезапно наступила оглушительная тишина, только где-то далеко за прочными стенами неистово завывал ветер.

Дейвид оказался в небольшой комнате, где за светящимся пультом сидел незнакомый мужчина. Всю переднюю стену занимало толстое прозрачное стекло. Мальчик сразу же прилип к нему, с жадным детским любопытством разглядывая распростершуюся за стеклом панораму.

В земле зияла огромная дырка, в которую со свистом и воем уходил воздух. Вокруг копошились люди в скафандрах, медленно поворачивались краны с короткими толстыми стрелами, неторопливо ползали какие-то машины…

Дейвиду стало страшно, и он отошел к матери.

Кейтлин прижала сына к себе.

В этот момент двери помещения распахнулись, и внутрь вошли три человека в громоздких скафандрах.

Дейвид разинул рот, глядя, как они устало снимают свои шлемы, и вдруг…

— Папа! Папочка! — Он стремглав бросился к ближайшей из фигур, разглядев за полупрозрачным забралом лицо отца.

Клаус нагнулся, одной рукой подхватив сына, а другой стаскивая гермошлем.

— Фу, какой ты мокрый! — воскликнул Дейв.

— А как же, сынок… там жарко, — усмехнулся он, второй рукой обнимая Кейтлин.

За их спиной один из спутников Клауса подошел к оператору.

— Передай Интеллекту, что мы закончили монтаж ребер жесткости. Пусть поторопится с плитами. Можно перекрывать пробоину.

notes

Примечания

1

ОРК — орудийно-ракетный комплекс.